Борис БОЧКАРЕВ

ГРОЗОЙ МОЩЕННЫЕ ДОРОГИ

Издательство
политической
литературы

Борис БОЧКАРЕВ

ГРОЗОЙ МОЩЕННЫЕ ДОРОГИ

Повесть
О Петре Войкове,
большевистском
комиссаре
с чрезвычайными
полномочиями

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

66.61(2)271.1
Б86

Б $\frac{0902030000-231}{079(02)-85}$ 257—85

И быть грядущему великим

Среди громадного количества людских судеб есть особые — судьбы бойцов Великой Октябрьской социалистической революции, утвердивших на земле новую эпоху истории человечества.

Величайшие и главные из этих судеб — судьбы Владимира Ильича Ленина, его соратников, сподвижников. Они шли, жертвуя собой, устремленные к великой цели — освобождению человечества от власти капитала. Их пути пробивались через жандармский сыск и полицейский надзор, мрак казематов и каторжных нор, через последний вскрик на эшафоте, через бои, поражения и победы; для них не было проторенных троп, их повсюду ждали грозой мощенные дороги. Многие пали смертью героев, и чтобы рассказать о той борьбе, не хватит века летописцу. Там, в сражениях с белогвардейщиной, сомкнувшей свои силы с иностранной интервенцией, Республика Советов отстояла власть народа в невиданной и неравной битве, там страна прошла сквозь разруху и смертный голод, там в потоке грозных событий есть и личная судьба человека — Петра Войкова, уральского большевистского комиссара с чрезвычайными полномочиями. В той борьбе Петр Войков не был героем-одиночкой. На Урале Советскую власть утверждали замечательные большевики: А. А. Андреев, А. Г. Белобородов, П. М. Быков, Л. И. Вайнер, Ф. И. Голощекин, А. А. Кузьмин, И. М. Малышев, Я. М. Свердлов, Д. Е. Сулимов, Н. Г. Толмачев, С. М. Цвиллинг и многие из тех, кто связал свою судьбу с революцией, кто отдал жизнь делу великого становления Советской власти. Они шли в бои, в атаки, командовали отрядами, эскадронами, дивизиями, были комиссарами, со смертельным риском и тяжким трудом организовывали продотряды, снабжавшие армию и города хлебом. Без этого нельзя было победить, и об этом еще мало напи-

саио. Одиако рассказать о миожестве человеческих судеб в одиой повести нельзя, и эта иебольшая кинга посвящеиа Петру Войкову, комиссару сиабжеиня Уралсовета, и в очеиь иебольшой период его жизии — оиа возвращает иас к диям 1917—1918 годов. В те годы — в эпоху великой революциоииой борьбы — были людн, сила, талаит и зна-ния которых, настойчиво н кропотливо приобретеииые годамн, отдавались борьбе стремнтельно — в какой-то иебольшой отрезок времени. В таком случае иет иеобходимости писать подробиую биографическую повесть о герое со дия его рождеиия до часа смертн. Достаточно воссоздать эти иапряжеииые годы, чтобы человек, воплощеииый в горячем движеннн бытия, стал весь иа виду — иеповторимый, яркий и живой. Автор созиает, что ои способеи только чуть приоткрыть завесу лет иад тем, теперь далеким времеием. Тогда впервые в истории властью победившего народа, властью Советского государства была отвергиута война — всемирное убийство; тогда были возвещеиы Декрет о мире, Декрет о земле — закоиы иа право жизнн поколеиий; тогда утверждение Мира н Труда самим государством дало человеку смысл его пребываиия в жизии, где в дальием братском коммунистнческом едиистве быть вечно миру иа земле и быть грядущему великим.

Автор.

Откупившись от помещика ассигнациями и серебром, крестьянин Таврической губернии Петро Война остался в портках домотканых, в залатанной длинной рубахе с тесемками да в чириках сыромятных из воловьей кожи. Ко всем его тяготам прибавилась еще одна — желанная и трудная: Петро женился. А когда у него родился сын, местный батюшка встретил молодого отца неприветливо. Бывший холоп был белокур, статен и крепок, смотрел смело и ясно в глаза попу, вкусившему за трапезой горилки.

— Ты, раб божий Петр,— сказал батюшка,— только двугривенный принес мне за крещение заместо полтины, а отрок твой горласт со часу своего рождения. Так бысть чаду твоему Лазарем нареченну, аки в Евангелии о нищем сказано.

С того дня кануло в прошлое не одно десятилетие, и внук того Петра, тоже Петр — Петр Лазаревич Войков, одетый в европейское платье, в конце июля 1917 года стоял на перроне петроградского вокзала, чтобы по поручению Временного правительства ехать на Урал. Он прибыл в Петроград недавно вторым эмигрантским эшелоном из Женевы, где окончил физико-математический факультет университета, получил должность комиссара в министерстве по делам труда, однако, настроенный большевистски, не вписался в правительственное учреждение и вскоре заявил о своем желании поехать на постоянную работу в отдаленную губернию.

Еще с момента возвращения в Россию Войков понимал, что конфликт с Временным правительством для него неизбежен. «Господа,— сказал он однажды в департаменте,— ратуя за народную свободу да с непреклонным желанием положить в окопах сотни тысяч солдат, этак недолго и все сто пятьдесят миллионов россиян отправить в пре-

Отец Петра Войкова
Лазарь Петрович.

исподнюю».— «Вы так полагаете?» — многозначительно вздернув бровь, спросил его товарищ министра.— «Не полагаю, а убежден»,— ответил Петр, смущая начальство настойчивым взглядом. Несогласие с войной, поддержка большевистских политических лозунгов, великое почтение к Ленину — все это теперь начислялось ему в отрицательный баланс. А после расстрела Временным правительством 4 июля 1917 года мирной демонстрации в Петрограде Войков и часу не мог оставаться в опостылевших апартаментах.

— Вцепились во власть они — в свою, в буржуазную,— изливал он возмущение, возвратясь со службы.— За свои капиталы, за поместья-то теперь хоть богородицу удавят! Люди вышли на улицу. Человек мира, хлеба попросил, а ему — пулю в живот!

Совсем не так, как за границей, предстали перед ним на родине эсеры и меньшевики с их тайной и открытой злобой на рабочий люд. Самодержавием распятая Россия не могла избыть кошмаров первой мировой войны. Калеки и бездомные, контуженые, травленные газом бродили по улицам. В сивушном чаду питейных заведений толстосумы кричали «ура» свершенной в феврале революции.

...Из Петрограда поезд отправился в ночь. Жену и двухгодовалого сына Петр поместил на верхнюю полку, а сам устроился внизу перед окошком и, чувствуя возможность приткнуться плечом к стене, был рад добытому в вагонной духоте пространству.

Перемежая свист на полустанках глухим и торопливым постуком колес, поезд приближался к Твери, когда поручик пехотного полка, резко откинув дверь, прошел из конца в конец по коридору в сопровождении двух

неуклюжих солдат. Объявил, что состав будет реквизирован для неотложных правительственных нужд. Пассажирам предложили очистить вагоны, как только поезд прибудет на станцию.

Мать Петра Войкова Александра Филипповна.

Поручик, черноволосый и смуглолицый, с четко отработанными офицерскими манерами, был настоятелен и тверд. Чтобы не застрять надолго в Твери, Петр сказал поручику по-французски, что едет по поручению правительства и никому непозволительно мешать ему следовать по назначению. «Путь предстоит неблизкий — до Екатеринбурга, и, право, не хотелось бы неприятностей, еще не добравшись даже до узловой станции».

Поручик просиял. С акцентом явно парижским заговорил торопливо, наслаждаясь нерусской речью, которая вдруг дала ему возможность хотя бы на минуту отрешиться от грязной суеты армейской жизни. К тому времени министр иностранных дел Милюков, или, как говорили в правительстве, «наш Павел Николаич», обещал странам Антанты «довести войну до решающей победы». Петр прочел об этом в газетах еще в Женеве, а поручик, высвобождая свое раздражение от надоевшей ему службы, угадал в Петре человека свежего, не закоснелого в российских передрягах.

— Вы, надеюсь, понимаете,— пояснил он,— дух патриотизма, присущий всем сословиям России, сейчас, как никогда, на грани разложения. В правительстве не понимают сути. Нота Милюкова о войне до победного конца была в апреле, а этот дамский полководец Керенский все еще надеется речами победить и Советы и Германию, тогда как мы, служба, армейская кость, устали от дезертиров,

подстрекателей и разложенцев. Только власть военных может спасти Россию от полного краха! — добавил он, ожесточась.— Генералы Алексеев, Юденич, Деникин, адмирал Колчак, главковерх Корнилов мыслят здраво. Только в руках сильных удержится власть! И да спасется Русь святая! — дрогнувшим голосом закончил поручик.

— Однако, смею вам напомнить,— заметил Петр,— в апреле были и Тезисы Ленина. Серьезнейшая вещь.

— Да-да, господа большевики хотят еще революций. А нам хватит и одной! Ленин не нынче завтра будет арестован и предстанет перед правительственным судом. Большевистский яд проник повсюду, и даже в роты. Не мне вам объяснять, что призыв «Долой войну!» — это предательство. Надеюсь, мы наконец добьемся от правительства каких-то решительных мер.

— Надеетесь? — насмешливо переспросил Петр.

— Разумеется...— поспешно ответил поручик и вдруг осекся, поймав себя на мысли о лишней болтливости.— А все-таки, с кем имею честь? — он прищурился.— Ваши документы? Войков Петр Лазаревич... Поручик Освинский,— козырнув, отрекомендовался он, возвращая паспорт и гербовый лист министерства труда.— Честь имею. В моем купе вы доберетесь до Москвы.

Поручик вышел и до самого прибытия в Москву не попадался на глаза. Лишь на вокзале уже, стоя рядом с жандармским ротмистром, козырнул на прощанье еще раз. Петр слегка кивнул в ответ.

Россия, сословная, разделенная на богатых и бедных, кишела неустроенностью и противоречиями, которые и после февральской революции и отречения царя 2 марта 1917 года оставались неразрешенными. Правительственный кабинет возглавил поначалу князь Львов. В июле князь и его присные расстреляли мирную демонстрацию рабочих, и после тех кровавых дней прореху в «демократической» России заткнули новым премьером — так явился на свет Александр Федорович Керенский, позер и фаталист...

На перрон московского вокзала выгружались солдаты: тащили амуницию, катили пулеметы: в Твери в состав, реквизированный «для правительственных нужд», была погружена воинская часть.

На первое время Войковым пришлось устроиться здесь же, на вокзале, возле тамбура для багажа. Тут будто и не пахло революцией: все те же полицейские чины, жандармы, солдаты для отправки на фронт или для под-

держания местиого порядка, восторженый шум состоятельиых граждаи и напряжеиные лнца рабочнх. Полку, прнбывшему в Москву, было приказаио «умиротворять» большевнстски иастроенных рабочих.

От таких же штыков Войкову пришлось бежать из Росснн, когда ему исполнннлось всего восемнадцать лет,— то есть как раз в соответствии с высочайшим законом, по которому с этого возраста за преступления против царя н престола полагалась виселнца. Очень юиым революцнонерам чнновиики в судейском постаиовлении обычио прибавляли лет, чтобы царствие его велнчества Николая II могло покоиться на твердых уложениях высочайшего правопорядка.

П. Л. Войков — гимназист.

Петр вступнл в РСДРП в пятнадцать лет, в 1903 году. В тот год в июле — августе сиачала в Бельгии, в Брюсселе, а затем в Лондоне состоялся Второй съезд РСДРП, размежевавший партию иа большевиков и меньшевиков. Сторону меиьшевнков прияяли крымские социал-демократы, а Петр состоял иа учете в Ялтннской организации. В ту пору в юиой горячности он мало поимал глубиииую суть партнйиых разиогласий н оказался в меньшевистском стане. Молодой революционер жаждал действня, ои стал члеиом боевой дружииы при Ялтиском комитете РСДРП.

* * *

...Южиые вечера в середиие лета 1906 года были как-то особеиио освежающе теплы. Курортиый город Ялта переполиился ароматами цветов, серебристым смехом жеищии н вкрадчиво велеречивымн остротами богатых вояжеров. Дамские шляпки, мужские жилеты и котелкн, погоны и

аксельбанты, штиблеты и фраки, кителя и кортики мелькали, двигались, их обладатели говорили, говорили, чему-то восторгаясь и хохоча.

20 июля 1906 года на Пушкинском бульваре у полицейского управления было тихо. События 1905 года еще свежи были в памяти, и здание это, оплот спокойствия и правопорядка, напоминало всем сословиям, что баррикады и стрельба — дело нешуточное. Беспечная публика если и гуляла здесь, то старалась перебраться на другую сторону улицы, где торчал городовой в начищенных греческой ваксой сапогах. С усами, свирепо торчащими вверх, он ходил по тротуару — десять шагов туда, десять обратно. К полицейскому была прицеплена большущая сабля, и когда страж вышагивал туда-сюда, сабля катилась за ним по тротуару, бормоча колесиком. Именно этого полицейского начальство ставило в наружный караул, потому что имел он зычный голос и вид внушительный.

В тот день к вечеру от управления отъезжал полицмейстер Гвоздевич. Об этом случайно узнали члены ялтинской боевой дружины Васюков и Рутенко. Вместо того чтобы выполнять задание — тайно вывезти из города и обезвредить самодельные бомбы, предназначавшиеся для самообороны,— дружинники опрометчиво решили воспользоваться случаем. Неудачно бросив бомбу в полицмейстера, Васюков и Рутенко подорвались сами. Оба погибли. Взрыв услышали дружинники Войков, Корень и Нашанбургский, поджидавшие товарищей за городом в овраге, где следовало обезвредить бомбы. Они вынуждены были бежать. Отец Петра работал тогда дорожным мастером в Кекенеизе * у помещика Алчевского, и, пока жандармы рыскали по улицам Ялты, всего лучше было для начала уйти туда. Склонность к бунтам в роду Войковых была, пожалуй, наследственной. Дед из крепостных добился-таки воли, а вот отца исключили из Петербургского горного института за беспорядки, учиненные против властей. Из Петербурга отец сначала переехал в Тифлис, где и получил звание учителя математики, а потом — в Керчь, чтобы стать преподавателем ремесленного училища. Петр родился в Керчи, а когда подрос, его тоже исключили — из гимназии за вольнодумство. Гимназию он окончил экстерном и получил аттестат зрелости, в котором директор собственноручно вывел свободолюбивому ученику четверку за поведение.

---

* Кекенеиз — ныне Оползневое.

Керченская гимназия, в которой учился П. Л. Войков.

Приметы ялтииских дружииииков были известиы полиции; Петр Войков, смутьян и заговорщик, бывший гимиазист и человек иеблагоиадежиый, давио состоял на учете в полицейском ведомстве. Зиая это, ои ие пошел после взрыва к себе иа квартиру. Чувствуя щемящую настороженость, спрятался за углом, от которого далеко просматривалась улица, круто взбегавшая в гору. Два жаидарма и трое полицейских бывали здесь, вероятио, ие раз, потому что проскользнули в проулок меж дворами, а потом очутились как раз иапротив дома, где ютился в комнатушке Петр. Один полицейский остался у двери, второй спрятался за стеиой. Два жаидарма и полицейский подиялись в дом, ио вскоре вышли. К иим приблизились двое в штатском. После обыска квартиры жандармы ушли, а штатские остались сторожить иеподалеку.

До полуночи Петр бродил по бульварам, садился иа скамейки там, где больше толпилось народу, и, когда южиое бархатисто-темиое иебо заблистало звездами, вышел за город. Тепло и тихо было вокруг. На камеиистой улочке, идущей в гору и утоптаиной копытцами коз, шершаво осыпались камешки под иогами. Недалеко зацокали подковы — верно, всадиик,— и где-то заунывио затянул

по-татарски песню подгулявший грузчик. Ночь укрывала город, скрадывала шорохи, звуки, редкие голоса. Петр невольно сбавил шаг — пошел медленней и спокойней. Днем он видел, как сыщики, обозленные и потные, проворно, как крысы, шныряли по базарам, бульварам и винным погребкам. Понимал, что сейчас даже в древних развалинах укрепления Исар и в пещере Иограф с остатками храма сидит по дюжине жандармов, что и на горной тропе можно нарваться на засаду, но уйти, скрыться, кануть бесследно, не предупредив отца и мать, для него было невозможно. Оставалось пробираться в Кекенеиз по дороге или горными тропами.

Распахнув воротничок украинской вышитой рубашки, Петр шел, размеренно ступая по твердой каменистой тропе. Снял шляпу. Ночью его пышные светлые волосы — главная примета для сыщиков — оставались темны. Этот русый, слегка волнистый чуб Петра почему-то не нравился директору гимназии. Артур Генрихович Готлиб любил углаженность и аккуратность, и буйный чуб юноши казался ему врожденной приметой бунтаря. Сам же Артур Генрихович был очень похож на чиновника военно-судейского ведомства, куда чаще всего и подавались дела о государственных преступниках.

В восемнадцать лет о смерти как-то не думалось, но тюремный подвал, в котором после декабрьского вооруженного восстания 1905 года вешали бунтарей против царя, содержался, говорили, в полном порядке, потому что тюремный вахмистр выдавал в тот подвал полный кусок мыла «для намыливания петли пеньковой и постирания исподней и прочей принадлежности, коея изъята может быть с осужденного в пользу экзекутора».

Возле старого заброшенного сарая Петр прислушался и осмотрелся. Далеко внизу за городом глянцевито и величаво уходило к горизонту море, в небе мерцали звезды, впереди чернели горы.

Постояв немного, он выбрал одну из тропинок, которая должна слиться с тропой, уводящей за скалистый распадок. По той тропе можно выйти на участок дороги, ведущей в Кекенеиз. Теперь Петр шел быстро. Молодое, сильное тело запросило движения, щеки разгорелись, русый чуб растрепался, и ночная свежесть, овевая высокий, юношески чистый лоб, пробуждала горячие мысли. В такие минуты ему часто являлись стихи. Стихи приходили и уходили, потому что он их не записывал... Небо понемногу светлело, меркли звезды, яснее обозначились вершины гор.

Тропа повела мимо рухнувшей скалы, повернула круто и едва приметно. Петр знал: отсюда есть выход к основной дороге. Здесь он бывал не раз — один или с парнями из дружины самообороны, когда хотелось отдохнуть от сыщиков, доносчиков, полицейских и жандармов. Здесь, взобравшись на гору, можно было отдаться непринужденному покою, дать волю собственной душе, и думать, о чем хочешь, и говорить свободно, без оглядки. Вспомнились ребята из Керчи, отважный народ. Тогда, в 1905 году, дружинников оттеснили к скалянам — тоже в горы, только в горы жилые. За неимением домов или квартир камнеломы — скаляне — обосновались в отработанных каменных галереях. Затесав углы в старой горизонтальной выработке, хозяин проделывал окно наружу, пробивал наверх дымоход, складывал очаг — и так жил, страдая от стылости и пещерного полумрака.

П. Л. Войков в 1905 году.

Медленно отходила в гору дружина. Внизу перебегали от стены к стене темные фигурки. Полицейские не торопились. Дальше скалян дружинникам отступать было некуда. Жандармский офицер что-то кричал, подгоняя неспешное войско. Все в дружине понимали, что обречены. Неподалеку от угла к углу, от камня к камню уходил тезка Войкова — тоже Петр, Петр Кириченко. Легкий и азартный, он все старался подстрелить «их благородие» — жандармского офицера, подгонявшего рядовых.

— Эй, Петры! — крикнули сверху свои.— Ховайся, хлопче! За хатою до переулку! Да сюда, к скалянам, хлопче!

— Погодите, брате! — Кириченко подмигнул кому-то из тех, кто прятался наверху.

Он переметнулся за стену каменной развалины. Полицейским и жандармам лезть под пули не хотелось, и они стреляли снизу невпопад. Взбешенный нерадивостью рядовых, офицер заметался, ударил кого-то рукояткой нагана и сам вырвался вперед. Снизу охнул залп. В ту минуту Кириченко прянул в просвет меж камнями. Вдруг он дрогнул, странно вздернулся, удивленно глянул куда-то и упал чуть набок вдоль тропы. Взвалив друга на плечи, Петр вскарабкался выше. Пули визгливо рикошетили о камни, взыкали над головою. У входа в старую галерею их встретили и помогли пробраться вглубь.

Кириченко положили под каменными сводами. Бездыханный и молодой, он и в смертный миг свой не спрятал улыбки, и оттого на душе у всех было особенно тяжело. Пальба и брань, дребезжание свистков подступали все ближе и ближе. Сутулый каменолом, бородатый и нелюдимый, повел парней по влажным и темным переходам. Он шел уверенно без факела и свечки. «Держись, брате, цугом,— посоветовал он.— Тут трошки смурно буде». Но вскоре забрезжил просвет в узкой потолочной пробоине. Когда выбрались наверх, каменолом наглухо закрыл выход валяной полстью и приказал навалить здесь побольше камней...

Петр вздохнул, вспомнив веселого, смертью храбрых павшего тезку. Полупрозрачный и влажный туман уже спускался с гор, и розовым сполохом воссияло небо, когда в тиши, прохладной и чуткой, вдруг кто-то прокашлялся и хрипло сказал:

— Слышь, Арслан, а смены-то все нету.

— Есаул скакать будет — слышна будет,— ответил молодой неторопливый голос.

— Чихать ему, твоему есаулу, на этот караул,— ответил хриплый.— Дрыхнет, поди, свинорылый у своей Авдотьи под боком. Эхма,— вздохнув, зевнул он,— жизня тьма... Дались им эти бомбисты!

— Свинья яман. Плоха свинья,— заметил Арслан и громко сплюнул.

— Вот и я говорю: поганый он, есаул-то... Караулим мы тут с тобой туман, торчим, как сурки, а начальство дрыхнет, на перинах пузо углаживает.

— Сердит есаул шибко,— напомнил молодой.— Базар скакал, нагайкам бил — и рус и мусульман. Царь приказал...

— То-то они и боятся, как бы и царю не приказали долго жить.

77 254

Секретно

ПОМОЩНИКЪ НАЧАЛЬНИКА Севастопольского Жандармского Управления

№ 13903

В 1906 году

в 1907 году

В Департамент Полиции

вх. 134154

№ 1 Р.О.

№ 2 Р.С.

разрывным снарядом [illegible]

[illegible] Александра Андриановича

[illegible], крестьянин [illegible]

[illegible], а также [illegible]

[illegible] судебным следовате-

лем по особо важным [illegible]

[illegible] студент С.-Петербургского

Университета Петр Лазарев

Войков, по делу о взрыве бомбы

на Пушкинском бульваре в

г. Ялте 20 июля 1906 года по са-

мым достоверным сведениям

проживают в г. Женеве,

в Швейцарии

Ротмистр [illegible]

Секретное донесение помощника начальника Севастопольского жандармского управления.

Караульный сипло закашлялся, а Петр потихоньку вернулся назад. Пробираясь в обход, он затратил часа три.

Александра Филипповна и Лазарь Петрович не ждали сына. Весть о взрыве в Ялте еще не долетела в Кекенеиз, однако о причастности сына к подобным делам родители знали. Отец спросил, не осталось ли каких улик на квартире. Ни зажигательных шнуров, ни взрывных механизмов, ни тем более динамита Петр на квартире не хранил. Он сказал, что жандармы караулят его в Ялте у дома, так что пока есть время скрыться.

Донесение о покушении на Гвоздевича задержалось еще и потому, что почтмейстер Кекенеиза отъезжал в Севастополь вместе с семьей. Чиновник, принимавший на время его обязанности, не послал в положенный срок нарочных в Ялту, так как готовил экипаж для начальника. Лазарь Петрович договорился с почтмейстером, чтобы тот довез до станции сына, который торопится уехать из-под родительского крова ради будущих наук.

На счастье, утро предстоящего дня выдалось туманным и дождливым. На Южное побережье Крыма — на пляжи и окрестные горы — тускло сыпал мелкий дождь. Заставы торчали по всем дорогам. У Байдарских ворот экипаж остановили. Почтмейстер был лицом официальным. Полицейский взял под козырек, лошади тронули, колеса глухо застучали, почтовая карета покатила...

К концу 1906 года дело о взрыве в Ялте в памяти обывателей уже стало стнраться, но в канцелярии генерал-губернатора судили ииаче: «Войков Петр, 1888 года рождення, сын Лазаря Войкова, учителя математнки, малороссиянин, прилежанием к познанию наук отмечен был. За непослушание, бунт и крамольное поношеиие ныне определенных Его Императорским Величеством порядков исключеи из 6-го класса гнмназин и окоичнл оиую экстерном. Член РСДРП. К покушению на высокопоставленных особ прнчастен. Вести сыск в городах, волостях и уездах Российской империи».

Через полгода после взрыва на Пушкииском бульваре, 26 февраля 1907 года, была брошеиа бомба в экипаж полковинка Думбадзе, исполняющего обязаииости градоначальника Ялты. Думбадзе уцелел. Грохот этого взрыва прокатился с юга на север, и сам царь приказал объявнть Таврическую губернию на воеиином положеиии, дабы вешать нли отправлять на каторгу всякого, кто возбуднт сомненне в верноподданнническом поведении.

Войкову, разыскнваемому по делу о первом, нюльском взрыве, прнписано было и участие в покушеиин иа Думбадзе.

Сыск нашел Петра в Петербурге, где он учнлся иа физнко-математнческом факультете университета. Но арестовать его не успелн. Студеит Войков бежал в Харьков с чужнм паспортом, потом уехал за граиицу и в марте 1908 года оказался в Женеве.

Вспомиился день отъезда из России: полицейские чнны н жаидармы прн регалнях наблюдали за толпой. По вокзалу и перрону шныряли шпики в казеиных партикулярных платьях. Иной шпик легко узиавался по запаху: костюм ему в охраике выдавалн напрокат, и воиял ои лежалым сукиом н нафталином. И полнцейские, н жаидармы, и шпнкн вндели, как у вагоиа первого класса молодой человек, благопрнстойный н вежлнвый, беседовал с жаидармом об исправности железнодорожных путей.

Когда поезд тронулся, молодой человек кивиул слуге цареву, не снимая, одиако, шляпы: копиа белокурых волос стояла пуиктом первым в числе примет для опознаиия Петра. Сверкнув лукавым взглядом, Войков помахал жандарму сдернутой с руки перчаткой. Тот вскннулся под козырек, почтив подобострастием крамольиика н буитаря.

* * *

Владимир Ильич Ленин прибыл в Женеву 25 декабря 1907 года. То было началом второй эмиграции Ильича.

Нахлынуло трудное для партии время. Все резче обозначался раскол. На философском поприще ярым противником стал Богданов. Серьезную опасность для РСДРП представляли ликвидаторы и отзовисты. Меньшевики-ликвидаторы насаждали капитулянтские взгляды, стояли на том, чтобы упразднить нелегальную марксистскую партию. Отзовисты и примыкавшие к ним ультиматисты призывали к авантюристическим действиям, требовали отозвать социал-демократическую фракцию из Думы. И те и другие сеяли неверие в революционные возможности рабочего класса, посягали на само существование партии. Отошел от авантюристов Плеханов, отгородился от них, но создал свою группу — меньшевиков-партийцев. Тяжелы были те годы и дни, очень тяжелы.

Борьбу за партию, против ликвидаторов и отзовистов возглавил Владимир Ильич Ленин. Главным делом тогда стал выпуск газеты «Пролетарий». В трудной обстановке неуверенности со страниц большевистской газеты прозвучал голос Владимира Ильича: «Это будет упорная война. Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе».

К работе в газете Ленин стремился подключить лучшие силы, привлек Максима Горького. Организация издания политического органа большевиков осуществлялась И. Ф. Дубровинским, Н. А. Семашко, набирал газету И. М. Владимиров. В Женеве редакция «Пролетария» находилась на улице Каруж, 3. В конце 1908 года издание газеты перенесено было в Париж. В декабре того же года Ленин и Крупская переехали в столицу Франции.

Не посвященный в конспиративные дела большевиков, Петр жил в Женеве неприкаянно, даже одиноко. Участвовать в философской полемике ему, двадцатилетнему парню без опыта политической борьбы, еще было не под силу, и он с каким-то отчаянным самоотвержением принялся за образование. Обогатить себя знаниями и таким идти

в борьбу — стало для него главной целью в годы эмиграции. В сентябре 1909 года он поступил в Женевский университет. Несмотря на весомый авторитет Плеханова как виднейшего революционного мыслителя, Петр никак не мог согласиться с его точкой зрения, осуждающей вооруженную борьбу 1905 года. Он видел в том отступничество и даже кощунство по отношению к тем, кто пал в неравной битве с царизмом. Чувствовал, как ему еще не хватает глубины философского миропонимания, тех главных мыслей, которые он впоследствии нашел в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Однако эта книга появилась только весной 1909 года в Москве, вышла тиражом в две тысячи экземпляров, быстро разошлась и в Женеву попала не сразу. Блуждания в мыслях, в концепциях еще долго мучили Петра.

В насущных житейских хлопотах он отчаянно похудел и внешне изменился. Он то учился, то давал платные уроки сам, и теперь даже любопытствующему взгляду было невозможно отыскать в нем прежние юношеские черты: щеки впали, появились морщины, он отпустил усы, и первая затаенная седина уже пробилась на русой голове.

Еще до выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм» статья Ленина «Политические заметки» в 21-м номере «Пролетария» стала причиной бурной полемики в эмигрантской среде. Оппортунисты особенно шумели по поводу ленинских слов о том, что большевистская партия свободна от слабых сторон буржуазных революций и эта пролетарская партия идет к победе. «Нет, каково,— возмущались они,— большевики, видите ли, свободны от наших слабых сторон! Ленин не считает нужным быть в данном случае хотя бы корректным с нами! Для них пролетарии, толпа — вот кто составляет предмет и суть всей их работы! Восставшие вершители человеческих судеб!» Эмигрантский клуб гудел, как улей в ненастье, и только в библиотеке Куклина держалась постоянная тревожная и вдумчивая тишина.

Из своей маленькой комнатушки с полуотставшими от стен обоями Петр приходил сюда пешком. Куклин организовал библиотеку революционной литературы в 1902 году. В 1907 году он умер, и библиотека перешла к большевикам. Здесь Петр впервые познакомился с произведениями Ленина и уж потом в течение всей эмиграции читал все, что выходило из-под пера Ильича. Довелось Петру видеть и слышать Ленина. 24 апреля 1908 года Владимир Ильич выступал в женевском зале «Хандверк»

с рефератом «Оценка русской революции и ее вероятное будущее». В зале собрались политические эмигранты из разных стран — русские, болгары, итальянцы, французы, немцы. Выступление Ленина, его уверенность и мудрость произвели на Войкова неизгладимое впечатление. Он многое увидел по-новому и с еще большей энергией взялся за изучение ленинских работ. Именно они сформировали его большевистское сознание, что впоследствии дало ему силу и решимость в трудиейшую пору репрессий Временного правительства против пролетарской партии открыто заявить о переходе на сторону большевиков. С самим Ильичем Войков познакомился в библиотеке женевского «Общества любителей чтения» («Société de lecture»).

П. Л. Войков в Женеве. 1908 год.

А пока встречалось всякое: эсеры нередко выдавали себя за демонических мстителей, махисты, не решая ничего, ждали, что само провидение покарает монархию. В бурлящем скопище эмигрантов среди отзовистов, ликвидаторов, эсеров, анархистов, меньшевиков легко уживались и провокаторы. «Вся система провокатуры была чрезвычайно продумана, разветвлена, окружала центральные органы партии»,— писала Н. К. Крупская. Это и послужило едва ли не главной причиной, что Петру в эмиграции так и не удалось войти в подпольную среду большевиков.

Он искал свою дорогу среди множества суждений. Восставшие против большевиков оппортунисты в какой-то мере отшатнулись от Плеханова и вдруг увидели откровение в «учении» Богданова, которое уводило их в дебри отвлеченных идей и туманных рассуждений. А когда Богда-

иов вслед за модиым буржуазиым философом Махом объявил продуктом сознания всю природу, стали искать и того, кто есть творец: началось иовое создание бога и поиски его — богоискательство, богостроительство. Эти свои взгляды русские махисты стремились представить как «новейшую марксистскую философию». Разница между философией Богданова и философией Маха и Авеиариуса в общем-то была невелнка: у Маха и Авеиариуса в роли творца природы выступало иидивидуальиое созиание, у Богданова в той же роли — созиаиие коллективиое. Сначала все сотворил вроде как един бог, а теперь выходило, что господь обратился в сем трудном деле к коллективному созиаиию. Книга Ленииа «Материализм и эмпириокритицизм» отбила все атаки иа марксизм, примеиив его диалектический метод анализа действительности. Обнажая мистику и путаиицу эмпириокритиков, Владимир Ильич доказал, что махизм — всего лишь разновидность идеализма, прикрытая философским флером поповщина. Ленин учил вести революциоииую борьбу, ие дожидаясь, когда победит «всемирный, всеобщий разум». В библиотеке Куклина Петр прочел эту книгу не отрываясь, ощутив с той поры, что мыслить ииаче уже ие сможет.

Весиой 1914 года Петр жеиился иа студентке мединститута русской эмиграитке Адели Белиикииой, а в коице апреля 1915 года у иих родился сыи. Назвали его Павлом.

Десять лет канули в прошлое, и — снова Россия! Когда эшелои с эмигрантами подъезжал к граиице, сердце всколыхиулось и так захотелось жить! Это чувство не прошло и теперь, спустя почти три месяца по прибытии в Россию, с этим чувством Петр жил...

Чтобы иаиять извозчика до Ярославского вокзала, Войков вышел иа тротуар. Шумио и суетно двигались люди. Публика разиых зваиий говорила громко, являя причастиость свою к великим переменам. Какой-то чииовиый в котелке, в штиблетах и с тростью восхищался собственным умом.

— Но, господа,— говорил ои,— остракизму подвергиутый государь — это уж слишком. Русская революция должиа переиять культурные манеры Запада. Нельзя жить с таким позором, когда августейшая особа помещеиа под арест в Алексаидровском дворце по требованию, видите ли, рабочих.

Читальный зал библиотеки «Общества любителей чтения», где П. Л. Войков познакомился с В. И. Лениным.

Чиновный был точь-в-точь таким, каким было переполнено Временное правительство,— пустой крикун и злобный ненавистник рабочего класса.

Тек обычный будничный день, но базар шумел по-воскресному. Здесь толпился люд иного рода: солдаты в затасканных шинелях, матросы, калеки и торговки толкались, галдели — выменивали соль, табак, а в мучном ряду какой-то подвыпивший мельник сбывал последний пуд муки. «Хошь как хошь,— советовал он, заплетаясь языком.— Пошто мне керенки? Серебром аль мен на мен. Бязь, сукно имеешь?»

За кухмистерской и обжорным рядом купца Синявина Петр отыскал извозчика и, пока ехали до Ярославского вокзала, напряженно и внимательно следил за тем, что творилось вокруг. Разноликая толпа двигалась мимо — мелькали сытые, самодовольные лица состоятельных господ, усталые и серые лица рабочих. В тех серых лицах отражалось больше ума, терпения и сосредоточенности. Казалось бы, безделие сытых должно подавить все вокруг, однако за их самодовольством сквозило тайное бессилие

и щемящий страх. Кто шел от труда, был сер и устал, но выглядел тверже и свободнее и потому вселял опасение. О таком вот рабочем народе Войков говорил, когда преподавал за границей литературу для русских ребят. Человеческое различие проплывало мимо Петра, наглядно обнажая суть происходящего. Даже здесь, на улице, определялась грань между классами, которую не могла разрушить февральская революция...

Совсем недавно из уютных, ухоженных улиц Женевы, из тишины библиотек и университетских аудиторий происходящее в России виделось Войкову иначе. Утверждением справедливости, порывом честного разума, великими очистительными переменами казались Петру события февраля 1917 года. И вот объявлена воля, но то была воля человека, которого переводят из одного каземата в другой — в каземат попросторнее, но с теми же цепями и жандармами. Россия, как исполин в пустыне, взошла в гору и вот, клокоча натруженным сердцем, была готова сделать шаг туда, где есть для жажды утоление, но тяжкий груз веков давил на плечи исполина, сковал ноги вязкими путами. Чиновная власть, уцелевшая после падения царя, совсем не помышляла о благе народа российского. Там, за границей, выступая в библиотеках и залах, Петр, как чуткий музыкант, не давил первой грохочущей нотой — давал паузу, чтобы вслушаться в мысль и овладеть сердцем внимающих. Но здесь — здесь, в России, так неторопливо и размеренно думать было некогда. Мысли, желания и чувства отставали от событий, и когда извозчик по пути на Ярославский вокзал вдруг резко осадил лошадь, Войков не сразу понял, что произошло. Люди шарахались, вжимались в подъезды, а рота солдат во главе со штабс-капитаном, примкнув штыки, протопала куда-то в сторону депо.

— Эее! — вздохнул извозчик.— Опять рабочие бастуют. Что при царе, что при Керенском — все одно... Но я вам так скажу,— продолжал он назидательно,— теперь рабочий люд на обиду-то не очень смирный. Раньше, бывало, все камнями оборонялись, а ноне на каждом заводе винтовки есть, слышно, и пулеметы будто бы... А вы что ж, не из наших что ль будете? Не по-нашему вроде одеты.

— Нет, я из наших, из простых. Дед мой крепостным был. Только вот России я десять лет не видел.

— А... Ну-ну,— извозчик подернул вожжи.— То-то, я чую, душа к тебе лежит. И я вот из крестьянства вышел,— горестно сознался он.— Да на безземелье какой ты крестьянин? Слыхал я, будто большевики хотят крестья-

нам всю землю отдать, а уж верно то или нет — и не знаю...

— Верно, брат, верно! Весной в Петрограде собирался съезд крестьянских депутатов всей России. Выступал на нем большевистский вождь Ленин, звал крестьян отнимать у помещиков земли, не дожидаясь Учредительного собрания. И сейчас в деревнях крестьяне, как и рабочие в городах, начали борьбу: отбирают у мироедов землю и делят между собой. Линия у большевиков самая верная, и стоят они за простой народ — за мужика да за рабочего, за солдат в окопах...

На вокзале шум, пересыпанный окающим говорком, напористо гудел под потолками. Мужики из голодных северных губерний — Ярославской, Костромской — понаехали в Москву, чтобы за лето плотницким, печным, кожевенным ремеслом заработать на муку, пшено и снова разъехаться по деревням глухой и слякотной осенью, запрятав в котомки кренделя с маком, кусок ситца либо полушалок для подарка.

Судьба распорядилась так, что Петр ехал теперь туда, где до февральской революции работал его отец.

...После бегства сына за границу семье Войковых грозило выселение. Это было особенно плохо тем, что ссыльный не имел права устроиться на штатную должность. Отца два раза вызывали в жандармерию «для устыжения и выяснения побудительных причин к поведению сына». Тогда Лазарь Петрович решил уехать на Урал. Работал штейгером, горным мастером, и вернулся в Крым в 1916 году искалеченный, истративший остатки сил. Печальным было это возвращение. Отец был еще оживлен, но в нем угасала вера в то, что можно что-то изменить. Он устроился в Кекенеизе школьным сторожем, и Петр часто думал о нем с тихой и теплой болью в душе...

Поезд на Вятку — Пермь — Екатеринбург отходил через сутки. Ближайшая гостиница была приспособлена под лазарет, и Войкову стоило труда устроить жену и сына на ночь в крохотной комнатушке путейского сторожа. Вдовый сторож, ревматичный и старый, исправно нес службу. Два его младших сына жили в Питере: один работал в депо, на маневренном паровозе, второй был слесарем Путиловского завода, старший сын погиб в окопах во время немецкой газовой атаки. Макар Федосеич — так звали сторожа — не успел еще уйти на вечернее дежурство, когда в комнату ввалился пропахший паровозной гарью детина.

— Здорово, батя! — густо и громко сказал он, легонько тиская отца за плечи.

— Мироха, ты, что ли? — удивился Макар Федосеич.— Какими ж такими путями?

— А я, батя, с толкача на рейсовый перешел,— и, покосившись на незнакомых, добавил: — Так надо, батя...

— А ты говори — чего там,— отмахнулся Макар Федосеич.— То люди на ночь. Проезжие, иностранцы.

— Дела иачииаются, батя,— пробасил Мирон.— Разговорами теперь не обойдемся... А вы откуда будете, граждане хорошие? — обратился он к Петру.

— Сейчас из Питера. А вообще из Швейцарии.

— Вои оно что...— приподняв густые брови, протянул Мирон.— Ну как там про нас? Что говорят за границей?

— Там газеты пишут. Пишут много и все не так. Один газетчик прибавит что-то. Второй схватится за то, что прибавил первый, третий за второго, так что до правды и не докопаешься.

— А вы нашу «Правду» читаете?

— А как же!

— Одобряете, значит?

— Вполне...

Мирон понравился Петру. Он был из тех людей простого склада, у которых ясный разум держался на крепкой силе и чистой совести. Он ие обидел проезжих недоверием, ио и не очень-то разговорился.

По натужной и крикливой политике правительства, по глухой напряженности обстановки Петр предугадывал дальнейшее движение событий. Эпоха разлада человека с его правом иа жизнь вела отсчет в минутах, и это напряжение все росло и росло...

Ночью, часам к двум, на складском пакгаузе раздались выстрелы. По улице протопали сапоги. Шум, свист, клацающий стук вагонов продолжался до утра. Макар Федосеич пришел домой иа рассвете задолго до коица смены. От него узнали, что рабочая дружина вскрыла оружейиый пакгауз с винтовками, загрузила два вагона и со своей охраной отправила в Питер.

...Локомотив подали к двенадцати часам дня. Пассажиры заторопились определиться на место. Вдоль вагонов прохаживались городовые. Вдруг Петр почувствовал на себе пристальиый взгляд. В Жеиеве он был поставлен под надзор швейцарской и союзиической полиции и потому иаучился быстро и точно выделять из толпы того, кто исподволь наблюдает за ним. Поймал себя на мысли, что

слежка за членами РСДРП никак не вяжется с революцией в России, но совсем не удивился этому. Он знал о преследовании правительством большевиков, травле Ленина, разгроме юнкерами помещения «Правды», Петроградского и Литейного районных комитетов РСДРП(б).

События назревали, чередовались одно за другим. В июле прошли многотысячные демонстрации рабочих и солдат в Шуе, Иваново-Вознесенске, Красноярске. Правительство приняло постановление о введении смертной казни на фронте. 24 июля создано второе коалиционное Временное правительство во главе с Керенским. Это правительство, состоящее из «социалистических министров», готовилось к наступлению на рабочий класс.

Поезд вез Петра на восток, впереди его ждал Богословский индустриальный округ — промышленность, заводы Урала — и тревожный, решительный и радостный поворот судьбы.

Глава II

Урал — не ближний свет. От полустанка к полустанку ползут вагоны, пыхтит, свистит на разъездах паровоз, вздымается сажа над трубою.

До Вятки ехали трудно, в неудобном и душном вагоне третьего класса. Где-то за Вяткой, на станции Яр, Петру удалось попасть в жесткое купе и разместиться с семьей на двух полках. До Перми было еще верст триста, а до Екатеринбурга — около семисот. Езды на двое суток.

Взобравшись на верхнюю полку, Войков достал бережно сохраненный им апрельский номер «Правды» со статьей Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» и принялся еще раз перечитывать. Перебегая взглядом по словам, следя за точно очерченным движением мыслей, Петр стал легонечко подчеркивать острием карандаша отдельные строчки: «Кончить войну... *нельзя* без свержения капитала», «Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства», «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний», «Республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху», «Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов».

— Послушай, Адель,— обратился он к жене и прочел ей отмеченные строки.— Во всей истории человечества не было ничего равного по переустройству государства! Вот кого по-настоящему волнует судьба российского народа! Только взятие власти пролетариатом может корен-

ным образом решить вековечный вопрос. А Временное правительство — все эти Керенские, Черновы, Скобелевы, Церетели — мнит себя спасителем революции! И все они будут «ратовать» за народ, чтобы гнать его в окопы!

— Вот за эти мысли тебя и отправили на Урал,— улыбнулась жена.— Ты ведь у меня максималист, взрыватель. Господин Думбадзе, говорят, до сих пор ставит свечку за погибель твою...

— А, пусть его,— отмахнулся Петр.— Ты знаешь, я не мог в Москве купить газету «Социал-демократ» с отчетом об Апрельской конференции большевиков. Слышал много, а прочитать не удалось. Знаю, что война нашего правительства квалифицирована как война империалистическая, что Временное коалиционное названо «органом господства помещиков и буржуазии».

— Но-с... Но! — отозвался вдруг голос с соседней полки, и господин, до того дремавший, обернулся к Войкову.— А понимаете ли вы, сударь, что большевики подрывают устои России? Они посягнули на сложившиеся веками традиции христианского государства! Понимаете, веками! И ваш Ленин по-сяг-нул!

— А вы, я полагаю, заводовладелец или служащий? — с иронией поинтересовался Петр.

— Я — управляющий по казенной части-с,— отрекомендовался господин.— Веду учет валютных поступлений с золотоплавилен.

— С тех, что под Екатеринбургом?

— С разных.

— И много у вас англичане с французами золота берут?

— Надеюсь, вы шутите? Кто же, позвольте вас спросить, разглашает тайны акционерных обществ?

— Вот именно, что тайны,— попрекнул Петр.— Капиталисты русские, французские, немецкие грабят Россию, а вы охраняете эту тайну. Охраняет правительство. Тогда позвольте теперь мне спросить вас: кому же служит это правительство? Народу? Или предпринимателям?

— Но хаос... хаос, который принесет это ваше пролетарское правление?! Он неизбежен... — шипяще и пророчески изрек управляющий по казенной части.— Национализация банков. Национализация земель. Воображаете?! — в его глазах мелькнул испуг.— Мужики ворвутся в банки, начнут грабить. Потом перебьют друг друга из-за денег, из-за земли... Рухнет государство,— прошептал он с дрожью в голосе.

Мимо купе прошел проводник.

— Пиньбашур! Пиньбашур! — прокричал он.

— Ну вот и станция моя,— слезая с полки, облегченно уведомил чиновник.— Имею честь кланяться.— И, прихватив саквояж, поспешил покинуть опасного собеседника.

* * *

На разъезде перед Пермью поезд задержали на шесть часов: ждали встречный состав с пушками Мотовилихинского пушечного завода, идущий на фронт. Поговаривали, что рабочие отказались грузить орудия на платформы, и на погрузку пригнали солдат.

От Перми поезд шел по новой дороге на Кунгур — Екатеринбург. Старая дорога — через Нижний Тагил — едва справлялась с грузооборотом от заводов. Новую ветку закончили тянуть в 1909 году, не щадя дармовых трудов каторжан, которых согнали сюда со всей Руси Великой. Говорили, что где-то возле Билимбая на рельсовый путь, заплетаясь в кандалах, вышел каторжанин. Распахнул чахоточную грудь, встал встречь первому паровозу, воздел руки. «Будь ты проклят!» — крикнул да и смешался в крови под колесами...

Эшелон с мотовилихинскими пушками простоял на разъезде минут десять, и Петр успел заметить, что на лицах солдат нет такого отупения, как это было когда-то. Один солдат, лихой и молодцеватый, стоял караульным в тамбуре офицерского вагона. Быстрый взгляд с лукавинкой, выцветшие брови и пшеничные усы солдата — все светилось уверенностью и весельем. Трое офицеров прошли в вагон. Солдат пропустил их, посторонившись не спеша, и на офицерских лицах засквозило раздражение. Видно, чувствовали господа офицеры, что старое ушло безвозвратно, а новое, как этот вот солдат, рвалось на волю и пятиться назад уже не хотело.

Миновала ночь, и поезд, высвобождая клубами пар, остановился у вокзала Екатеринбурга. Извозчики ждали пассажиров на площади, и Петр спросил у бородача, где найти постоялый двор или гостиницу.

— Американские номера — лучший постоялый двор, ваша пресветлость,— ухмыляясь, сообщил бородач.

— А почему ж пресветлость? — спросил Петр, глядя в хитрющие глаза извозчика.

— А потому как разный люд теперь наезжает,— отвечал тот не смущаясь.— Так как вас всех теперича величать прикажете?

Екатеринбург 1917 года. *Рисунок А. Вязникова.*

— Ишь ты — какой ты, брат, политик... А что, эти твон Американские иомера и взаправду лучшне?

— А уж в том не сомлевайтесь,— заверил нзвозчик,— потому как там и клопов и таракаиов заморскнм средством всех иачисто вывели. Оно, по справедливости сказать, может, н ие совсем, потому как ишо зимой клопов морозили... А иомера в самом аккуратном иахождении, скажу вам, и за каждого постояльца, что привезу, мне хозяии иа четверть штофа дает.

Перед прнезжими раскннулась во всей красе Екатериибургская площадь с Екатерииниским собором — центр города. Вдали возвышался белокамеиный дворец золотопромышлеиинка Расторгуева-Харитонова. Неподалеку от него, в инзннке, как бы робеющий перед дворцовым великолепнем, стоял дом ниженера Ипатьева. С горы стал видеи моиетный двор, а за ним бывший лесопильиый завод, шнрокая площадь с мостом через Исеть.

Мимо здания общественного собрания, что иа углу Возиесеиского проспекта, проехали иа главиый мост, и по ту стороиу пруда открылся вид на особняк главного гориого начальиика. За вторым каменным мостом как раз и располагалнсь Американские номера, в которых Петру

Войкову с семьей предстояло жить. Номера эти помещались на втором этаже длинного каменного здания, а внизу находились склады и трактир. Комиссару министерства труда был отведен двухкомнатный угловой номер с прихожей, выходом во двор и видом на старый мост.

Река Исеть, пробегая мимо пригородных домишек, рябила беспокойно и лучисто. С восточных склонов гор она рвалась стремительно в равнину, чтобы там соединить свою жгучую ключевую стынь с просторной гладью Тобола, а дальше — с могучим привольем Иртыша. Лето 1917 года выдалось нежаркое, в 12—16 градусов тепла с короткими грозовыми дождями. Тучи, нахлынув, сыпали крупные капли, которые вдруг обрывались разом, а солнце, лучистое, яркое, уже спешило осветить умытую только что землю.

Усталые с дороги, жена и сын легли отдохнуть. Чтобы не мешать им, Петр тихо подошел к окну. Высокие окна Американских номеров позволяли видеть со второго этажа и часть Покровского проспекта, и мост, и плотину на Исети. Знакомый по книгам край бешеных денег и золота, край самоцветов и руды, край соболей и медведей, край каторжного труда и загубленных жизней, истомленный теплом тороплив̀о бегущего лета, раскинулся среди тайги. И стоял здесь уездный город Екатеринбург, который славился тем, что имел не только заводы, но и собственную тюрьму и потому на заточение разных беглых и непокорных разрешения не спрашивал. В 1906 году в ту тюрьму попал Яков Свердлов, отсюда потом был переведен в Пермь, в тюрьму губернскую.

С грозового 1905 года накалялся город, будто на медленном огне, а после февраля 1917 выплеснул жар свой на волю: «Вся власть Советам!» Рабочие ликвидировали полицейские участки, охранное отделение и жандармерию. 2 марта демонстрантами были освобождены из тюрьмы политические заключенные. Вышла из подполья Екатеринбургская организация большевиков.

5 марта прошло первое легальное партийное собрание, избравшее временный комитет РСДРП(б) во главе с профессиональным революционером-подпольщиком Иваном Михайловичем Малышевым. Комитет взял в свои руки организацию Совета. 19 марта состоялось организационное заседание Совета, в котором большевики получили преобладающее влияние. Председателем объединенного

Совета рабочих и солдатских депутатов стал большевик Павел Быков.

В апреле 1917 года в Екатериибург по задаиию ЦК РСДРП(б) приехал Яков Михайлович Свердлов. По его предложению собралась областиая партийиая конференция большевиков Урала — «первая свободиая», как ее стали иазывать. После Всероссийской апрельской конфереиции уральские большевики повели революционную агитацию в массах за социалистическую революцию.

* * *

В номерах, где разместился Войков с семьей, полагалась меблнровка на американский маиер: две койки, диваи, кресло н стул. Неудобство превеликое. Стул едииствеииый, а подсесть к столу с креслом — слишком иизко. Когда выхлопотали стулья, жнть стало можно.

Спустнвшись вииз, Петр увидел, что трактир заполиеи до отказа. В углу за большим столом расположилось человек двеиадцать рабочнх, совершенно трезвых. На столе перед ннми стояли кружки с пивом, почти иетроиутые. По обрывкам фраз Петр понял, что это рабочне Верх-Исетского завода. Речь шла о том, что в Приднепровье железа варят в три раза больше н плата там рабочнм в два раза выше, потому что железо варят иа камеиием угле. Такое железо дешевле, и иа каждый пуд здешиего там получают три, а то н четыре пуда. Однн из рабочнх, как видио, привез эту новость из придиепровских мест. Промышлеиное соотношение двух российских железоделательиых громад рабочий люд поиимал хорошо.

На первый деиь всего лучше было бы отыскать Ивана Мнхайловича Малышева, председателя комитета РСДРП(б) и заместителя председателя Екатериибургского Совета. Подсел к рабочнм, расспросил. Оказалось, что комитет располагается совсем рядом — в доме Кнзелл-Поклевского. Пройти только через мост — и сразу увидишь большой двухэтажный дом с мезонином. Комитет обосновался в двух небольшнх комнатах наверху. Но сегодня воскресенье — самое время митингов, и в комитете никого не найдешь. Петру объяснили, что сегодня за Исетскнм прудом народ собирается митинговать и все непременно пойдут туда.

Узнав, что Войков только что прнехал нз столицы, рабочие ожнвились:

— А в Питере как? Чего Керенский думает?

— Что он думает, и здесь, по всем приметам, видно: войну ие кончит, министров ие обидит, ну и капиталистам с помещиками топор иа ногу не уронит. Не о ияроде печется господин Керенский... Рабочим надо власть брать, тогда будет все по справедливости — и здесь, иа Урале, и во всей стране.

— Это мы, мил человек, понимаем,— отозвался пожилой рабочий.— У нас ведь тут как? Что ни день — то сходка, что ни час — то и митинг... Большевики — свое, меньшевики — свое, есеры револьвертами грозятся, а еще есть партия народной свободы — господин Кронеберг и господин Кроль. Да только видим мы, что за рабочего человека одни большевики стоят. Они и войну хотят кончить...

Потолковали, что и как бывает за границей, о порядках тамошних, о правительствах, обычаях и нравах. Петр сказал, что приелась ему заграница до могильной тоски, а рабочим и там не легче. Чем заграничные капиталисты отличаются от наших, российских, разбираться незачем — нужно гнать их, да и все! Сошлись на том, что февральская революция с Керенским и министрами народу ничего не дала, народу нужна своя революция, социалистическая.

Поговорив еще немного, Войков поднялся к себе в номер. Сын спал, жена караулила его сон. Перекусив наскоро, Петр сказал, что обеда ждать не будет. По немощеному проулку, по доскам, втоптанным в землю вдоль домов, он пошел в ту сторону, куда тянулись люди. Как раз за монетным двором и водонапорной башней начиналась площадь, где весь народ был иа виду. Шли все больше с женами, празднично одетыми в длинные юбки в сборку, с яркими цветистыми полушалками на плечах. Парни, заломив картузы, двигались особняком от девчат, которые стройными стайками собирались то там, то тут. Улица вывела к просторному месту у пруда, куда и стекались люди. Появился мальчишка с пачкой газет:

— Газета! Газета! «Уральская правда»! «Новое время»! Временное правительство отвечает честью перед странами Антаиты за продолжение войны! Подвиг георгиевского кавалера Кузьмы Безродиого! Раскрепощенный женский батальон Александра Федоровича Керенского готов грудью защищать отечество! Владельцы кварцевых жил переправляют золото за границу! Снизились цеиы на платину за долги наших концессий иностраиному капиталу!

Здорово поднаторевший на газетных делах, мальчишка знал, что кричать. Его обступили, и Петр не успел купить газет.

На земляном валу над прудом десятками ног утрамбовали площадку, на которую и всходили ораторы. Народу собралось великое множество. Кто сидел на валунах, кто прямо на траве или прислонившись к дереву — ждали, когда начнется разговор.

Вскоре на площадку поднялись три человека. Двое в распахнутых пиджаках и рубашках-косоворотках под узенький пояс, по виду рабочие, и третий — складный, усатый, красный лицом, с прямым настойчивым взглядом.

— Товарищи! — сказал он раскатисто и поднял руку, умеряя в толпе говор и шум.— Товарищи! Сегодня мы, большевики Екатеринбургского комитета РСДРП(б), решили разъяснить вам корень дел политических, международных и наши революционные задачи, которые совершенно неотложны и в высшей степени важны. Меня вы знаете...

— Знаем! Чего там... Говори, Иван Михалыч!

— Вот я и хочу сказать,— продолжал оратор,— сначала о войне. Владимир Ильич Ленин учит, что война — это продолжение той политики, которую ведет государство. Империалисты рвут друг у друга золото и землю, хлеб и недра, потому они и затевают войну. Но ни один из них сам в окоп не ляжет. Ну а мы-то тут при чем — мы, рабочие и крестьяне? Но вот капиталисты загнали в окопы род человеческий. Эта гнусь, преступники мира, дала винтовки, орудия, пулеметы простым людям, вернее, заставила их взять смерть изготовленную в руки — и убивать, убивать таких же рабочих и крестьян из Германии или из другого государства. Нет меры на мщение за такое преступление! Теперь, как мы знаем, пришла февральская революция. А получилось что? Все так же люди убивают друг друга. Была нота Милюкова, что должны мы воевать. А чего ради? Ради тугих кошельков капиталистов должны наши дети стать сирыми, а жены — вдовыми! На бесхлебье, в нищете должны гибнуть миллионы! Потом Милюкова и Гучкова изгнали из правительства. Изгнали для отвода глаз. Народ потребовал: «Долой войну!», а правительство встретило рабочих пулями! Что же получилось дальше? Керенский кем был у нас? Сначала министром юстиции. Потом стал военным и морским министром сразу. А теперь он без Милюкова с Гучковым продолжает

войну, потому что выгнать его некому — он глава правительства. Он потребовал наступления на львовском направлении, и полегли там тысячи русских солдат. Но есть народ! Есть партия большевиков, которая говорит вам: «Долой войну! Долой предательское буржуазное правительство Керенского!» Наш лозунг — «Никакого доверия Временному правительству!» Да здравствует диктатура пролетариата! Вся власть трудовому народу! Фабрики и заводы — в руки рабочих! Землю — крестьянам! Вас призывает к тому партия большевиков!

— Господин большевик — плохой патриот, как я полагаю,— послышался откуда-то сзади фистульный голос.— Он забыл, что Россия в этой войне уже теряет княжество Польское, что наши братья-славяне оказались под пятою кайзера! А вы в тот миг, когда нам нужна победа, кричите о диктатуре пролетариата, господин большевик Малышев! — и, довольный собою, возражавший хмыкнул.

— Не кричу, а утверждаю, гражданин Ко-ще-ев! * — отозвался Малышев и продолжал: — Наше Временное правительство величает себя революционным, когда ему до революции дела столько же, сколько шкуродеру до живых! Там, на Западе, польских и немецких рабочих и крестьян нарядили в шинели те же капиталисты! Но и там рабочие уже подняли свой голос в защиту пролетарской революции. Я не знаю подробностей, как там наши трудовые братья борются с засильем буржуазии, но уверен, что они и сердцем и разумом с нами!

— И были и будут! — невольно сдвинувшись вперед, громче, чем хотелось, отозвался Петр.

— А вот человек только что из тех краев! — крикнул один из рабочих, с кем Войков разговаривал в трактире.— Пусть скажет!

Перехватив поток человеческих взглядов, Петр почувствовал, как загорается лицо, а в груди недостает воздуха. Давно не говорил он на митингах в России и, когда взошел на площадку, снял шляпу и высоко поднял голову. Он постоял так, собираясь с мыслями, встряхнул копной русых волос.

— Я только что из Питера, а до того был за границей,— заговорил он глуховато, но четко.— О чем я могу

* А. А. Кощеев, гласный городской Думы Екатеринбурга, сначала меньшевик, потом эсер.

рассказать? А о том, что там творят капиталисты. Вот, например, во Франции одно время людям соли не давали, чтобы доход с них выжимать. Или так продавали соль, что четвертая часть дохода доставалась капиталистам. Написал я про это статью. Назвал «Ужасный памятник налогового обложения» — и сразу под надзор тамошней полиции попал. Во Франции и Швейцарии газеты писали, что воюют русские голыми руками. Почему так? А потому, что потребность наших армий в винтовках — шестьдесят тысяч штук в месяц, а все заводы дают только сорок четыре тысячи. И сидят, значит, наши солдаты в окопах и ждут, когда товарища убьют, чтобы винтовкой его попользоваться! И это у нас называется войной до победного конца! Другая весть промелькнула там: царица, жена бывшего царя Николая, немка, поддерживала тайную связь с Германией, и не в пользу России. Царь и сам — седьмая вода на киселе и ничего российского в нем давно уже нет. Для него чем больше убитых, тем меньше бунтовщиков.

— А он, может, в Тобольск к себе кайзера ждет? Чтобы выручил! — крикнул кто-то из толпы.

— Ну, я думаю, пролетариат этого не допустит,— немного удивленный таким оборотом мысли, отозвался Петр.— Теперь скажу вам,— продолжал он,— каковы наши союзники — Антанта. В Восточной Пруссии немцы окружили и уничтожили почти всю русскую армию генерала Самсонова, но английские и французские союзники ничем не помогли нашим войскам. Ну а потом, вы помните, что немцы в начале мая пятнадцатого года прорвали нашу оборону по всему фронту у Горлицы, потому что у немцев были пулеметы, а у русских солдат — иконы в руках. В шестнадцатом году был брусиловский прорыв восточнее Луцка, а потом воевать тоже было нечем. Под Верденом погибло девятьсот пятьдесят тысяч французов и немцев! А чего ради? Потом на Сомме погибло еще миллион триста тысяч человек. И вот в апреле нынешнего года в Германии забастовало триста тысяч рабочих. Быть может, они тоже не патриоты, как изволил освещать вопрос вот этот господин? Здесь, значит, рабочие не хотят воевать за матушку-Русь, а там не хотят воевать за свой фатерлянд, за свое отечество? Нет! Все дело в том, что война эта подлая, грабительская и ведется она руками и жизнями рабочих и крестьян против самих же рабочих и крестьян! «Долой войну!» — нынче самый правильный лозунг. Но правительство Керенского не хочет мира. Это

правительство, как прежде и царь, опирается на своих продажных министров, на полицию, на помещиков и капиталистов, которым нет никакого дела до бед народных!

— Ваши большевистские лозунги — лозунги единиц! — выкрикнул тот же фистульный голос.

— Когда с правдой — так уж не один,— отвечал спокойно Петр, и в то же время он чувствовал, что никогда не сможет умерить в себе мужицкую ярую потребность в правде, далекую от сдержанных округлых фраз.

— А, собственно, с кем имею честь? — спросил Войков, нацелившись взглядом.

— Я полагал, что вы запомнили! — напыщенно отвечала фистула.— Могу и повторить: Кощеев Аркадий Анатольевич, депутат городской Думы! — и Кощеев выступил вперед, распахнув бежевый чесучовый пиджак, обозначив жилет с золотой цепочкой для часов.— А кто вы, позвольте узнать?

— Я? Я вновь прибывший,— уклончиво ответил Петр и продолжал: — Что вы депутат городской Думы — это не определяет лично вашего высокого значения. Еще кто-то из древних заметил: «Чем меньше достойны дурные граждане полученных ими почетных должностей, тем более они становятся небрежными и исполняются глупости и наглости». К тому же никакой лжепатриотизм никогда не бывал нравственным. А для большей точности я напомню вам еще слова: «Со стороны обеих воюющих держав эта война есть война рабовладельцев за сохранение и укрепление рабства».

— Кто вам так сказал?

— Ленин!

— Не только нам — всему миру сказано! — подтвердил Малышев.

— Господин Кощеев, господин Кощеев,— окликнул из толпы насмешливый голос,— а ты не надумал, в Думе сидя, взять винтовку да в окоп пойти? Не, не надумал? То-то! Чужим горбом вы все воевать хороши!

Смешок опахнул толпу. Кощеев напыжился, вздернул подбородок и, подавленный насмешливым духом толпы, удалился прочь.

Петр сошел вниз.

Кто-то сказал:

— Царя свергли, а порядки царские.

— Была бы спина — будет и вина,— говорил другой.

Российского говора, душой овеянного, Петр вот так близко не слыхивал давным-давно, и все-таки тревога все больше и больше подступала к нему. Комиссар Временного правительства, он чувствовал, что эта должность, которую пришлось принять, вяжет его по рукам и ногам и не дает быть ближе к людям.

И. М. Малышев, председатель Екатеринбургского комитета РСДРП(б).

Сквозь толпу к Петру пробрался солдат с костылем — Иван Анисимович Данилин. Ему «отшибло ногу» в 1915 году, когда русским пришлось отступать из Польши и Прибалтики до Риги, и когда он говорил о том, всегда припоминал: «Русский солдат, он что ж? Он душой за Россию. Храбрый — да сам пятый на каждую винтовку. А германец пушки правит, пулеметы так и стригут. И меня вот бабахнули. Там бы и остался гнить. Спасибо, сестрица — затянула ошкомелок-то на ноге шнурком от подштанников, чтобы кровь из меня вся не выхлестнула. Вот... Кровь — первое дело в человеке».

От Ивана Анисимовича Войков узнал, что состоит тот сторожем при заводоуправлении.

Расходились с митинга не торопясь. Несмотря на воскресенье, Иван Михайлович Малышев взялся показать вновь прибывшему комиссару по делам труда, где размещены областной и городской комитеты РСДРП(б), Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Со второй половины дня густая серая туча зависла над городом. Она клубилась, медленно застилая небо, и солнце, нисходящее к горизонту, вдруг зажгло ее оранжевым сверкающим блеском.

— Экая красота,— сказал Иван Михайлович, остановясь н глядя в небо.— У нас тут иа Урале небо бывает золотом подернуто. Смотрите, а то скоро пропадет! И я все думаю: того, кто первым сюда пришел, само небо иа мысль о богатствах здешиих навело.

— Вполне возможно,— согласился Петр.— Люди в будущем и здесь, наверно, откроют какую-то фнзическую взаимосвязь.

— Так вы, значит, в меньшевиках-интернационалнстах ходите? — спросил вдруг Малышев и посмотрел Петру в лицо.— Откуда знаю, спросите? Да тут меньшевики с эсерамн недавно хвастались, что Петроград-де прнсылает к нам меньшевика комиссаром по делам труда. Да... — он призадумался.— Вот уж ннкак не причислишь вас к этакнм после ваших слов на митинге. Оратор из вас хороший, а вот исходя из какой платформы вы к Керенскому приписаны, я что-то не пойму.

— А я себя к нему н не приписывал,— все еще любуясь подсвеченным небом, заметнл Петр.— Я член РСДРП с 1903 года, и когда в Женеве послушал н почитал Ленина, я не мог уже согласиться ни с оборончеством Плеханова, ни тем более с ликвидаторами, которые, по сути дела, всю партию хотелн отдать под надзор полиции. Кричали тогда: «Подполье — изжитый акт! Всем надо действовать легально!» Поспорили хорошо, а вернее, разошлись в убеждениях навсегда.

Иван Михайловнч рассказал, как в Екатеринбург приезжал Яков Свердлов — активизировать работу большевиков. На Урале он пробыл две недели, и к середине апреля здесь было уже не десять, а сорок три партнйных организацин. Избрали областной партийный комитет нз семи человек, который занимается изданием газеты и распределением партийных работников.

Комиссару по делам труда здесь непочатый край работы. Особенно на заводах. С сельскими районами тоже нужна надежная смычка. Там глухо, н сразу не поймешь, какая на местах власть. Советы сейчас по большей части захвачены меньшевнками, эсерами, представителями так называемой партии народной свободы, в которой из народа нет ннкого — есть только заводчики, управляющне и несколько инженеров.

В доме Поклевского Иван Михайлович показал две комнаты, которые занимал комитет РСДРП(б). Там стояло по столу — для Комитета и Совета, а также небольшой стол для Союза революционной молодежи. Малышеву

предстояло побывать вечером еще в оперном театре, где назначен общегородской диспут о политике военного времени. А во всех вопросах, что касались войны, приходилось ожидать любых козней. Галдеж и вой поднимали молодцы с нафабренными усами, от которых разило николаевской горькой. Во всех случаях и всегда они орали: «Большевики — немецкие шпионы!» Иные надевали пиджаки, спецовки и сновали в толпе. Откуда-то шли для них рубли даровые, кто-то платил молодцам. Жизнь в Комитете партии во всякий день напоминала роздых после драки: вошел, вздохнул, освободил себя на полчаса — и снова идешь туда, где ждут люди...

Глава III

Еще до приезда Петра в Екатеринбурге состоялось заседание городской управы. Утверждались два проекта: о районных заводских совещаниях и об организации Уральского комитета снабжения. Это был как раз тот день 7 июля, когда Временное правительство опубликовало приказ об аресте Владимира Ильича Ленина, но тогда эта мрачная весть еще не дошла до Урала.

Районные заводские совещания учреждались для обеспечения фронта тылом. В проекте было записано: «В состав совещания входят представители министерств: военно-морского, путей сообщения, торговли и продовольствия, земледелия, продовольствия и труда... представители районных комитетов по топливу, металлам, продовольствию, труду и перевозкам, а также районного отдела снабжения железной дороги, где таковой имеется; представители от рабочих организаций и Совета рабочих и крестьянских депутатов, а также от Совета солдатских и офицерских депутатов, представитель от служащих управления, представители общественных организаций, а именно: военно-промышленных комитетов «Земгора», «Земсоюза», «Согора», представители промышленных и технических организаций, имеющих непосредственное отношение к задачам совещания, и представители от подрайонных совещаний». Всю эту многоголосую бюрократическую махину конечно же невозможно было запустить без суеты и неразберихи. Правительство «социалистических министров» стремилось втянуть страну в путаницу мелких делишек и межпартийных склок, чтобы снизить революционную активность рабочих масс.

В противовес этому, опережая правительственное тугодумие, ЦК РСДРП большевиков принял постановление

о созыве в Петрограде Шестого съезда партнн. Съезд определил курс иа вооруженное восстаиие, времеиио сияв в этой связи лозунг «Вся власть Советам!». Съезд прииял решение о иеявке Ленина на суд Времеииого правительства н послал приветствне Ильичу, иаходившемуся в подполье. А двумя неделями раньше в Екатернибурге прошла Уральская областная коифереицня большевнков, которая выразнла полную солидариость с ЦК РСДРП(б) н тоже послала Ленниу приветствне.

Перечитав спнсок представителей иа заводском совещаиин, Петр понял, что добиться какого-либо толку в этом сверхгромоздком предпрнятии будет совершенио иевозможно. И еще он иашел в примечаинн, что в совещаннн, помнмо прочнх, «прнинмают участие представителн управлення начальинка сиабження фронта». Тут-то, в этом примечаннн, н была зарыта собака: напичканная иужиымн н ненужиымн представнтелями, махниа должна была работать иа войну. Где-то иа последнем плаие упоминался Совет рабочнх н крестьянскнх депутатов — н депутатов солдатских под офицерским наблюденнем.

Петр отыскал, где, в каком пуикте этой бумаги ему надлежит быть. То был пункт о представнтелях министерства «продовольствия н труда». Потом прочнтал «Проект оргаиизации Уральского комнтета сиабжеиия». В него входилн отделы: по пронзводству металлов, по фабрнчиой н кустариой промышлениостн, артиллернйского сиаряжения, труда, продовольствия. Там же было сказаио: «Отдел труда ведает учетом рабочей силы и снабжеинем ею сельскохозяйственной и фабричной промышленности, железиых дорог, пароходств и прочего»,— правнтельство и тут искало ход, который так нли ииаче помогал бы войие...

Петр иачал с ведомостей учета рабочей снлы, из которых было видио, кому и за что платили в Екатеринбурге.

По офнцнальным сведенням, железиодорожиый рабочнй получал в месяц 70 рублей. В то же время костюмер в театре зарабатывал 275 рублей, костюмерша — 249, сторож театра — 187 рублей. Разумеется, еще больше получали квартальные н городовые, чиновные н должностные. А врачу горбольницы платили меиьше, чем театральному сторожу,— 150 рублей, фельдшерам и фельдшерицам — 70, сестрам милосердия — 20 рублей. Комнссару по делам труда полагалось зиать обо всем — от горнорудиых управлений до сторожей н сиделок.

Цеиы росли, бастовали рабочие. Временное правительство балаисировало на скрипучей телеге российской экоиомики. В бюджет уездов и губернии средства поступали по иалогообложеиию от предприятий и населения, и, чтобы выкроить копейку на рабочий класс, иадо было договориться с городской управой. О сокращеиии окладов чииовиым и должиостиым городской голова Обухов и слышать ие хотел. Чииы полицейские и канцелярские надлежало содержать хорошо, дабы служили опорой городскому голове и Времеиному правительству. А рабочий? Что ж рабочий! Митиигует? Забастовки? Пора и честь знать. Прииять, так сказать, решительные меры. Городской голова стоял ближе к верхам и, предрекая решительные меры, поиимал, что Времениое правительство только играет в демократию. Кровавая июльская перекличка с 9 января, когда в Петрограде была расстреляна мириая демонстрация рабочих, не смутила иынешиих «демократических» правителей. И разгром помещения газеты «Правда» юнкерами, и опять же приказ об аресте Ленина — все это давало право городскому голове Обухову иадежду на скорые крутые меры против рабочих и большевиков.

Петр был склоиеи к дебатам о том, как надобио улучшить мир. Еще за граиицей он читал Гегеля, Маркса, Канта, Фейербаха, Демокрита, Цицерона. Изучив политику и философию разных времен, он понял, что Ленин — вождь, мыслитель и философ, какие редко появляются в истории человечества. В сонмище философских течеиий, упадочничества, распрей и отвлеченных идей разум Ленина был всеобъемлющим и верно нацеленным на эпоху революциоииых перемеи. Времениое правительство не придумало ничего другого, как попытаться уничтожить этот величайший ум — ум, в котором, как в алмазе, есть все: и блеск, и твердость непобедимая, и чистота...

Начитавшись бюрократических бумаг, Петр, вконец раздосадоваииый, встретил Ивана Михайловича Малышева. Куда-то исчезли вдруг его изысканность и такт:

— К черту! Не слуга я этим подлецам — чумным собакам у власти! Уйду! Сегодня же в управе скажу им все!

— Скажешь? Молодец! — иронично похвалил Малышев.— Ну и выгоият тебя, а иа что будешь жить? В штейгеры тебя ии одии заводчик не примет после такого разжаловаиия. Так вот что: служи-ка пока в своем аигельском чине. Ты в этой должности нам больше пользы

прииесешь. Бунтовать и без тебя охотииков миого. Только выждать до поры до времеии не каждый умеет.

— Служить, как ты говоришь, в «ангельском чиие», то есть притворяться, я не мастак...

Екатеринбург все больше и больше заполиялся лазаретами и госпиталями. Увечных, искалечеииых, отравлеиных газом правительство переправляло подальше с глаз людских, подальше от бушующих цеитральных городов.

Медико-санитариая служба Екатеринбурга, как и при царе, все еще находилась в ведении полиции, над которой комиссар министерства труда не имел иикакой власти, и поэтому дела можно было решать только по взаимодоговоренности. Войкову же предстояло устроить иа работу жену. Адель рвалась туда, где труднее, но Малышев был категорически против того, чтобы допускать ее на работу в тифозиый, оспенный или другой тяжелый барак.

— Мне ваши высокие мотивы тут ни к чему,— заявил он Петру.— Ты не забывай, что у нее малый ребеиок иа руках, твой сын. А уж коли честь медика затронута, врача, так сходи узнай — отыщется место в роддоме, пусть поработает акушеркой пока. Нам сейчас и медики свои вот как нужны! Пора иметь Комиссариат здравоохраиения. Хватит с нас повивальных бабок со шпорами, надо отделить медицину от полиции!..

В тот день, по дороге в городскую управу, Петр завернул к дому Поклевского, подиялся наверх по крутой лестнице со двора.

— А, комиссар по делам труда! Заходи! Заходи! — обрадовался Иван Михайлович.— Легок на помиие. Мы только что решали вопрос о Ликинской мануфактуре. Владельцы там братья Смириовы. Объявили расчет. Рабочие расчета не приняли. Мы решили выяснить, в чем дело. Владельцы заперли ворота. Закона, говорят, у вас нет и права нет вторгаться в частиое предприятие. Запросили Питер, миинстерство труда. А теперь думаем: посягнут ли иаши революциоииые миинстры на частный капитал?

Разрешеиие на обследоваиие Ликинской мануфактуры долго ползло по высоким каицеляриям, и 1 августа владельцы совсем остаиовили фабрику, ссылаясь иа отсутствие топлива.

В комиссию по Ликиской маиуфактуре избрали двух представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов,

от городской управы н Думы. Председателем комнссин, по приказу мнинстерства, назначили Войкова.

На другой деиь комиссия отправилась в путь иа двух пролетках с кучерами, за которымн на мослатых высоких коиях тряслись в седлах двое городовых и частный пристав.

У закрытых ворот фабрнкн собралась толпа. На лнцах — возмущенне, тоска, иедоверие. Половииа людей пришла из бараков, где в комнатах 5 на 9 аршии помещалось по три семьи. Человек пять с ломами, с кувалдой стояли у решетчатых коваиых ворот, готовые разиести вдребезги висевшнй иа цепн замок.

— Граждане! — зычно крикиул пристав.— Отступись! Комиссия дознание будет вести, как то закоиом определеио!

— Без иас? Без рабочих? — спросил кто-то из толпы.

— Без вас фабрику проверять ие иачием! — сказал Войков, подиимаясь в рост.— Я — председатель комиссии! Прошу выделить представителей от фабричиого комитета! Надо тех, кто хорошо знает фабрику.

— Даиилниа! — отозвалось разом иесколько голосов.— Он у хозяев лет двадцать служил!

— Иваи Аинсимыч! Давай сюда!

После увечья иа войне Иван Аннсимовнч Даиилин у хозяев уже ие служил. Устроился сторожем при заводоуправлеиии, ио нмел домншко иеподалеку. На фабрике его зиали и как старого рабочего выдвииули в фабричиый комитет.

Представителями от фабричиого комитета выбралн еще человек десять рабочих, хорошо зиакомых с фабрикой.

Длнниое здание Ликинской мануфактуры было огорожеио шнроким квадратом нз подсобиых служб — конюшни, складов красильного материала н сырья, дровяиого склада — и имело миожество всяких подвалов и чердаков.

Хозяии фабрикн, Арефнй Смирнов, старшнй, встретил комиссию без подобострастия и боязни: его брат Севастьяи Смирнов был приглашеи Керенским участвовать в новом кабииете и заиял там пост государствеииого коитролера. Глаза Арефия, сощуреииые, глубоко запрятаииые, казались полусоииымн, а взгляд — преиебрежительиым.

— Прошу перекусить по случаю прибытия,— пригласил ои в пристройку рядом с коиторой.

· — Потом... после,— отклоиил хозяйское радушне Петр.— Итак, с чего иачием?

— С конюшни, я полагаю, надо бы начать,— подсказал Данилин и, поманив одного из рабочих парней, шепнул ему что-то на ухо.

— Э, чего там и глядеть-то... Одры,— притворно-горестно вздохнул хозяин.— Никакой работы произвести не можем. Оттого и фабрика встала. Бескормица, нуждишка, разорение. Ни тебе дров привезти, ни на рынок товар отправить.

— Ну и как же вы все-таки отправили товар? — спросил Петр.

Он знал, что фабрика семьдесят пять процентов продукции гонит на так называемую «оборону» и военное ведомство само забирает товар, перечисляя деньги прямо на личный счет хозяина. Двадцать пять процентов продукции шло на рынок. Здесь хозяин получал выгоды меньше и потому решил закрыть на время бязевый и миткалевый цеха, чтобы и их перевести на выпуск ткани для солдатского обмундирования.

Смирнов помедлил. Он понял, что комиссар знает подноготную производственных дел, и потому не стал таиться:

— Ну, тот товар само воинское ведомство берет.

— Неплохо, неплохо,— заметил Петр.— Этак вам процентов тридцать дополнительной прибыли перепадает. Ни красок дорогих, ни цеха тонкой выработки полотна не потребуется, и рабочих почти вполовину меньше нужно.

— Нужда... — снова вздохнул хозяин.— За веру и отечество стоим.

В низкой, сложенной из красного кирпича конюшне помещались «одры». Неподалеку ворохом громоздилась какая-то гниль — то ли солома, то ли сено с позапрошлогоднего покоса.

В стойлах на веревках, чтоб не упали, висели живые скелеты. Было страшно смотреть на этих истощенных до предела лошадей с блестящими, навыкате глазами, страдальчески беспомощными и просящими.

— С чего тут тяглу быть! — оповестил хозяин, чтобы слышали все.— Оттого и фабрику закрываем!

— Эй, вали сюда! — раздался голос из темноты конюшни.

Там у тусклого окошка показался парень, которого только что отослал куда-то Данилин. Возле того окошка конюшня кончалась. Здесь громоздилась кирпичная стена, на которую, как видно, для тепла, пришили широкую валяную полсть.

— Милости просим! — пригласил парень и, рванув полсть, показал небольшую плотную дверь на замке.

Хозяйский приказчик дверь не открыл, и замок пришлось сбить. За дверью находился склад, где в широких сусеках хранился овес — пудов четыреста, а то и больше. Дрова нашли за постройками — запас на два месяца. Машины в цеху оказались в исправности. Хлопка и красильно-аппретурного материала — на три месяца.

Подписать акт о выплате рабочим неустойки за неделю, пока фабрика была закрыта, хозяин отказался, и Войков пригрозил ему государственной опекой по линии министерства труда и контролем рабочих и солдатских депутатов. На решительные действия министерства он не надеялся, но фабричный комитет и депутатов предложил ввести в работу немедленно.

— Дулю вам! Во — вашим Советам! — взъярился хозяин.— Всех вас скоро к ногтю! Поняли? К ногтю!

Через брата Смирнов был неплохо осведомлен о событиях в стране. Контрреволюция наступала на Советы. Правительство прибегло к насилию, чтобы уничтожить главную силу Советов — большевиков.

Расстрелы демонстраций, погромы, приказ об аресте Ленина были только началом. Временное правительство всюду проводило свои меры. В Екатеринбурге по приказу из Петрограда закрыли большевистскую газету «Уральская правда» — в ней накануне были опубликованы манифест Шестого съезда партии и решения Второго Уральского областного съезда Советов. На заседании Уральского областного комитета РСДРП(б) решено было снова издавать газету под названием «Уральский рабочий». Дни борьбы и ожиданий чередовались в стремительном движении, и каждый новый день был накаленнее, труднее, чем тот, что минул.

Еще 24 июля Екатеринбургская общегородская конференция большевиков единогласно избрала Ленина своим делегатом на Шестой съезд РСДРП(б). За тем решением чувствовалась сила, которая никогда не смирится с произволом правительства, которая упорно, изо дня в день идет к своей цели и в Петрограде, и в отдаленных городах России. Эта сила нагнетала в правительстве страх, и, судорожно цепляясь за прежние порядки, новая российская «демократическая» власть старалась угодить хозяевам и сохранить их капитал.

В Петрограде, в министерстве труда, отослав Войкова от столицы подальше, на время забыли о нем, но актом

комиссии по Ликинской мануфактуре в пользу рабочих он напомнил о себе. В государственный контроль, где сидел пригретый Керенским Смирнов-второй, последовала жалоба на большевистское самоуправство комиссара труда, и дело привело бы к пересмотру акта по Ликинской мануфактуре и, возможно, к отстранению комиссара от должности, но по фабрикам и заводам готовились рабочие вооруженные отряды, и всем, кто сидел в правительстве, было страшно смотреть на эту громаду, которая в любой день и час могла ощетиниться штыками. По этой причине владельцу мануфактуры дали совет потерпеть до «неукоснительно решительных мер правительства по устранение беспорядков и укрепление государственности».

* * *

Большевистское влияние на Урале росло неудержимо. Неким верным слугой Временного правительства была отправлена в Петербург бумага, характеризующая это положение: «Главным тормозом успешного проведения на местах распоряжений и взглядов Временного правительства служат... организации в виде различных Советов, преобладающим элементом в которых сплошь и рядом являются лица с чисто большевистским направлением. Да и вообще, надо сказать, большевизм, особенно в наиболее крупных заводах, свил здесь прочное гнездо. Партия большевиков, не считаясь совершенно с распоряжениями Временного правительства и претендуя на власть... сеет вражду между населением, с одной стороны, и правительственными органами, с другой. На этой почве, разумеется, происходят нежелательные выступления со стороны населения и отказы подчиняться распоряжениям Правительства и поставленных им властей».

Екатеринбургский комитет РСДРП(б) намеревался провести митинг в цехах Верх-Исетского завода. Теперь важнее всего было поговорить с рабочими. На заводах готовились дружины, и именно здесь требовалось приложить все силы — и разума и души. Работу в заводских цехах нужно было вести постоянно, упорно, неотступно.

Верх-Исетский завод, старейший на Урале, был основан в 1726 году и назывался сначала «Верхняя платина». В том же году завод дал первую партию кричного железа *. Первую доменную печь на заводе задули

[1] Ковкое (сварочное) железо, наиболее чистое от примесей.

в 1736 году. В XIX веке здесь поставили листобойный и кричный цеха, а потом стали изготовлять локомобили, паровые машины, драги для уральских приисков.

...Петр пришел на завод вместе с Малышевым. Вслед за ними явились меньшевики. Было решено перенести партийную полемику в какой-либо цех. В кричном цеху — тесно и жарко, в листобойном — шум, так что самым подходящим оказался механический цех.

Народу набилось битком. Стояли внизу, наверху — на полосе за изгородкой вдоль длинных стен, и цех от пола до высоченных, тускло остекленных потолков заполнился густым напряжением человеческих душ. Громадная людская масса напоминала груду угольного жара, потемневшего, запепеленного сверху, для которого хватит легкого ветерка, чтобы вспыхнуть пронзительным, прожигающим все огнем.

На диспут подоспел Самуил Цвиллинг, только что прибывший из Челябинска. Двадцатишестилетний уроженец Оренбургской области, член РСДРП с 1905 года, Цвиллинг в 1907 году был приговорен к смертной казни, которой ему удалось избежать. Председатель Челябинского Совета и городского комитета РСДРП большевиков, он с июля 1917 года вошел в состав Уральского областного комитета РСДРП(б). «Ну вот, и нашего полку прибыло»,— тихо сказал Малышев, обернувшись к Петру. И диспут начался.

— Чем обеспокоено наше правительство? — спросил Иван Михайлович, окинув взглядом заполненный до отказа цех.— Что ему роднее? Золотые нужники для капиталистов? Война ради Антанты, ради этой подлой сволочи, для которой един бог — капитал? Иль, может быть, им дорога кровь людская — жизнь рабочих, крестьян, жизнь солдат, что кормят вшей в окопах, мрут от тифа и гибнут от немецких пуль? Спрошу прямо: что для Временного правительства дороже — жизнь народа или благополучие капиталистов? Искать ответа не надо. Ответ есть. Вот он: война идет — грабительская, подлая, война, выгодная для толстосумов, а платит за все только народ — и русский, и немецкий! Так до каких же пор можно терпеть власть буржуазии? До каких пор можно содержать правительство, которое предает народ ради выгод капиталистов? И мы, большевики, говорим вам: рабочий класс должен взять власть в свои руки, только тогда возможна справедливость!

— Ваши нападки на правительство,— вмешался Кроль,— не имеют ничего общего с революционной тенденцией масс. Да-да! — подтвердил он, любуясь эффектно построенной фразой.— Именно революционной тенденцией масс — союза народа с передовой буржуазией! Вот так-то, господа!

— То есть союза пожирателя с голодным, за счет которого этот пожиратель и живет? — усмехнулся Цвиллинг.— К тому же мы не господа! Мы — товарищи, вы — господа! В этом вся наша разница!

— Именно разница! — схватился за слово Кроль.— Разница меж интеллектом возвышенного разума, который может предвидеть значение исторических событий и решений. А вы чужды мысли образованного человека, который никогда не будет с вами! Не так ли, господин Войков? — ища поддержки, спросил он.

— Нет, не так, господин Кроль! — звеняще промолвил Петр.— И первое, что хочу сказать,— что я не с вами! Я напомню сейчас всем уже известный факт истории. Более ста лет тому назад, в 1792 году, во Франции рабочие и ремесленники приступом взяли королевский Тюильрийский дворец, свергли монарха, но никакой своей народной власти так и не получили. Почему? Рабочих предала все та же буржуазия! Не было и не будет такого капиталиста, который захотел бы отдать народу свой завод, нет такого помещика, который захотел бы потерять свои вотчины. Богатые обещают права и свободу народу для того только, чтобы свергнуть его руками неугодного им сегодня царя или короля, но не дать народу власти. И разве не то же самое получилось теперь в России? Временное правительство вцепилось во власть, в свою власть — буржуазную, и уже стреляет в рабочих, которые выходят на демонстрацию. Такое правительство не ради спасения справедливости и правды приказало арестовать Ленина! Такое правительство, как и царь, боится народа и, чтобы лишить народ свободы, чтобы снова загнать его в ярмо капиталистического рабства, старается и теперь разоружить рабочие дружины. Меньшевики и эсеры — вот кто сущие предатели! Предатели народа! Они сговорились с Керенским, чтобы по-прежнему сидеть на шее у народа! Господин Кроль хотел подкупить меня своим вниманием. А я народ не предаю! Мой отец был искалечен здесь, на уральских заводах, в такой же эксплуатации, как и все рабочие! Я никогда не буду с вами, господин Кроль! Да, я знаю: сейчас быть большевиком особенно трудно! Но я объяв-

ляю вам открыто и прямо, что стал в ряды большевиков! Именио так! Потому что верю: велнкие мыслн н взлет душн иайдут свое применеиие в утверждении человечиости и мнра на земле!..

Поздиее, в октябре 1917 года, в «Уральском рабочем» будет помещеио открытое письмо Войкова, где ои объясиит свое решение о вступлеинн в ряды большевиков:

«Последиий съезд меиьшевиков и объедниеицев закоичился не разрывом с обороицами, как ожидали иаиболее последовательиые товарищи в рядах меиьшевиков-интериациоиалистов, ио, напротив, соглашеиием между двумя крылами меиьшевизма. Соглашеиие это является, по моему миеиию, иепростительной политической ошибкой и серьезным ударом по иитериациоиалистской работе в России.

Дипломатическое соглашательство по осиовным вопросам, от которых зависят в даииый момеит судьбы русской революции, иелепое желаиие «сохраиить единство» там, где его не было, нет и не должио быть, является лишь затушевываиием тех противоречий и мелкобуржуазиых утопий, которыми иеизлечимо болен иаш оборончеcкий меиьшевизм.

...Партня большевиков остается едииственной, стоящей иа классовой пролетарской позиции, и я, ие колеблясь, вступил в ее ряды».

Теперь жизнь для Петра осложиилась тем, что меньшевики объявили его человеком, измеиившим правительству, и должность комиссара по делам труда повисла на волоске.

— В безработиые, одиако, тебе не попасть,— усмехаясь в усы, сказал Петру Малышев.— Во-первых, имеется мириая пока договоренность с предприиимателями, во-вторых, заводское совещаиие, в-третьих, профсоюзы. Твои ликннские братья ие только из выгоды иа фабрике мудрнли. Оии боялись власть потерять. Поморить рабочих голодом, чтобы Советы пришли к иим иа поклои. Ведь речь велась о чем? О так иазываемых «прнмирнтельных камерах», где Советы с предпрнинмателями могли о чем-то договорнться. А этого ни капиталисты, ни правительство ие хотят. Что же это будет, если Советы станут вмешиваться в дела предприиимателей? Потеря власти, иевозможиость произвола, мародерской эксплуатацни рабочих — вот что это будет. С этими «камерами» у иас ие первый месяц бьется Сосиовский. Второе дело — заводское со-

вещание. Тоже мера демократическая, мирная, которую местные чиновники никак не осуществят. Тянут, маринуют, волокитичают. На первые два предприятия, по чести сказать, я совсем не надеюсь. Казенное дело. Здесь бюрократическую канитель не сломаешь до тех пор, пока не разгонишь всех к чертовой матери. Другое дело — профсоюзы. Это наша опора. Вот в этот воз и надо как следует впрягаться. Здесь наш рабочий люд, который пойдет в пролетарскую революцию. А пока вот посмотри,— он подал Петру небольшой исписанный листок — заметку, которую Совет намеревался дать в газету.

Это была заметка о Корнилове.

«Их цели «просты и ясны»,— говорилось в ней,— поднятие боеспособности армии и «оздоровление тыла» для «спасения России».

Для поднятия боеспособности армии «я указал», говорит Корнилов, «на необходимость немедленного восстановления смертной казни на театре военных действий».

Для оздоровления тыла «я указал», продолжает Корнилов, «на необходимость распространения смертной казни и военно-революционных судов на внутренние округа, исходя из мысли, что никакие меры по восстановлению боеспособности армии не дадут желаемого результата, пока армия будет получать из тыла укомплектование в виде банды распущенных, не обученных, распропагандированных солдат».

— Ну как, нравится? — спросил Малышев.

— То есть с нами в любой день, час или минуту могут расправиться... Если будем беззащитны. Так, что ли, Иван Михайлович?

— Что спрашивать... Оружие надо добывать, делать, готовить. С Ижевским оружейным потеснее связаться. Рабочих обучать. Вот с этой заботой ты и пойдешь в профсоюз. А то, брат, при нынешнем правительстве по тебе не только министерство — сам Думбадзе по старой памяти давно уже печалится. Скучает бедный, все ждет не дождется, когда повесит тебя. Наверное, уж не раз Керенскому нижайше докладывал.

— Меня-то что — лишь бы Ленина не нашли псы чумные!

— А они не чумные. Они хитрые. Слышал я, в народе говорят так: хитрость — второй ум. Капиталисты всегда отличались хитростью, вторым умом, изворотливым. Знаешь, этакой крысиной всепролазностью, злобой, способностью другого истребить. У народа — душа нараспаш-

ку, а его за это бьют. Но ведь все ценное на земле душу имеет — и живое и неживое. Вон посмотри-ка на храм, на дворец Расторгуева. Когда бы душой эти строения не наполнили, разве они такими вот получились бы? Кстати, а ты знаешь историю дворца Расторгуева? Ну так я тебе расскажу... Сидел в самом начале XIX века узник в Тобольской тюрьме. Это было при Александре Первом, сыне убитого императора Павла. Был тот узник будто бы причастен к убийству. Имя его неизвестно. Так вот: задумал золотопромышленник Расторгуев-Харитонов построить в Екатеринбурге для себя особняк, а вернее — дворец. Тогда из Тобольской тюрьмы и привезли того узника — архитектора. Сказали: «Сделай дом. Спроектируй, построй — получишь свободу». Поместили его в Екатеринбургской тюрьме и строго-настрого наказали, чтобы имени своего он не открывал. Так и жил он на полусвободе: от тюрьмы до работ, с работ до тюрьмы. И вот построил дворец. Тот, на горе по Вознесенскому проспекту. Построил... и повезли его обратно в Тобольскую тюрьму. А по дороге он взял да и повесился. Вот так-то верить господам! Роскошная одежка, богатство и золото никогда не были признаком нравственности. Скорее всего, и воруют господа и знатность, и блеск, и все то, во что человек душу вложил, чтобы бездушие и подлость свою за чужой душой упрятать. Оттого и злобствуют они, что нет в них человека, а человеком-то хочется быть: хочется любить, как любят люди, простую радость иметь. Ан нет — не получается! Вот и прут они в разгул, в распутство да в жестокость. Нет, человечество нас не простит, если мы не сделаем пролетарскую революцию...

— Обязаны сделать,— призадумавшись, сказал Петр.— Первый этап есть. Помнишь «Две тактики социал-демократии в демократической революции»? Напечатано в Женеве в 1905 году. Я прибыл туда позже. Ленин тогда уже знал, что делать. Он писал, что пролетариат должен провести демократический переворот до конца, присоединив к себе массу крестьянства, чтобы силой раздавить сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии.

— Совершенно точно. И как тут не задуматься Расторгуевым-Харитоновым, что их сопротивление будет сломлено силой. Сила силу ломит. Тут уж кто кого. Или мы их, или они нас...

Иван Михайлович Малышев, закаленный в большевистских делах, был одним из первых организаторов

профсоюзов на Урале. Он вдосталь поработал в заводских цехах. Рабочие профсоюзные группы утвердились там накрепко. Такие группы нужны были повсюду. На них держалось большевистское лидерство, отсюда исходил первый импульс, первая ступень к человеческим сердцам. Малышев посоветовал Войкову начать работу с ближайшего прииска — с Березовского, что в пятнадцати километрах от Екатеринбурга, за озером Шарташ, на реке Березовке.

— А работа в профсоюзах, скажу тебе,— напомнил Иван Михайлович Петру,— с большим будущим. В партию не каждый вступить решится. Сознательность не та. И партий развелось, как чертополохов в ненастный год,— и все в городской Думе. Решают, заседают, большевиков клянут, так что и в Думе нам тоже трудненько. А профсоюз — это рабочая масса: организация беспартийная, каждому вольная воля, а вместе с тем и общественные права. И с предпринимателем через профсоюз легче говорить (ты не один), и хорошо знаешь, что в нужде товарищи тебя не оставят. Тут как раз нам работа: рабочий должен твердо понять — дорога в жизнь для него только через пролетарскую революцию!

Уральская осень 1917 года подступала неторопливо и вкрадчиво. Еще шли теплые дожди, и омытое ими солнце светило ярко и приветливо. Освеженный первым дыханием не такой уж далекой зимы, воздух где-то по ложка́м и у каменистых ручьев был ясен и бодрящ.

Иван Михайлович советовал Петру съездить на прииск до областной профсоюзной конференции. Несмотря на то что объявление в газете запаздывало, в городе всем стало известно, что комиссар Временного правительства по делам труда, оказалось, ярый большевик, который только до срока скрывался в другой фракции, а теперь твердо и дерзко открыл себя. Кривотолки об измене, вероотступничестве дали пищу обывателям.

— Кровь им пущать нада! — орал какой-то подвыпивший купчина в трактире.— Гольтяпу приветили, а Расею продают! Бей их, братцы! Бей!

— А ты сам попробуй! Ишь ты — бей! — отозвался голос от соседнего стола.— У них на каждом заводе комитеты да Советы. Набегут как всем навалом. Впрочем, с винтовками. Как привяжут тебе бороду к греху — все молитвы позабудешь!

По дороге к Горному управлению Петр зашел в трактир выпить чаю, и по тому, как сразу наступила тишина, понял, что речь только что шла о нем. Чтобы не ввязаться в хмельные разговоры, чай выпил молча и не торопясь вышел на улицу.

— Вона как — молвы не выронил,— прошипел купец вслед,— народом брезгует комиссар...

Здание Горного управления в три этажа, с колоннами по сторонам, помпезное и унылое, протянулось, пожалуй, несколько несоразмерно в длину, и оттого казалось невысоким. Здесь Войков мог взять коляску для

разъездов. Должиость комнссара по делам труда пока что оставалась за ним, и чиновники управлеиия его побаивались.

Иваи Аиисимович Данилин сидел на иизеиькой табуретке в двух шагах от входа в коитору, оттопырив хорошо устругаиную деревяшку, которую сделал сам вместо ноги. Ои шнроко распахиул газету н, морща лоб и шевеля усами, что-то чнтал.

— Погляди-ка, чего пншут,— сказал ои, заметив неторопливо идущего Войкова.

Газету «Новое время» прнсылалн в Екатериибург для Гориого управлення, для городской Думы н для общества ниостранных концессионеров.

«Новое время» писало: «Допустим иа мииуту, что большевнки победят. Кто будет управлять иами тогда? Может быть, повара, этн зиатокн котлет н бифштексов? Или пожариые? Коиюхн, кочегары? Илн, может быть, няиьки побегут на заседаине Государствениого совета в промежутке между стнркой пеленок? Кто же? Кто этн государственные деятели? Может быть, слесарн будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, столяры — о почте и телеграфе?.. Будет лн это? Нет! Возможно лн это? На такой сумасшедшнй вопрос большевикам властио ответнт нсторня».

— М-да...— Петр еще раз пробежал глазами текст.— Так ведь, Аинснмыч, чтобы поиять, как надо правнть государством, иадо слесарям-то сиачала завоевать свободу. Не то век этому слесарю не разобраться, кто и как с него шкуру снимает. Думать правильио ие дадут. Леиии говорит, что сначала надо завоевать революциоиным путем предпосылкн для культурного развнтня, чтобы было иа чем культуру народа строить. Тогда и слесарь будет смыслить не меиьше, чем думскнй депутат.

— Понятио: капиталнст уму-разуму простого человека учнть не станет — ему дурак иужен,— подвел итог Данилнн.

— В том-то н дело,— Петр вернул газету.— А нам с тобой, Анисимыч, сегодия дело есть — иа прииск съездить.

— А по какой нужде?

— С иародом поговорнть.

— Это хорошо,— похвалил солдат.— Народ слово любнт.

Березовское месторожденне золота на Урале — старейшее в России. Как пншут, первое золото здесь было найдено в 1745 году. С того времени много воды утекло. На реке Березовке иаставилн плотин, на ннх толчеи с пестами, с приводом от водяных колес — чтобы дробить кварцевую руду. Построилн золотопромывальные фабрики. Потом возвели цианоый завод — настоящее адово заведение.

Сколько душ полегло, отравившнсь цианнстым калием, при помощи которого золото нз песка нзвлекали, сколько люда сгинуло в сырых промозглых шахтах, никто здесь не знал да и запомнить не старался. Бывали разные времена: то самородки в кварцевых жилах кружнлн головы промышленникам, то золото исчезало вдруг, вгоняло в разорение.

Со Среднего и Северного Урала тянулся н платиновый пояс. Здесь ходили легенды про небывалые удачи, сообщались всякие приметы и снились невиданные самородки. Но время от времени в дощатых сквозных сараях, в промозглых шурфах и шахтах вдруг будоражнлась нстощенная трудом и ожиданием душа: рабочие бунтовали, пытались бороться за свои права, но хозяева быстро их остужали, и тогда прогорклый смрад прнискового кабака заглушал все невзгоды и боли...

К вечеру рабочие собрались в большом складском сарае, пустующем пока нз-за нехваткн лесопнльного материала. Петру выпало место на полуштабеле из досок, и оттуда он видел всех и все видели его. Серые, смуглые, бледные недоверчивые лнца. Смотрели внимательно и будто нехотя. Петр хорошо понимал н это смутное любопытство, н скрытую тревогу, и равнодушие с малолетства усталых людей. Хотелось сказать что-то нужное, что пригодилось бы всем сразу.

— Спрошу вас, товарищн рабочне,— начал он.— Слыхали когда-нибудь про профсоюз?

— Слыхали... Как не слыхать?

— Ну вот и славно,— порадовался Петр.— Теперь скажу по делу: союз профессиональный, то есть профсоюз — это объединение рабочих по ремеслу. Дружба общинная. Ну, скажем, горняков, кожевников, рыбаков, рабочих приисков — всех, кто вместе труднтся. Союз такой появился еще давно. Союз тех, кто на хозяев работает. А это для хозяев плохо. Им хочется, чтобы все рабочие были врозь. И за это нх капиталнсты н казннлн, н убивали, и в каторгу загоняли, чтобы рабочий люд согласия

и договоренности меж собой не имел, чтобы жил всяк за себя. Тогда каждого по отдельности и припугнуть можно, и в тюрьму упечь. А вот всех не запугаешь, и в тюрьму всех не посадишь. Но рабочие — они тоже с головой, и потому стали объединяться. У нас в России профсоюзы появились в революцию пятого года, в чем большая заслуга Российской социал-демократической рабочей партии. И мы, большевики, говорим, что народ должен иметь профсоюзы, чтобы сообща бороться против несправедливости, против мироедов и капиталистов. Мы хотим, чтобы народ правил государством — это его политическое право. Мы говорим, что народ должен жить хорошо — это его материальное право. Но вот меньшевики советуют: пусть-де профсоюзы живут сами по себе и без партии большевиков. А зачем они так учат? А все затем, чтобы простому народу никто не мог правду сказать, чтобы врать народу, как при царе, чтобы эксплуатировать его безнаказанно! Понятно я говорю?

— Братцы, да он свойский парень! — выкрикнул кто-то.— Ты из каких же будешь?

— Мой дед был крепостным. Отца покалечили на здешнем производстве.

— Давай дальше! Митингуй!

Петр захватил с собой на прииск несколько номеров «Уральской правды», в которой были напечатаны семь статей и документов Ленина, решения Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции и Шестого съезда РСДРП(б), манифест ЦК «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России». Писала газета и о деятельности партийных организаций Урала, про жизнь заводов, рабочих, солдат и крестьян.

На прииск Войков приехал в рубашке-косоворотке, в пиджаке и мало отличался от заводского парня. Просторечие ему давалось так же легко, как и сложные философские рассуждения, но слова самые четкие, точные — слова Ленина — он привел на память:

— «Кончить войну нельзя без свержения капитала! Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости его обещаний!.. Товарищи рабочие! Мы зовем вас к тяжелой, серьезной неустанной работе, сплачивающей сознательный, революционный пролетариат всех стран. Этот и только этот путь ведет к выходу, к спасению человечества от ужасов войны, от ига капитала!»

Делегатом на профсоюзную конференцию на прииске

выбрали Селивана Крохаля, худощавого, цепкого, бывшего старателя, который, видно, знал цену и людям и себе.

Из Березовского возвращались поутру, переночевав в избе у старушки и ее единственного сына, который мучился «каменным удушьем». Парень наглотался каменной пыли на рудниках и теперь, худосочный, увядший, собирал поделочные камушки и точил их на дому. У него как-то по особому ласково светился каждый камень — и мрамор, и яшма, и пестрые змеевики, и малахит, и розовый орлец.

— Вот возьми,— сказал он, подавая Петру кусок малахита, обточенный под плоское яйцо.— Самый теплый камешок. Как тоска либо печаль нахлынут, зажми в кулаке, глазам утешиться дай — и печаль-тоска твоя пройдет разом.

Петр достал камешек, подержал на ладони, полюбовался полированным зеленовато-лазурным отливом рисунка, и, верно,— ему стало как-то легче думаться. На прииске от простых людей исходила спокойная мудрость — без превосходства, естественно, будто тепло от согретого камешка.

...Тяжеловесный конь валко трусил по дороге. Было тепло, тихо и ясно вокруг. Высвеченный солнцем день только начинался. Слева широко раскинулось озеро Шарташ. За ним поднимался в гору хвойник, а где-то вдалеке клубились тучки, чтобы внезапно набежать и окропить дождем.

К областной конференции профсоюзов надо было готовиться сразу, не теряя ни дня, ни часа. Во-первых, использовать речь Ленина об отношении к Временному правительству на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, опубликованную в июньских номерах «Правды», во-вторых, ознакомить профсоюзы с решением Шестого съезда о подготовке вооруженного восстания. В-третьих, необходимо провести в жизнь принцип демократического централизма, принятый на съезде, для укрепления дисциплины в партийных организациях. В-четвертых, следовало так определить задачи профсоюзов, чтобы вся рабочая масса стала на сторону большевиков без колебаний. Нужна сильная массовая агитация и среди рабочих, и в гарнизоне в пользу второго этапа революции. Орган Екатеринбургского Совета газета «Борьба» поместила на своих страницах воззвание организационной комиссии по созыву конференции, где говорилось: «Нам необходимо противопоставить

капиталу действительио реальиую, ощутительиую силу всего трудового люда. Необходимо закрепить все завоевания революцни: рабочий день, контроль промышленностн, свободу коалнций, право иа просвещеиие, защиту малолетних...»

На фабриках, заводах, иа прннсках от работы иа хозяиина угасал ум человеческий, засыхала душа, н смутное желаиие воли переходило в отрнцание всего, что есть иа свете. Но возмущеиие чаще всего глохло под тяжестью каждодиевиой усталости, иужды и бесправия, н в замкиутом круге бескоиечных терзаиий сиикал и опускался человек. С такими людьмн требовалось говорнть так, чтобы в каждой задавленной душе просиулось желание жить и действовать.

Представителей иа областиую коифереицию профсоюзов выбирали с помощью Советов, и это давало иадежду, что решения конфереиции будут большевистскими.

К 1917 году иа Урале иадрывали жнлы более 300 тысяч рабочих. 20 процеитов крестьяиских дворов ие имели земли, тридцать процеитов владели одиой-двумя десятииами. Голод, тяготы, иалоги. К тому времеии половииа уральских рабочих объединилась в профсоюзы. Большая их доля пришла на заводы из деревень, так что корни в иарод уходили здесь глубоко.

Готовясь выступить иа коифереиции с докладом «Профессноиальные союзы и революция», Войков поимал, что ие все сто делегатов твердо верят в иеобходимость новой и беспощадиой борьбы. Зачастую совесть человека взывает к справедливости тогда, когда уже деться иекуда, и не каждый слышит правду. Чтобы вияли ее голосу, иадо, ие щадя себя, выхлестиуть из души все чувство справедливостн, отдать всю снлу разума. Сердца ие вспыхиут огнем праведным под каицелярский тои...

Избрали презндиум, дали слово докладчику. Петр оглядел присутствующих, что сидели на стульях и на двух скамьях впритык к стеие. Прочел иа лицах иапряжеине и любопытство. Ои зиал, что меиьшевики уповают иа «патриотическнй долг перед Отечеством» н что слова эти нередко доходят к сердцу русскому, которому иавеки суждеио любнть свои края. Во все века русский человек боролся и с рабством, и с засилием власти — бежал в болота и скиты, буитовал н шел иа казиь, спасая и честь, и совесть, и душу. Человеку иадо стать свободиым, и тогда он в великом чувстве любви и справедливости отдаст себя Родиие...

Нестройный говор голосов откатился куда-то к задним рядам и, затихая там, погасил последние шорохи.

— Товарищи! — начал Петр.— Прежде чем говорить о наших делах, бедах и задачах, прежде чем мы примем какое-либо решение, хочу напомнить вам слова, написанные Владимиром Ильичем Лениным весной этого года.— И, выделяя каждое слово, он начал читать:—«Война привела все человечество на край гибели. Капиталисты втянулись в войну и не в силах вырваться из нее. Перед катастрофой стоит весь мир.

Товарищи рабочие! Приближается время, когда от вас события потребуют нового и еще большего героизма,— и притом героизма миллионов и десятков миллионов,— чем в славные дни февральской и мартовской революции. Готовьтесь».— Войков остановился, выдержал паузу и, собравшись с духом, продолжал:

— А вот что Ильич сказал на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне: «Если бы вы взяли власть в свои руки, если бы власть перешла к революционным организациям для борьбы против русских капиталистов, тогда трудящиеся иных стран вам поверили бы, тогда вы могли бы предложить мир. Тогда наш мир был бы обеспечен, по крайней мере, с двух сторон, со стороны двух народов, которые истекают кровью и дело которых безнадежно...» Владимир Ильич определил и отношение к Советам в настоящее время: «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии... будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам... Власть нельзя уже сейчас мирно взять... Победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа». Прошедший недавно Шестой съезд большевистской партии,— продолжал Петр,— взял курс на вооруженное восстание. И профсоюзы как боевые организации рабочего класса, кровно заинтересованные в доведении революции до победного конца, должны в тесном союзе с большевиками идти на битву плечом к плечу! — Войков оглядел зал, внимательно слушающих рабочих.— Теперь о текущих делах: к моменту нашей конференции большевики завоевали большинство в екатеринбургском, челябинском, уфимском и во многих других Советах. Здесь мы можем решать вопросы в пользу трудящихся, но мы, как и в Петрограде, не можем полагаться

на меньшевиков и эсеров, предавших народ, и на другие партии, которые примкнули к буржуазной власти Временного правительства и работают в интересах этого правительства. И потому я предлагаю: призывы Ленина и партии большевиков взять как главную основу в работе профсоюзов!

Конференция поддержала Войкова и проголосовала за резолюцию:

«Профессиональные союзы как в центре, так и на местах должны, руководствуясь принципом последовательной классовой борьбы, принять самое деятельное участие для энергичного и планомерного отстаивания интересов рабочего класса, отвергая всякие попытки сузить и подчинить профессиональное движение интересам войны и правящих классов...»

За пять дней конференции Войков внутренне окреп. Его избрали секретарем областного Совета профсоюзов Урала, а потом и в Учредительное собрание по Пермской губернии.

— Ох, не попасть бы в представительство еще куда-нибудь,— сказал он Малышеву, встретив его у дома Поклевского.

— Вот-вот! — Иван Михайлович будто даже обрадовался.— У тебя закалка на такие дела есть. Ты ученый. Простой человек, скажем, из шахты такой работы не выдержит. А ты, брат, в разных аудиториях стоиком оказался. Ну давай посадим на твое место слесаря, плавильщика иль еще кого — так он за два часа в полемике выдохнется, и меньшевики с эсерами из него такого дурака сделают, что и во сто лет рабочий класс власть в свои руки не возьмет. Вот так-то...Ты пока действуй, а мы тебя еще и в Думу посадим. Вот посоветуюсь с нашими товарищами — с Белобородовым, Быковым, Сосновским. Ничего...— он усмехнулся, прихлопнул Петра по плечу.— Ты парень крепкий, а нам свой грамотный человек позарез кругом нужен. Моего учительского образования, чувствую, не всегда хватает. А тут эсеришки, понимаешь, как блохи, расплодились и все стараются нас до смерти укусить. Меньшевики присосались к идейной платформе. Среди них люди образованные. А враг с образованием во сто крат опаснее. Так кому же, как не таким, как ты, и воевать. Ну что смотришь? Недоволен или устал?

— Да не то и не другое. Слышал я, будто Керенский бывшего монарха оберегает?

— А что удивительного? Керенский самолично царя

навещал на предмет его житья в Царском Селе — не нуждается ли в чем его бывшее величество? Потом решили царево семейство для спокойствия отправить в Тобольск, подальше от гневного Питера. Два поезда, охрана — гвардейцы, молодцы один к одному. А в Тобольске дом губернатора приготовили. По прибытии — звон колокольный двадцати пяти церквей... Чуешь? Не одолеем, не победим — крови из народа выпустят море и скажут, что мало! Россию по кускам распродадут, чтобы только свой капитал, свои имения уберечь. Так что трудись-ка, говорю тебе, пока на интеллигентском поприще. Взяться за оружие для каждого из нас придет черед. Тебя и рабочие понимают, и чиновники признают. Значит, работай... А что остальное — то впереди.

На улицах и площадях Екатеринбурга гудел и плескался постоянный спор. Эсеры обещали принудить толпу постичь в крови идеи социал-революционеров. Меньшевики кричали о чести России, которая должна победить в этой войне. Партия народной свободы, которой совсем не нужен был народ, объединяла вокруг себя чиновников и разную мелкую конторскую челядь. Бунд требовал разделения партии по национальному признаку. Мусульманская партия взывала к аллаху и уверяла, что только потомок Магомета установит правоверный порядок на земле.

Большевики работали. К октябрю на Урале было свыше 30 тысяч членов РСДРП(б). Более 450 тысяч рабочих и солдат шли за большевиками.

День первого сентября, неспешный и ясный, начинался ранней зарей, которая быстро наплывала с востока красным заревом. И как только солнце обнажило свой первый луч, повсюду гулко и трубно заревели заводские гудки. Они слились в тревожный хор, призывный и отчаянный, и вслед за тем на площадях и у заводских ворот стал собираться рабочий люд. Под хор гудков люди двигались молча, и в протяжном, слитом воедино звуке щемяще и грозно отдавался тысячный топот идущих: на первое сентября была назначена однодневная политическая стачка ста десяти тысяч рабочих Урала. Как по команде, гудки оборвали грозную песню, и в воздухе на минуту зависла пронзительная тишина.

Полиция, городовые старались держаться подальше. Из большевиков никто не остался дома. Речистые ораторы

других партий большей частью попрятались: народ был накален, он выступал против войны, против политики правительства, против корниловского мятежа, и меньшевики и эсеры сочли за лучшее не попадаться людям на глаза. Да их никто и не хотел больше слушать.

Петр шел к Верх-Исетскому заводу вместе с рабочими — плечо в плечо. Он видел, как из-за калитки выглянул Аркадий Анатольевич Кощеев и тут же юркнул назад, как таракан, нюхнувший табаку.

Сила рабочего единения напугала меньшевиков. В тот день только в Екатеринбурге под руководством большевиков бастовало свыше двенадцати тысяч человек. Рабочие требовали созыва Всероссийского съезда Советов, изгнания из Советов соглашателей. Росли сознательность и сплоченность народных масс. Приближалась великая очистительная буря, и большевики готовили трудящихся к борьбе.

* * *

За тем днем пошли дожди, которые в начале октября вдруг прекратились, и все чаще и чаще небольшой ветерок напоминал о близких холодах. Над сопками и горами белесо и смутно расстилалась холодная мгла. Каждый новый день, яркий и стремительный, приближал для человечества невиданный в истории великий час.

26 октября 1917 года в Екатеринбурге приняли две телеграммы: «Военно-революционный комитет, созданный исключительно Советом рабочих и солдатских депутатов, в настоящее время фактически стоит у власти». И: «Зимний дворец взят. Министры арестованы».

Воззвание к трудящимся Урала составили вечером на экстренном заседании Екатеринбургского Совета, партийных и профсоюзных организаций, которое проходило в оперном театре: «Товарищи: рабочие, солдаты, крестьяне, трудящиеся революционной России! Зимний дворец взят. Буржуазное правительство свергнуто. Министры арестованы. Военно-революционный комитет, созданный исключительно Советом рабочих и солдатских депутатов, взял власть в свои руки. В целях образования и укрепления власти Советов Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов предлагает: всем местным Советам взять власть в свои руки на своих местах. Нежелательных представителей старой власти сместить, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавлять оружием».

Весть о победе вооруженного восстания в Петрограде уральские рабочие встретили и душой, и сердцем, и делом. На митингах, собраниях заявили о поддержке Советского правительства. Как только была получена телеграмма о победе революции, большевики созвали экстренные заседания местных Советов. Советы объявляли себя органами власти и создавали местные революционные комитеты. Для охраны заводов, железнодорожных станций, почтово-телеграфных контор посылались красногвардейские наряды. Повсюду революционные отряды арестовывали контрреволюционеров.

* * *

Утро 27 октября начиналось шумно и тревожно. Аркадий Анатольевич Кощеев, неугомонный меньшевик и гласный Екатеринбургской думы, выскочил из своей квартиры по Гоголевской, 15. Он забегал к знакомым в дома, в конторы, в трактиры.

— Господа! — кричал он возмущенно.— Власть узурпирована большевиками! — и потрясал тощей тросточкой с набалдашником в виде усохшей головы Сократа.— Нет! Мы не пойдем с ними! Никогда, господа! Мы объявим войну Советам! Я взываю к разуму и чести, господа! Закроем банки, почту, телеграф — пусть пролетарии хором кричат до Питера о своей большевистской победе на местах!

Кощеевский шум был не только нервическим припадком. За ним стояла угроза еще не сломленных сил. Кто-то поговаривал, что вольные казаки, эти патриоты святой Руси, скоро двинутся к Екатеринбургу, что солдаты под страхом смертной казни выполнят приказ, когда им скажут: «Расстрелять большевиков!»

В воскресенье 29 октября 1917 года газета «Уральский рабочий» в передовице «К моменту» писала:

«Вчера в статье «Свершилось», приветствуя победу пролетарско-крестьянской революции, мы предупреждали товарищей не обольщаться легкостью первой победы и готовиться к упорной борьбе с бежавшим на фронт Керенским и всеми мобилизованными силами буржуазии.

События первых же... дней показывают, что мы были правы... Силы реакции мобилизуются. Керенский, как и два месяца назад Корнилов, во главе некоторых верных ему фронтовых частей движется на Петроград...

Как Корнилов рассылал по всей России манифесты, объявляя себя спасителем отечества, так и Керенский

рассылает нз ставки, а теперь из Гатчины грозные телеграфные приказы, объявляющие петроградскую революцию делом «шайки изменников» и требующие от восставшнх солдат беспрекословного подчинения и сдачи оружия.

Но ему не верят. И нашлась только одна организация, верхи которой встали на защиту Керенского. Это Центральный Комитет почтово-телеграфного союза. Он беспрекословно передает по всей России телеграммы Керенского, он призывает почтово-телеграфных служащих охранять телеграф от большевиков, и он не передает телеграмм нового революционного правительства.

Окопавшись в Москве, руководители этого союза фактически отрезали Петроград от Восточной России, Урала и Сибири, ибо правительственные телеграммы и телеграммы от съезда Советов по нх требованию направляются не прямо на восток, а идут через Москву и там задерживаются. Мы далеки от того, чтобы перенести на местных почтово-телеграфных служащих ответственность за контрреволюционную работу верхов из союза...

Петрограду приходится выдерживать свою гигантскую работу на два фронта — на внешнем за мир против западного капитала, и на внутреннем протнв русской контрреволюции, будучн отрезанным от телеграфного сообщення с революционной провинцией. Он не может иначе как нарочными потребовать от нас помощи н хлеба, без немедленного подвоза которого революционная столнца обречена на голод. И мы должны сами взять на себя инициативу поддержки петроградской революцин.

В полном сознании своей ответственностн перед русской и международной революцией сибирские товарищи должны снаряжать в Петроград один за другим маршрутные поезда с хлебом, а мы, уральцы, должны в тесном союзе с революционной железнодорожной армией обеспечивать быструю и надежную доставку их в Петроград».

К угрозе смерти от бесхлебья н телеграфному бойкоту, к горячим событиям тех дней прибавилось еще одно.

Полковник Дутов, человек властный н решительный, участннк нмпериалистической войны, после февральской революцнн был избран председателем Всероссийского казачьего съезда в Петрограде. Тесно связанный с Кор-

ниловым, он в сентябре 1917 года стал председателем войскового правительства и атаманом Оренбургского казачьего войска.

1 ноября 1917 года Дутов издал приказ, в котором объявлял войну Советской власти. Сообразуясь с обстановкой, первые две недели Дутов никаких решительных мер не принимал. Он насаждал в казачестве дух превосходства. По войску прокатился шум, что большевики отнимут казачью волю и хотят всех казаков сделать мужиками, но что правительство войсковое во главе с атаманом Дутовым скоро «выпустят кровя из Советов» и создадут свою казачью республику.

Бойкот на телеграфе грозил революции глухотой. Комитет контрреволюционного почтово-телеграфного союза распорядился действовать согласно только его предписаниям. Партия местных эсеров приняла сторону бывшего премьера, и телеграф в Екатеринбурге внезапно замолк.

* * *

В начале ноября тепло как будто отрубило: понемногу заснежило и набежал легкий небольшой мороз. Иван Анисимович Данилин перешел теперь в ревком и жил в небольшой и теплой каморке. А поскольку дежурства в ревкоме назначались круглосуточные, Иван Анисимович постоянно был при деле.

Телеграф прекратил работу ночью, и в ревкоме раздался дребезжащий тревожный звонок. Не то визг, не то вопли резанули ухо, но чего-либо путного Войкову (было его дежурство) разобрать не удалось.

Минут через десять на пролетке вместе с Данилиным и тремя бойцами он отправился к телеграфу, напряженно соображая, что бы это такое могло быть?

Телеграф был заперт изнутри на все задвижки, а в дверь ломилось человек двенадцать хмельных ярых молодцов.

— Православныя, режь провода! — орал один из них.

— Барышни, а мы вас любим! — гундя и чавкая, вторил другой, и вместе все галдели и лупили в дверь сапогами.

В чьих-то руках оказался топор. Тяжелая дверь жалобно пискнула и заскрипела.

— В воздух залпом — пли! — приказал Петр, соскочив с пролетки.

— Кутяпа! Шухер! — гаркиул кто-то.

Хлопнули два выстрела нз револьвера, и молодцы кииулись врассыпиую.

— Эх вы, демократы! — Иван Аннснмович выхватнл нз рук бойца виитовку.

Он выстрелил понизу и будто бы в пятку тому, кто удирал последиим. Споткнувшись, словно о пеиь, детииа растяиулся иа мостовой. Схватившись за иогу, ои корчился у фоиаря, отупевший и безвольиый.

Ковыляя, ио довольио быстро Иваи Аиисимович подошел к нему.

— Кто такие? Чьи? — спросил он грозио и иаставил в грудь лежавшего дуло винтовки.

— С кабака мы. С уктусского...— простоиал детииа.— По червоицу дали. Повеселись, сказали, молодцы. Девки сами того хотят...

— Кто главарь?

— Кутяпа...

— Слыхал, Лазорич, кто у них заправила? Кутяпа, душерез, каторжаиии!

Детину уложили иа пролетку и с охраиой отправили в лазарет.

— Барышни, а барышии,— ласковым голосом взывал один из красиогвардейцев, Евдоким Емельяиов, стоя у двери.— Откройтесь! Мы ж ие баиднты! Мы ж революциоиные бойцы!

Могутный, широкогрудый пареиь, ои гудел, как шмель у иоры. Накоиец где-то наверху скрипиула дверь в коридоре и опасливый голосок спроснл:

— А иам откуда зиать, кто вы такие?

— Да ты в окошко гляиь! — возмутился Евдоким.

На втором этаже мелькиуло девичье лицо за заиавеской н погас свет. Евдокнм стал у фоиаря и замахал руками:

— Вот те крест, говорю, что революциоиный боец я! А это вот товарищ Войков, представнтель от Советской власти!

Не веря в спасение, испуганные телеграфистки открыли дверь, и вслед за Войковым Даинлин и Емельяиов подиялись по крутым ступеням в помещение телеграфа.

Дежурный чиновиик давным-давио сбежал, приказав отключить телеграфиую связь, и отряд красногвардейцев подоспел как иельзя вовремя. Однако было ясио, что барышнн пробудут на телеграфе дай бог до утра и потом ие вернутся сюда.

— Милые барышни,— сказал Петр,— мы понимаем, как вам сейчас нелегко. Но Советская власть дает слово охранять вас. С этой минуты вас никто не посмеет ни оскорбить, ни тронуть. Здесь будут дежурить революционные бойцы,— он повернулся к Евдокиму,— которые в любую минуту могут защитить вас.

Понемногу оттаяв, барышни стали разглядывать Емельянова. Тот смутился, покраснел, но, собравшись с духом, стал навытяжку.

— Это Евдоким Емельянов,— назвал его Петр,— ваш первый на сегодня дежурный и ваш заступник.

— А он вправду заступник? — спросила бойкая телеграфистка, хитро сощурившись.

— А стоит ли спрашивать,— серьезно и мягко промолвил Петр.— Раз с чистой совестью, так и заступник настоящий.

Глаза барышень потеплели, и Войков подумал, что никуда они не уйдут.

Слух о том, что скоро придут казаки Дутова, заставил обывателей затаиться и ждать. По утверждению меньшевиков и эсеров, сила Дутова исчислялась несколькими тысячами казачьих сабель, и потому большевикам надо как можно скорее сдать полномочия коалиционному ревкому, в состав которого войдет несколько партий. Они настойчиво твердили на каждом углу, что большевики хотят крови. Город можно сдать мирно, но по вине комитетчиков-большевиков казаки не нынче завтра перекрошат и правых и виноватых.

Заводчики, предприниматели перестали выдавать зарплату рабочим, закрылись конторы по найму, иностранные концессионеры почуяли добычу.

Однажды вечером на окраине города открылась хлесткая пальба. Звонко лопнули две гранаты. Рабочий отряд примчался на место, но никого не нашел...

Чтобы укрепить Советскую власть в городе и в округе, надо было сделать председателем Думы большевика.

— Послушай! — говорил Иван Михайлович, убеждая Петра.— Тебе там быть. В горном деле смыслишь? Смыслишь. В коммерции разбираешься? Разбираешься. Три языка знаешь? Знаешь. Так вот — быть тебе думным головою. Полагали мы сначала Николая Брюханова закандидатурить — так он с 26 октября член Уфимского ревкома.

Самуил Цвиллиг еще с июля председатель Челябинского Совета. Душа болит: как они теперь там, когда Дутов рядом? А здесь дела предстоят разные. Придется и на дипломатическом поприще покорпеть, с иностранцами покалякать. Они доки, так задаром отсюда не уйдут. Сдерут с республики за свои капиталовложения да и прииски ограбят.

В то время газета «Уральский рабочий» призывала: «5 ноября выборы в Екатеринбургскую городскую думу. Голосуйте за список социал-демократов большевиков, № 5!». Стоял подзаголовок: «Наши кандидаты», а дальше шла информация:

«Войков Петр Лазаревич, 29 лет.

Вступил в социал-демократическую партию еще юношей, в пятнадцать лет. Работал в партии на юге России до первого ареста, после чего пришлось перейти на нелегальное положение и кочевать по России с фальшивым паспортом, ведя партийную работу. Когда пришлось очень туго, эмигрировал за границу. Более восьми лет прожил в Швейцарии и Франции, где был членом французской и швейцарской рабочих партий. За границей учился, работал в профессиональном движении, сотрудничал в русской нелегальной и легальной прессе. Во время войны жил в Швейцарии, где, как и другие эмигранты-интернационалисты, оказался под тройным надзором швейцарской, русской и союзнической полиции. После русской революции не смог никакими силами добиться возможности проехать в Россию, не пропускали наши «доблестные союзники». Приехал вместе с другими русскими эмигрантами через Германию в поезде, выхлопотанном швейцарскими товарищами социалистами. Приехал в Россию сейчас же после свержения первого милюковского правительства и был приглашен в министерство труда, где работал в качестве комиссара министерства. Ушел из министерства после событий 3—5 июля, когда выяснил реакционный курс Временного правительства. Сейчас — член и секретарь областного Совета профессиональных союзов Урала».

О том, как Петр Войков стал председателем Екатеринбургской городской думы, впоследствии вспоминал Л. Сосновский:

«...После выборов новой городской Думы мы стали проводить его председателем.

Мы не то имели большинство на один голос, не то нам не хватало одного голоса до большинства. Остальная поло-

вина гласных Думы составлялась нз эсеров, меньшевнков н кадетов. Прн такнх условиях руководнть заседаннем Думы было особенно трудно. Прочного большннства не было, протнвостоявшнй нам блок постоянно колебался. Часть эсеров (левые) поддержалн нас, но иногда голосовалн с прочей братней против нас. Мы остановились на кандидатуре Войкова, хотя средн нас было достаточно старых крупных партнйцев, знающих местные условня н достаточно авторнтетных. Нам казалось, что Войков как человек, можно сказать, европейскнй сумеет·сочетать со своей революцнонной горячностью европейскую парламентскую выдержку. Тогда Учреднлка еще не была разогнана. Парламентскне манеры, прн некоторых обстоятельствах, ценнлнсь.

Вначале Вонков блестяще выдержнвал роль парламентского бесстрастного председателя. В то время как мы беспощадно крылн соглашателей, он хладнокровно восседал на председательском месте, соблюдая вндимый нейтралнтет.

Еслн не ошнбаюсь, за него голосовалн не только мы, большевнкн, но н часть гласных другнх партнй, нбо он внушал многнм уваженне своей глубокой нскренностью, убежденностью, знанием дела.

Но через несколько заседанннй запас парламентского бесстрастня Войкова иссяк. Без остатка в однн прекрасный день, забыв о всяких парламентскнх обычаях, он с председательского места яростно напал на блок соцналпредателей капиталнстов, разделал их под орех. Мы былн немного смущены тем, что он не выдержал намеченной ему ролн, но через несколько мннут мы былн самн заражены его боевым волненнем н понялн, что трудно от настоящего революцнонера требовать такого бесстрастня».

По какому-то лукавому совпаденню дом Кнзелл-Поклевского, где размещалнсь областной н городской комитеты большевнков, н дом городской Думы оказались почтн рядом. Факт этот вызвал самые бурные крнвотолкн средн обеспеченных граждан почтенного Екатерннбурга.

— Кого выбрали? — возмущенно вопил какой-то состоятельный.— Теперь этот Войков благополучным гражданам житья не даст! Ему до комнтета до своего только шаг шагнуть! Видали! Ему вон с того чердака Малышев крикнет, а он в Думе сразу же новый комнссарскнй закон нздаст!

Дом Поклевского и в самом деле был выше дома городской Думы, однако с чердака кричать комитетчикам было некогда: в ночь на 15 ноября 1917 года Дутов разгромил в Оренбурге Военно-революционный комитет, арестовал членов Оренбургского Совета и объявил мобилизацию казачества. Угроза нависла и над Екатеринбургом.

Советская власть с первых дней своего рождения вступала в битву со смертным врагом.

Глава V

Бельгийская компания «Электродвигательная сила» грозилась погасить в Екатеринбурге свет. Она владела городской электростанцией, и задержка валютных перечислений — процента за эксплуатацию — оттягивала передачу городу почти готовой электростанции.

В ревкоме вопросом о работе электростанции занялись немедленно и всерьез. Действие свободного капитализма проявлялось прямо и ощутимо: кто-то где-то за тысячи верст, владея капиталом, присвоил себе право распоряжаться чужой судьбой.

— А мы что — не власть? — сказал Малышев.— Арестовать к чертовой матери всех бельгийских технарей на электростанции и светить самим сколько надо!

— А где специалистов возьмем? — спросил Вайнер.— Ну посадим к электричеству дядю с кувалдой, а он нам за первые сутки все динамо-машины спалит.

— А ты, Петр, с бельгийцами объясниться сможешь?— с надеждой глянул Иван Михайлович.

— Попробую...

— Попробуй, брат, пожалуйста! Призови их к пролетарской совести. Ты ведь у нас и думный голова теперь — вроде как представитель от демократической власти. Тебя, глядишь, и послушают.

— Компания прикажет — работать не станут. Они ведь полностью зависят от нее. Иначе сразу получат расчет без выходного пособия. Что-то другое, какой-то ход придумать надо.

— А именно?

— Есть одна мысль: бросить клич по заводским комитетам — пусть поищут у себя специалистов по динамо-машинам. Народ смекалистый у нас найдется, а я попробую бельгийцев уговорить, чтобы они ознакомили наших с

картой технического обслуживания электростанции. Арестовать их тоже неплохо бы — для вида, будто они тут ни при чем. Тогда компаиия их отзовет, и все, что положено по контрактам, они с иее получат.

Разговор с бельгийцами прошел как нельзя лучше.

— Ну чем, собственно, вам — рядовым рабочим и техникам — грозит пролетарская революция? — спрашивал Войков собравшихся в уютиой комнате дежурного по электростанции.— Вы кто? Владельцы фабрик и заводов? Крепостники, капиталисты, палачи или тюремщики? Или вы наследники валютных капиталов, прожигатели жизни? Скажу вам: среди большевиков есть и простые рабочие, и техники, и крестьяне, и интеллигенты. А что дает рабочим и крестьянам пролетарская революция? Прежде всего свободу — свободу, принадлежащую человеку по праву от его рождения. Она утверждает в мире гордость человеческую и свободный труд!

Петр осмотрел электростанцию и, сам не ведая почему, проникся щемящим чувством беспокойства, которое ие оставляло его потом весь день. Электростанцию легче легкого было вывести из строя: несколько пуль в коллекторы генераторов — и город потонет во тьме. В будке у входа сидит за сторожа бывший гардеробщик из театра в затертой ливрее; ему семьдесят шесть лет. Войков понимал, что случай на телеграфе был не просто случаем: кто-то стоял за ним, и то же самое могло повториться иа электростанции. Подстреленный Данилиным детина каялся, что их подпоили в кабаке какие-то офицеры в штатских пальто поверх кителей и дали по червоицу — велели с барышнями «поиграть». Кутяпа их знает, и они к нему благоволят.

Охрану для вокзала, почтамта, телеграфа, электростанции следовало выделить немедленно. По распоряжению ревкома четыре отряда заводских дружиинников отправились на ночное дежурство.

В ноябре сумерки иабегают рано. Дружина из девяти человек прибыла на электростанцию затемио. Вьюжило, холодный ветер обжигал лицо. В будке остался караульный, остальные вошли в теплую комнату дежурного. Уже за полночь, едва сменился караульный, в будке раздался сдавленный крик. Первый дружинник, что выскочил иаружу, был убит выстрелом наповал. Рабочие ответили нестройиым залпом. Какие-то фигуры каиули во тьму. Пока на выстрелы подоспел грузовик с красиогвардейцами, про-

шло с полчаса. Вокруг не нашли никого, а на следующий день дружинники хоронили двух парней, своих товарищей...

На дежурства в ревкоме не хватало суток. На фабриках, заводах, в казармах местного гарнизона читали ленинские декреты — о мире, о земле. На защиту Советской власти едва ли не первыми встали рабочие монетного двора. «Мира, хлеба, земли и свободы!» — взывала газета «Уральский рабочий».

От усталости у Петра слова перестали проливаться напевным украинским говором, приобрели глухой и твердый звук. Но в этой его усталости звучало больше правоты. Трудом и голодом обремененные люди усталым словам доверяли больше...

После декрета Совнаркома от 29 октября 1917 года о введении восьмичасового рабочего дня рабочие за многие десятилетия получили первый настоящий роздых. Но война с Германией пожирала металла больше, чем могли дать все уральские заводы, и на заводских митингах нередко принимались решения работать сверх установленных правительством норм. Республике грозила контрреволюция: порой оружие бывало нужнее, чем хлеб. Мотовилихинский пушечный, Ижевский и Тульский оружейные заводы ковали оружие Стране Советов.

Екатеринбургский комитет РСДРП(б) немало потрудился, чтобы обновить городскую Думу. И вот после выборов 5 ноября в нее вошли А. Д. Авдеев, П. М. Быков, Л. И. Вайнер, П. Л. Войков, Ф. И. Голощекин, И. М. Малышев, Я. М. Юровский и еще тридцать два большевика. Таким образом, из 85 мест в Думе большевикам принадлежало 39. Остальные места поделили между собой эсеры, кадеты, меньшевики и другие мелкие буржуазные партии.

События чередовались стремительно и были связаны цепкими нитями старых и новых проблем. В то время на Урале работники областного комитета большевистской партии и областного Совета никак не укладывались в сутки для решения насущных проблем. Железо и сталь Урала шли в Питер и Москву. Все труднее и труднее становилось распределять по республике полученный на Урале металл. Мешали бывшие предприниматели, засевшие кто на заводах, а кто и в Питере. Что делать? И если, скажем, на Урале областной большевистский комитет и областной Совет могли сместить бюрократа или саботажника, то на

питерских саботажников, посягавших на уральские дела, нужны были иные права. Поразмыслив, решили: послать делегата к Владимиру Ильичу Ленину, и в Петроград отправился Воробьев, которого встретил сначала Я. М. Свердлов. Он-то и помог посланцу Урала побывать у Председателя Совнаркома. Владимир Ильич выслушал Воробьева, и как память тому сохранилась записка:

«...Податель сего тов. Воробьев, делегат от Урала, имеет прекрасные рекомендации от местных организаций. Вопрос на Урале очень острый: надо *здешние* (в Питере находящиеся) правления уральских заводов *арестовать* немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и *конфисковать* все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее.

Ленин».

А между тем дела думные и безотлагательные ждали Войкова. Декрет о национализации крупнейшего на Урале Богословского горного округа Ленин подписал 7 декабря 1917 года. В конце декабря — начале января на Урале, кроме Богословского, были национализированы предприятия Кыштымского, Симского, Невьянского, Сергинско-Уфалейского, Алпатьевского и других горных округов. Мелкие заводы и рудники конфисковали местные Советы. Сильно покачнулась экономическая власть буржуев. Наиболее дальновидные иностранцы предвидели этот неизбежный акт.

...Майкл Митчел явился в Думу в самый ранний час приема — к десяти утра. В приемной председателя его встретила престарелая чопорная дама из бывших наставниц Института благородных девиц. Петр отыскал ее в Богоявленском начальном училище, где дама учила переростков арифметике, манерам и этикету.

Формулу приема иностранцев Войков рассчитал наверняка: пока недовольный пролетарской революцией посетитель переступит порог его кабинета, он наговорится с Агнией Самсоновной о том, зачем и почему он беспокоит «его превосходительство самого председателя городской Думы». Петр объяснялся с Агнией Самсоновной только по-французски, и та души в нем не чаяла. У дверей кабинета она стояла насмерть, усмиряя пришедшего презрением и неприступностью. Пыл с иностранца быстро сходил, его претензии ему самому уже казались малозначительными, и в таком подготовленном виде он переступал порог каби-

иета. С иим легче было договориться, и службу секретаршн Войков весьма ценил.

Агиня Самсоиовиа пообещала Майклу, что его превосходительство (так оиа заглазно величала Петра) господии Войков, возможно, примет его в ближайшие полчаса. За эти полчаса оиа напомнила американцу, что сидеть в кресле задравши иоги иеприличио, что гулять по приемиой — есть призиак дуриого тона, что громко разговаривать проситель ие должеи. Сорокапятилетиий белобрысый Майкл Митчел, по-ковбойски размашистый и грубоватый, таращил иа мадам глаза и злился.

Делец и политик, ои следил за событиями в мире виимательио и иасторожеиио.

Когда в России иачалась буржуазио-демократическая революция, Митчел, встревожеиный возможиым перебоем в поставках глянцевитого железного листа, решил перевести американские капиталовложеиия в валютиую стоимость и переправить золото в Штаты. Но германские подводиые лодки за три последиих месяца потопили уже свыше тысячи торговых судов, и везти золото по морю Майкл ие рискиул.

В России — в сумятице страдаиий, голода и пролитой крови, в разореииой войной Россни объявилась вдруг какая-то иепоиятная власть — Советы, у которой иет ии деиег, ии хлеба, нет постоянной армии и полицнн; иет, иакоиец, акционериых обществ и баиков, кредитующих промышлениость,— и все-таки есть сила. Ои видел, как в мутиом потоке событий «прогрессивное» купечество и «демократически» иастроеиные предприииматели по дешевке тайно торгуют страиой и ее иедрами, и готов был воскликиуть: «Россия — иовый Клоидайк! Надо лишь поскорее застолбить иностраииыми флагами просторы Урала и Сибири!» Но имеиио та новая сила, которую Майкл заметил в большевиках с их Советами, укореиялась куда-то вглубь, в иарод, и это было страшно для предприиимателя. Митчел вдруг поиял, что плывет иа островке среди раскалеииой, кипящей лавы и может сгореть здесь ежечасно, не увидав больше своей Америки. Национализация предприятий, перевод их иа выпуск другой продукции — все это могло привести к разореиию, и потому Майкл решил ие ссориться с Советами. Пока.

Войков давио догадался, зачем пожаловал к иему американец, н потому промарнновал его в приемной едва ли ие битый час. Митчел мог явиться только за продлеиием контракта иа поставку глянцевитого кровельиого железа,

которое изготовлялось на Верх-Исетском заводе и экспортировалось в Америку. Но глянцевитое железо, вязкое железо лучшего качества нужно было самим. Из него выплавлялась ствольная сталь для Мотовилихинского пушечного завода, для Ижевского и Тульского оружейных. Совет и ревком взяли работу завода под особый контроль, и вопрос о продлении контрактов решался утверждением председателя Думы. Местных предпринимателей, задолжавших более миллиона долларов в валюте, американцы заставили урезать налоговый процент с иностранных компаний, и железо — лучшее на международном рынке — шло в Америку в сущности задаром в счет погашения долга, без валютных поступлений в русский банк. По северной железной дороге глянцевитое железо переправлялось в мурманский порт, и корабли со звездно-полосатым флагом везли его к берегам другого континента...

За приоткрытой массивной дверью, в глубине обширного кабинета Митчел увидел молодого человека в костюме европейского покроя, подстриженного по западной моде. Догадливый Майкл подумал, что коллеги из французской и немецкой концессий решили, видимо, надуть его. Они сказали, что в председателях Думы сидит большевистский комиссар из местного ревкома. Теперь американец убедился, насколько его коммерческие конкуренты коварны и хитры. Они пугали его намеренно, чтобы самим забежать вперед, обойти, договориться с председателем без него. Митчел недавно прибыл в Россию, и ни красных штанов, ни маузера, ни громаднейших усов, ни сырого мяса, наткнутого на саблю, которое едят комиссары,— ничего подобного из того, о чем писали «Нью-Йорк таймс» и другие уважаемые газеты Америки, он не увидел. И потому обрел уверенность и важность, как только вошел в кабинет к Войкову.

— Меня зовут Майкл Митчел...— сказал он, бодро кивнув и улыбаясь.

— Прошу, господин Митчел,— Петр указал на кресло.

Английским Войков владел слабовато; ему хорошо давались немецкий и французский. Составив несколько любезных фраз, он извинился, что говорит далеко не блестяще, хотя и читал Диккенса в подлиннике, а теперь вот занят Шекспиром.

Приятно удивленный, Митчел рассказал, как боялся встретить в Думе комиссара-большевика, и совсем повеселел и рассмеялся, вспомнив, как ожидал увидеть красные штаны и маузер, с которым большевики допрашивают по-

сетителей. Вволю посмеявшись вместе с ним, Петр сообщил, будто мимоходом:

— А знаете ли, мистер Митчел, ведь я большевик.

Майкл поперхнулся, потом из его горла выползла какая-то гудящая низкая нота, и он заговорил, путаясь в словах, о том, что промышленное производство на Урале теперь поставлено под контроль Советской власти и его фирма не может терпеть убыток. В производство вложен капитал. Русские компаньоны кругом должны американской фирме. Платежеспособность их сомнительна. Бумаги и ассигнации не могут участвовать в финансовом обороте, они лишены теперь всякой ценности. Фирма требует уплаты долгов только золотом или товаром. Американская концессия может пойти на уступки Советам, если Верх-Исетский завод увеличит экспорт глянцевитого железа в пользу американского представительства на Урале.

— Я понимаю,— сказал Петр,— судить реально о положении торговых и промышленных дел могут только люди деловые. Мы действительно поставили под контроль и работу промышленных предприятий, и деятельность самих промышленников. Это вызвало недовольство владельцев предприятий — ярость, вражду, саботаж. Но бизнес есть бизнес, и мы готовы сотрудничать с американскими концессионерами. Однако Советская республика не может отвечать за долги частных предпринимателей, и если фирма согласна, то мы продлим взаимовыгодный контракт на поставку глянцевитого железа. А это значит: надо пересмотреть и размер пошлины за вывоз, и процент валютных поступлений в Советский государственный банк, и многое другое. Амортизацию оборудования, например... Срок амортизации прокатных, железобитных станков давно истек, окупился, но фирма все еще взимает процент за амортизацию и в счет этого процента вывозит железо в Америку даром. Насколько мне известно, вы за последние пятнадцать лет не истратили на модернизацию производства ни доллара, но в счет амортизации получили железа почти на три валютных оборота в каждый год. А рабочие гнут спины в допотопных цехах, в которых техника безопасности такая же, как на войне.

Майкл сидел как на угольях.

— Но,— продолжал Петр,— мы готовы торговать, жить в мире и согласии. Я полагаю, мистер Митчел, мы сможем всегда договориться...

— Отлично! — обрадовался Майкл, полагая, что все же нашел человека, живущего не без выгоды для себя.

—...договориться согласно законным требованиям Республики Советов,— заключил Войков и, приправляя речь пожеланием доходов и процветания американской фирме, проводил гостя до двери.

Французам нужны были алмазы на западном склоне Вишеры, англичанам — березовское золото. С французами Петр беседовал весело, пересыпая речь остротами, с англичанами был серьезен и корректен.

Но вот однажды тяжелая дверь кабинета наотмашь распахнулась, и явился «свой», Епиша Разгуляев — дальний родственник знаменитых солеваров Строгановых, чья фамилия также увековечилась по трактирам в названии жареной говядины — бефстроганов, то есть мясо по-строгановски. Епиша ввалился в кабинет после ночной попойки в лисьей шубе, в собольей шапке. Шмякнулся в кресло и, покосившись на Войкова, с ходу брякнул без обиняков:

— Комиссар, слышь, торганем заводом! Французам бумага, а нам с тобой — валюта в швейцарский банк!

— А потом что? — спросил Петр.

— Хе-хе,— Епиша усмехнулся.— Комиссар, ты ж заграничный. Али мы не видим? Ты ж понимаешь толк! Национализация во где,— Епиша полоснул пальцем по горлу.— А во — кукиш Советам! Отберут? Пусть отбирают. Через европейский арбитраж французы сдерут с вас втрое и валютой — за развалину! Хи-ха-ха! — и Епиша, давясь избытком внутреннего жира, тонюсенько захохотал.

— Да вы, я вижу, весельчак,— Петр снял трубку телефона.— Весельчак!.. Сразу видно, какая в вас подлая душа! Охрана! Трех красногвардейцев. Срочно!

Епиша орал и брыкался, когда его волокли вон, и все старался выскользнуть из шубы. Потом помчался по кабакам. Он бил себя в грудь, рыдал и рвал рубаху.

— Православные! — вопил Епиша.— Смотритя на душу, поруганную большевиками!

Он падал на колени, крестился, бил лбом об пол, и всяк, кто ненавидел революцию, проклинал в тот час вместе с ним большевиков.

Человеческим бедам, кроме своих собственных, Епиша не внимал. Он не читал газет, особенно таких, какие не касались забот промышленников, коммерсантов, купцов. Газету «Уральский рабочий» Епиша рвал, мял и топтал. Однако одну заметку — «Письмо из Поволжья», злорадствуя и глумясь, он все же прочел.

«Надвигается чудовищный голод,— писал «Уральский рабочий».— Девять губерний поражены настоящим голо-

дом. В Нижегородской губернии цена хлеба — 75 рублей за пуд. На Казанскую губернию двинулись голодающие крестьяне и мешочники. Положение продовольственного дела катастрофическое. В Нижегородской, Костромской, Ярославской и других соседних губерниях питаются сушеной дурандой, гнилым картофелем и пылью от мешков. Дети пухнут от голода.

Казанские крестьяне взбудоражены вооруженными командами, которые были разбросаны меньшевиками и с. р. (оборонцами). Когда продовольственное дело перешло в руки большевистского Совета, первым делом отозвали отовсюду вооруженные команды. Затем повели усиленную борьбу со спекулянтами, которые скупают хлеб по дикой цене. Привлекаем их к суду и хлеб реализуем по цене 2 р. 35 коп. за пуд.

Против нас ведется сильнейшая травля. Не забывайте, что здесь много помещиков. Они же прокуроры и судебные следователи. Вследствие этого — масса преследуемых судом крестьян («аграрники»). Но нам удалось добиться освобождения крестьян-аграрников. Гарнизон стоит на стороне революции».

— Послушай, Петр,— сказал как-то Малышев улыбаясь,— ты у нас один теперь во всех лицах: и мистер, и сэр, и герр, и мосье. Вот только не лорд. А жаль. Ты бы нам в палате лордов помог мир заключить... А кроме шуток — вот что, господин думный председатель: ты помнишь, эсеры и меньшевики в конце октября предложили создать в Екатеринбурге так называемую «однородную социалистическую власть», чтобы отстранить, оттереть от руководства большевиков. Номер не прошел. Тогда, сам знаешь, они создали свой коалиционный ревком. Так вот, этот ревком оставил за владельцами заводов платежное право по банковским счетам и таким образом право на выдачу зарплаты рабочим. Такую самозваную организацию надо было сразу же подчинить большевистскому ревкому. А поскольку этого не произошло, нужно меньшевиков и эсеров нейтрализовать. Эти приспешники буржуазии могут много бед натворить. Тебя мы сделаем заместителем председателя заводского совещания. Весь промышленный Урал будет управляться заводским совещанием под контролем Советов. Отсюда — банки, оборотные поступления, доход, продукция, обеспеченность заводов сырьем, зарплата — все будет под нашим контролем. Понял?

— Понять можно. И владельцы это тоже поймут.

— Вот и хорошо. Пусть привыкают.

С момента, когда заводское совещание взялось за управление промышленным Уралом, хлопот большевикам прибавилось: к металлургии, к делам оружейным присовокупились заботы о химических заводах — о Полевском и Пермском сернокислотных, о Шаттанском хромпиковом, о Березниковском содовом. Чусовской и Лысьвенский металлургические заводы, Мотовилихинский пушечный, Ижевский оружейный, Воткинский завод паровых машин были опорой для Республики. На Южном Урале и в Приуралье — Златоустовский инструментальный, Усть-Катавский вагоностроительный. Были заводы лесопильно-бумажные — Лобвинский, Лялинский, Пермский. Экономические знания, политическая зрелость позволили Войкову участвовать в разработке первого проекта районирования Урала по производственному принципу.

На каждом заводе прежде всего требовалось наладить работу органов рабочего контроля, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов. В конце 1917 года Войков был назначен заместителем председателя заводского совещания. Теперь заводское совещание возглавляли большевики, которые по сути дела управляли промышленностью всего Урала. Вопросы финансовые, продовольственные, снабжение страны солью, выпуск военной или иной продукции — все решало бюро заводского совещания.

Бурные перемены обновляли страну. 26 октября 1917 года Владимир Ильич Ленин выступил на Втором съезде Советов с докладами — о мире и о земле. Декрет о мире, принятый съездом единогласно, предлагал всем народам и правительствам воюющих держав немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире на условиях отказа от аннексий и контрибуций. Антанта отклонила это предложение, тогда Советское правительство вынуждено было начать мирные переговоры с Германией. 2 ноября 1917 года СНК принял Декларацию прав народов России; 10 ноября ВЦИК и СНК утвердили Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов; 14 ноября — Положение о рабочем контроле; 22 ноября последовал Декрет СНК об организации судов на основе демократических выборов и об учреждении революционных трибуналов; 2 декабря в Брест-Литовске было подписано соглашение о перемирии, а 9 декабря начались мирные переговоры с Германией.

Власть Советов была решительной и твердой — оиа составляла суть и силу движеиия жизни, чего Майкл Митчел ие имел мудрости поиять. В морали предпринимателей — что русских, что иностраииых — слово «выгода» стояло иа первом месте, слово «совесть» не значилось совсем. А потому как «выгода» рушилась при Советской власти, а утверждение справедливости не входило в плаиы буржуазии, то вся иадежда была иа мятежи — Красиова, Дутова, Каледииа — и иа восстаиовлеиие с их помощью прежиих порядков. Само поиятие человечиости капиталисту казалось оскорбительным, когда у него, скажем, отбирали завод. Он ревел, как буйвол от красиого цвета, к тому же и символ свободы, символ великой борьбы за права угнетеииых имел тоже красиый цвет.

В город приходили разиые слухи. Уже известио было, что Дутов арестовал членов Оренбургского Совета и объявил мобилизацию казачества. В Оренбурге в то время работал Самуил Цвиллииг. Ои был председателем ревкома, создавал в городе красиогвардейский отряд для борьбы с дутовцами. После взятия Ореибурга белоказаками Цвиллинг был арестоваи, ио сумел бежать.

В войске Дутова иасчитывалось около семи тысяч человек. К январю мятежиики захватили также Челябииск, Троицк, Верхиеуральск, иарушили сообщеиие между Центром Республики, Южиой Сибирью и Средней Азией. Самое страшиое заключалось в том, что хлебиая Сибирь оказывалась отрезанной от Урала, Центра и Западиого фроита.

По призыву большевиков уральские рабочие подиялись иа борьбу с дутовщиной. Шла помощь и из других районов страны. Ожидалось прибытие иа Южиый Урал отряда революциоииых солдат 17-го Сибирского полка и балтийских моряков; из Самары — красиогвардейских отрядов Блюхера, из Перми — отряда Борчаиииова; в Екатеринбурге готовился отряд Ермакова. Руководство ликвидацией мятежа Дутова было поручеио чрезвычайному комиссару ВЦИК и СНК РСФСР по Средией Азии и Западиой Сибири Петру Алексеевичу Кобозеву.

В середиие декабря ЦК направил иа Урал Аидрея Аидреевича Аидреева, испытаиного большевика, для помощи партийиым оргаиизациям на местах. Не везде еще крепка была Советская власть. Работа в промышлеииости захлестиула некоторые партийиые и советские органы. Сосредоточив главиое внимание на работе среди заводско-

го пролетариата, они упустили руководство селом, где шла острейшая классовая борьба за хлеб и упрочение Советов, за изгнание из Советов кулаков. Большую роль в этой борьбе сыграли продовольственные отряды, посылаемые из городов. Обстановка была крайне тяжелой. Продотрядовцы нередко гибли от рук кулаков.

Эти трудности и беды тяжелой ношей легли и на плечи Войкова. Работа в заводском совещании, в Думе отнимала все его время и силы, но он хорошо понимал, что без хлеба будет парализована промышленность Урала. Обстановка требовала браться за новую работу — сложную и опасную.

К январю 1918 года в Екатеринбурге снегу выпало не так уж много. В Москве и Питере метелило, а здесь, за Уралом, ни хлесткого ветра, ни крепких морозов еще не ведали.

Предновогодний разгул захлестнул Екатеринбург. Бывшие купцы и владельцы рудников, промышленники и торговцы, проклиная революцию и «большевистский грабеж», недавно спесивые и самовластные, теперь потерялись, погрязли во хмелю. Одни нанимали лихачей и, сшибая санями фонарные столбы, катались по вечерам с девицами; другие, напившись, мрачно и отупело прочили, что Керенский вместе с генералом Красновым возвратят Россию в европейское демократическое русло...

Майкл Митчел, хитрый американец, встретил Войкова неподалеку от особняка Расторгуева-Харитонова. Приветствовал Петра восторженно и шумно.

Морозный и ясный денек позволял передохнуть от непрерывно чередующихся дел и заседаний, и Петр думал, что помимо стычек с эсерами и меньшевиками, помимо борьбы с голодом и белоказачьим мятежом на юге Урала, нужна каждодневная охрана жизни трудящихся, охрана их здоровья, что в этом нагромождении забот отстраняется куда-то совсем, стирается и забывается личная жизнь. Адель теперь работала во врачебно-санитарном совете, сам он занят круглые сутки, а маленький сынишка оставлен на попечение няньки, слава богу, доброй и непривередливой.

Далекий от таких дум Майкл Митчел как бы между прочим задал вопрос, которому придавал главное значение:

— Господин Войков, мне бы не хотелось ставить под сомнение нашу договоренность, но с приходом казачьей

власти в Екатеринбург нам ведь придется искать другие деловые связи... Но! — Майкл особенно выделил голосом это «но».— Это никак не помешает нашей с вами старой дружбе!

— Благодарю, господин Митчел,— сдержанно ответил Петр.

— Отлично! — Майкл хлопнул его по плечу.— Мы будем делать бизнес с большевиками! Придет Дутов — будем делать бизнес с Дутовым!

— Вы, я вижу, настоящий капиталист! Но я бы рекомендовал вам побольше уважать Советскую власть.

Войков поспешил отвязаться от назойливой вежливости, запасы которой на все случаи жизни имелись у Митчела.

Глава VI

Вогул Байбакал Арамаанов, охотник, таежный человек, потерял семью — жену и дочь,— когда злой дух Ярамыын принес в тайгу болезнь, по всем приметам, черную оспу. Сам Байбакал отлежался и выжил, но лицо его стало рябым. Истощенный, еле живой, он добрался до железной дороги. На платформе, груженной бурым углем, Байбакал доехал до Екатеринбурга, но, испугавшись большого города, отправился дальше, пока в предгорьях Южного Урала не попал к богатому башкиру Бурунбаю и вместе с другими батраками стал пасти его скот.

В то время казачьи отряды Дутова ходко продвигались на север. Бурунбай встретил конный разъезд улыбками, кумысом и вареным мясом. Казаки приказали Байбакалу стеречь и пасти своих коней.

— Плохой люди,— сказал вогул.— Злой. Пускай сама пасет...

И пошел Байбакал снова на север. По чугунке возвратился в Екатеринбург. К людям он уже попривык, и большой город теперь не очень-то пугал его. Стал вогул поклажу разную, дрова, а иногда и людей на старых розвальнях возить.

К тому времени из Петрограда на Южный Урал был переброшен отряд революционных солдат Сибирского полка и балтийских моряков, красногвардейские отряды из Самары, Екатеринбурга, Перми, Уфы, Бузулука, Москвы. 16 января дутовцы потерпели серьезное поражение под Каргалой, а 18 января с помощью восставших рабочих и казачьей бедноты революционные отряды освободили Оренбург. Мятежники бежали в Верхнеуральск, где Дутов начал формировать новое войско.

В городе быстро исчезли и дрова, и хлеб. В пекарнях — в мукомольне и в лавках — засуетились голодные мыши,

они скреблись и грызли что-то в каждой щели. Хозяева попрятали зерно и божились, что ие ведают даже крох хлеба иасущного.

С вогулом Петр встретился на базаре. Ои купил у иего еловое бревио и, пока шел рядом с саиями, слушал старика. Струиа одиночества грустио звеиела в душе старого Байбакала, и ои говорил и говорил, когда выпадал случай.

— Худой год, Петра,— сказал ои, позиакомившись.— Зверь в тайга бежит. От стойбища бежит, от изба бежит — чует, какой люди. Кушай иет. Бежит зверь, голод чует. Беда, Петра, помирай будет...

Хозяин Американских иомеров бросил заведеиие, и теперь жильцы топились сами. Бревно свалили во дворе, и Петр повел вогула к себе, чтобы иапоить чаем.

Адель с утра ушла иа службу. Сыиа няиюшка уиесла вииз, где иаходилась кухия и было теплее.

Растопив чугуииую времяику, Петр поставил чайиик иа раскалениую коифорку — чайиик попискивал, шипел. Разомлевший Байбакал растягивал чаепитие. Ои клал по крошке овсяного хлеба в рот, чмокал губами, щурился и, пока иаливал чаю в блюдце, говорил:

— Шаман в бубеи — бам-ба, бам-ба, кричал: «Беда тайга идет! Большевика идет с волчьими зубами, с рогами, как Ярамыын!» Пахом шаману мука давал. Богатый человек Пахом. А ты, Петра, комиссар, а хорошо кушай тибе иет...

— Войиа иарод разорила, дорогой Байбакал. А твой Пахом — шкура, мироед. И шамаи твой врет. Где ты видел клыки да рога у большевиков?

— Сам думала, смотрела: иету у тебя рогов. Совсем худо говорил шамаи.

С первых минут встречи Байбакал проиикся к Войкову уважеиием. Человек таежный, он подчинялся больше чувству, чем логике и трезвому размышлению над обстоятельствами и фактами. Ои поиимал человека душой и безошибочио разделял людей иа хороших и плохих. И вместе с тем был доверчив, как малый ребеиок, верил словам.

Едва ли не каждый день разговаривая с Войковым, он, хотя и смутно пока, но разобрался и в течеиии событий, и во вражде людской. Большевиков выделил в особый ряд людей — из тех, что живут в ладах с добрыми духами, им по плечу борьба с самим Ярамыыиом, потому что главиый дух тайги — тоже добрый дух.

Жил вогул в старом заброшеииом зимиике иа пустыре за городом. Зимник сложили из иетесаных смолистых бре-

вен лет пятьдесят тому назад. Присыпанный землей и обложенный дерном, он зарос бурьяном. Сверху на зимнике пристроились две елочки, согретые куриным дымком из небольшого оконца в земляной крыше. У Байбакала завелось множество знакомых. К нему заезжали охотники, заходили рудознатцы и старатели. Отогретые, оттаявшие, они пили со стариком прессованный китайский чай.

...Осеннее заграничное пальто или темная шинелька заводского служащего почти не грели Петра. Холод пробирался к телу хватко и быстро, чуть не до самого сердца. От такого холода у человека можжат кости и не шевелятся губы. От Байбакала Петр узнал, что на базаре есть лавчонка скупщика, в которой можно за наличные или в обмен приобрести все, что спасает в такую вот стынь. Тогда-то он и решил обменять серебряные часы «Павел Буре» с цепочкой на полушубок.

Но, как человеку в городе известному, ему неловко было заниматься этим самому, и за дело взялись Иван Анисимович и Байбакал.

Лавчонка купца Каликина примостилась в самом дальнем базарном углу. Меж бочек с солеными лещами и мешков с кедровыми орехами Данилин и Байбакал прошли в лавку. Ладный, дубленый полушубок с оторочкой из волчьего меха приглянулся им сразу.

Купец поколупал ногтем серебряную крышку часов, послушал их тиканье волосатым ухом и подумал, что такая вещь непременно где-либо награблена. Но часы ему так понравились, что он насторожился, выжидая, чего же запросят за них посетители. Однако, прежде чем Иван Анисимович вымолвил первое слово, Байбакал уже понял купца:

— Полушубка давай,— указал он пальцем,— шапка давай, пимы.

Данилин обстоятельно осмотрел полушубок и шапку. Вместо пим потребовал сапоги на оленьем меху.

В полушубке, шапке и сапогах Петр сразу же утратил мирное обличье служащего. В нем нагляднее всего обозначился ревкомовец, ярый, худой, почерневший от недосыпания и огромных, на пределе человеческих возможностей забот и дел.

В январе 1918 года по предложению председателя Уралсовета Белобородова, заместителя Андроникова и других товарищей Войков вошел в состав Уральского облисполкома, а несколько позднее его назначили комис-

П. Л. Войков — комиссар снабжения Уралсовета. 1918 год.

саром снабжения Уралсовета. Комиссариат снабжения занимался многочисленными, сложными и важными делами: он ведал снабжением промышленности сырьем, топливом, продовольствием, перевозками грузов по железным дорогам и рекам. Петр удивлялся себе и своим товарищам: откуда брались силы, чтобы справляться с этой работой, не согнуться и не пасть под ее тяжестью?..

Бесхлебье наступало, двигалось, ползло. На собраниях читали Некрасова: «В мире есть царь, этот царь беспощаден — голод названье ему».

— Теперь мы без хлеба,— сказал Петру Белобородов,— это хуже, чем без воздуха: без воздуха хоть враз задохнешься, а без хлеба еще и помаешься на радость врагам.

В январе 1918 года, когда Думу, по словам Епиши Разгуляева, «прихлопнули», а Войков стал комиссаром снабжения Уральской области, Епиша предрекал: «Хороших граждан, значит, будут вытрясать». «Хорошие граждане» — спекулянты и разные хозяева — вот уже почти два месяца старались не попадаться Войкову на глаза. Эти граждане хорошо помнили, что еще в ноябре 1917 года из Петербурга и Москвы были посланы продотряды, знали, что такие отряды готовит и комиссар снабжения, и уже наслышались о матросе Павле Хохрякове, начальнике отдела Екатеринбургского Совета по борьбе с контрреволюцией, командовавшем красногвардейским отрядом в боях с дутовцами.

Новый год промелькнул незаметно — сначала в клубе,

потом дома, с иебольшой елочкой, с теплыми мииутами семейиой радости и тишииы.

В феврале белоказаки виовь создали угрозу Ореибургу. Через Екатериибург прошли воиисқие эшелоиы. Для иих собрали хлеб — частью из местиых запасов, частью в ближиих деревиях.

П. Д. Хохряков, начальннк отдела Екатерннбургского Совета по борьбе с контрреволюцней, командир красногвардейского отряда в боях с дутовцамн.

В заботах о хлебе для армии, для Питера, для Екатериибурга Войков и его комиссариат по-всякому прикидывали, как быть. Миого разиой сволочи готовило для революции голодиую смерть. Хлеб, разумеется, больше родился южиее. В той стороие, ниже Челябииска, стояло село Пласт, а еще далее, за Троицком, раскииулось село Чесма. В тех обширных местах привольио рос хлебушек — кормил и жить давал и казаку уральскому, и мужику чесмеискому.

С иадеждой посматривал в ту стороиу комиссар Войков, мечтая пройти там с продотрядами, чтоб иакормить Урал с его заводами и послать эшелоиы с хлебом в голодающий Питер.

Но иа южиый рейд иадеяться пока ие приходилось: мешали дутовцы. Хлеб иадлежало искать в севериых волостях. Задача такая — все равио что по худому месту утюгом гладить. А хлеб безудержио дорожал: от двух рублей с полтииой за пуд цеиа подиялась до семидесяти, потом перевалила за сто рублей.

По решеиию ревкома и Совета в Екатериибурге открыли лавки для рабочих и горожаи с твердой цеиой иа хлеб. А как сиабжать те лавки — думай, комиссар! У тебя — чрезвычайиые полиомочия. У тебя в кармаие маидат, в котором иаписаио, что все Советы Урала обязаиы оказывать тебе иемедлеииое и эиергичиое содействие вплоть до предоставлеиия в твое распоряжеиие вооружеииой силы. А раз иет хлеба — где брать силу?

Обычио в «Уральском рабочем» давалось объявлеиие: «Выдача муки будет производиться из участковых лавок, согласно объявлеиию 32 (кроме участка № 7, для жителей которого мука будет выдаваться из вновь открытой лавки № 17, угол Обсерватской и Шарташской ул.); 35-му участку мука будет выдаваться из лавки № 19 по Уктусской ул. № 83».

За таким объявлеием житель следил пуще всех других иовостей. Подиимался чуть свет. Вставал в очередь. Бегом мчался от одиого участка к другому, если выходила какая перемеиа.

Мешочники забили стаиции и полустаики. Голодиый люд из Ярославля, Костромы, Вятки, Казаии, Ижевска хлыиул в Сибирь, где хлеба́, сказывают, валом прут иа вольготиых-то землях. Овес, мол, здесь по пояс, рожь выше роста, просо, как горох, и мужик здесь хозяйствует прочио — «с мякиию ие вздувается, а кажииный день хлебушко ест».

На полустаиках, стаициях, вокзалах выпытывали мешочиики «место хлебиое» одии у другого, спали вповалку иа полу, а меж иими смотрели запавшими глазами куда-то мимо всего света заросшие, отощавшие люди.

* * *

Куприян Кутяпов вот уже иесколько дией толкался по вокзалу и все выглядывал что-то раскосыми иахальными глазами, а мимоходом задевал сапогом чей-либо иабитый мешок. Зерио больше везли со стороиы Камышлова или с шадрииской стороиы. Присматриваясь к лицам, Кутяпа подмечал иа иих то беспросветиое отчаяиье, то хлипкую радость мешочиого добытчика.

Чериый полушубок плотно сидел иа Кутяпе. Пышиая ушаика из енота прибавляла ему роста, ио кривые ноги с толстыми икрами, обутые в меховые сапоги, были несоразмерно коротки. Ои был похож иа крепкого, злого до копейки мужика — только глаза смотрели очень уж иехорошо.

В одии из таких дией Кутяпа и встретил Епишу Разгуляева у привокзального трактира. Отец Епиши, владелец доходиых домов, сбежал в Париж, оставив сыиа в Екатериибурге «для присмотра». Велел Епише записывать, из какого дома и куда «гольтепа совдеповская» стаиет тащить разное добро, чтобы потом, «когда иехристей беспартошиых расейское воиинство перевешает иа фоиарях», сиова быть в Екатериибурге, да уж «возвериуть свое кровиое,

да уж затянуть петлю без мыла на комиссарских глотках».

В одном из домов местный Совет выделил Епише нижнюю комнату, в которой когда-то жил швейцар. Работать Разгуляев совсем не умел. Он обрюзг и опустился. Кто-то содрал с него соболью шапку, взамен бросил овчинный треух, енотовая шуба изорвалась и пооблезла на нем. В валяных калошах на босу ногу Епиша ходил пыть в кабаки, в трактиры. Увидев Кутяпу, он вцепился в него толстыми пальцами:

— Брательник! Обида моя кровная на большевиков горит! Я ж тебя всю жисть искал!

Куприян оглядел Епишу внимательно и зло, крикнул извозчика и увез Разгуляева с собой. А спустя недели две стали находить вдруг мертвых — все ближе к станциям, то под забором, то на путях, а то в каком-нибудь углу.

Ревком пытался установить причину. Первую весть принесла Петру Адель. Она взяла копию медицинского заключения, в котором говорилось, что доставленные красногвардейской охраной на освидетельствование трупы из привокзальных мест в четырех случаях из десяти имеют все признаки ручного удушения. Двое умерли от истощения, один — от воспаления брюшины, трое — от сыпного тифа.

Усиленный наряд дружинников ничего не обнаружил, да и убитые вскоре почти перестали попадаться. Теперь кто-то просто грабил мешочников: даст по затылку, срежет мешок — и был таков.

Хлопот хватало без того. Хлеб был нужен и городу, и заводам. Доставать его надо было каждый день, и доставать срочно.

Как заместителю председателя заводского совещания и комиссару снабжения Войкову был выделен специальный кабинет в доме бывшего горного начальника. Но Петр разместился в одной комнате с членами бюро заводского совещания Кузьминым и Быковым.

Заместитель Войкова Быков вспоминал об этом времени: «Вся разруха, принятая нами в наследство от керенщины: транспортная, производственная, организационная,— вся она находила здесь свое выражение. В дом главного горного начальника, до того тихий и чопорный, непрестанно вливался поток народа с всевозможными делами, требовавшими немедленного решения. Целыми днями, не вылезая из-за стола, приходилось выслушивать одного за другим вереницу людей, разъяснять, делать распоряжения...»

По утрам на востоке низкой полосой загорались кроваво-красные зори. К поселкам н деревням подходили волки, и путник на знмней дороге торопнлся засветло добраться до жнлья.

В ясный погожий день на улицах воскресного Екатеринбурга было особенно шумно. Жизнь вдруг зашевелилась, встрепенулась — в городе открылась трехдневная ярмарка.

Еще 20 января Совет Народных Комиссаров принял декрет об отделении церквн от государства и школы от церкви, и освобожденная от закона божьего детвора высыпала на улицы.

Народишко набежал со всех концов. В Екатеринбурге за рабочими слободками каждый старался иметь огород, а еще дальше — за огородамн — лепнлись домишки и полуземляные юрты всякого пришлого люда. Пришлый, обычно крестьяннн, избу ставил наскоро, чтобы управиться до холодов. Кое-как подрубал стены, присыпал их снаружи землей, пропиливал два-три подслеповатых оконца, по коньку избы укладывал колотые плахи, покрывал сверху дерном — и получалась изба не изба, а все же жилье, где главное место занимала большая печка, сложенная наполовину из камня-дичка. Крестьяннн думал перебыть только зиму, но приходнла весна, мелькало быстротечное лето, мужик отправлялся на заработки, надвнгалась осень, а там и снова зима. Так из года в год, как барсучьи норы, вспухали на земле за рабочими слободками поселки отчаявшихся пришлых людей, которым и сам черт не брат, и всевышний не указ. Приноровившись кто к торговле по мелочам, кто к поделке пуговиц и блях, а кто и к камнерезному мастерству, жили здесь люди одним днем.

К вечеру Войков зашел на ярмарочную площадь, где по всяким престольным и непрестольным дням сходились екатеринбуржцы. На площади еще стояла карусель с резными санками, еще не убрали рогожный балаган приезжих «лаццарони», которые окали по-волжски и красили синей краской бороды и усы.

Шесть цыганских шатров сгрудились на выезде в круг, а в середине круга горел большой общий костер. Шорники с хомутами, галантерейщики и мануфактурщики уже сорвали глотки и не зазывали покупателей всяк на свой лад. Честной люд толпился тут без толку, без дела.

У крайнего ларька стоял мальчишка лет одиннадцатн, в промерзлых драных пнмах, в клочковатом, не по росту

зипуне, в серой шапке, сшитой из старого шинельного рукава.

— А вот чертиков кому? А вот чертиков кому? По пятаку за штуку! — надтреснуто кричал он.

На ниточках в связке мальчишка держал штук двадцать поделок из еловых шишек. Лупоглазые чертики — синие, зеленые, черные — тряслись и дергались, потому что мальчишка мерз.

— Эка, брат, да ты мастер! — Петр подошел к нему.— Сам делаешь?

— Сам... И дедушь помогает.

— А как тебя звать?

— Роськой кличут.

— Ростислав, значит. Ишь ты, какое у тебя богатое имя!

— А тебя как звать? — спросил мальчишка.

— А меня Петром.

— Ты комиссар?

— Обязательно.

— А почему у тебя маузера нету?

— Погоди, брат, еще нацеплю... А ты что же — только с дедом живешь?

— А с кем же еще...— тоскливо ответил мальчишка.

— Понятно. Отца с матерью давно нет?

— Второй год минул. Батька золотишком думал выбиться. Хозяйство-то рухнуло. Рисковый был — в осыпной шурф пошел. А как его привалило, мать-то и кинулась впопыхах к нему — и ее тоже...

— А дом твой где?

— Там,— мальчишка махнул тощенькой рукой,— в Скулино, за слободой заводскою.

Место это было за Уктусским заводом. Мучительно тащилась там жизнь. Завод на виду — там и Совет, и дружина. А как живут в поселках пришлые — никто не знал. И люди и дела пропадали там, точно в омуте. Вот пришел человек — и не поймешь, куда он канул. Поселился в норе, а чем занят — бог весть! Только вдруг кто-то лавку вскроет, с кого-то шубу стащат вечером, иной сам пропадет без следа, а вот ведь никто не спросит, почему он пропал: все тут было неустойчиво и хило...

Повидать житье-бытье пришлых представился, кажется, случай.

— А ты как скоро домой-то пойдешь? — спросил Роську Петр.

— Да я и враз бы — да никто товар не берет,— он тряхнул связкой чертиков.

— А у тебя их сколько?

— Двадцать штук.

— Ну вот и славно! Давай я все куплю, а ты меня за это до своего поселка проводишь.

— Ну и чудной ты, комиссар! — мальчишка засмеялся.— И куда ты их всех денешь-то?

— А ты не спрашивай. Найду куда деть...

С десяток чертиков Войков роздал мальчишкам, часть повесил на карусель, остальных отдал цыганятам. На последнего чертика, бесхвостого, никто не позарился. На выходе с площади Петр вспомнил, что в особняке на углу разместился коалиционный эсеровско-меньшевистский штаб, и последнего чертика посадил там на дверную ручку.

Втянув руки в рукава, Роська семенил рядом, шмыгал посиневшим носом.

— А давай-ка, брат, зайдем в ревком,— предложил ему Петр.— Все-таки мороз, а путь не близкий.

В ревкоме в своей каморке на нижнем этаже Иван Анисимович постоянно держал на чугунной буржуйке полуведерный чайник. Кипятку хватало вволю. В ревкомовской ведомости Данилин обозначен был как хозяйч. В его хозяйстве числились две лошади с упряжью, медный чайник, висячая лампа и четвертная бутыль с керосином. На серой кобыле Иван Анисимович привозил ревкомовский паек, а каурого мерина выдавал ревкомовцам для разъездов. В свободное время Данилин у небольшого верстачка вытачивал спусковую собачку для пулемета «гочкис», к которому нашлось четыре коробки патронов.

Получив свой паек — фунт хлеба, Петр половину отрезал, чтобы накормить Роську. Сегодня в ревкоме имелся и приварок — щи с говяжьим сбоем, то есть с костями, которые Анисимыч умел где-то добыть. Роська аккуратно разломил кусок хлеба пополам, завернул половинку в тряпицу, сунул за пазуху, сказал: «Деду». Потом долго и чинно хлебал щи, не роняя ни капли, ни крошки, а уж был куда как голодный. Потом пил чай, заваренный на смородинном листе, утирался и снова пил.

Каурый стоял в конюшне, и Петр попросил запрячь его. В санки положили сена, укрыли Роську шинелью, Войков взял вожжи, полозья скрипнули и заскользили по снежку.

Миновав заводскую слободку, они проехали прямиком через пустырь еще с полверсты, пересекли ложок, от которого Роська указал на взгорье:

— А вон там дед меня дожидается!

Старая избенка с одним оконцем, с крышей из дерна пряталась за избами посправнее и не сразу угадывалась издали. Только дымок из низенькой трубы доказывал, что там тоже ютится живая душа. К двери сбоку в земляной насыпи прорыт был ход, по которому, как по шурфу, спускались вглубь ступеньки.

— Смотри, дедунь,— во! — и Роська положил на стол четвертушку хлеба.

— Ишь ты, ишь ты! — удивился старик.— Ну шустер!

— А то, дедунь, комиссар мне знакомый дал. Вон-ка, в окошко глянь! На пролетке сам меня примчал!

Дед сунулся бородой к мутному окошку и, ничего там не разглядев, укорил внука:

— Так ты чего ж? На морозе человека оставил?

— А я мигом!

Роська провел гостя в избу через узкие, совершенно темные сенцы. Петр увидел старика настолько худого и слабого, что даже голос его, сбивчивый и дробный, слышался будто бы из погреба.

— А ты, дедунь, ешь! — громче, чем обычно, сказал Роська, пододвигая хлеб.

— Да ты что? Ты что? — неловко замахал тот руками.— Я ж вот как сыт. Вот как сыт...

Старик взял хлеб в обе ладони, пронес высоко приподнявши и положил в резную горушку, прибитую к стене.

К утру дед с голодухи помер, а Роська прибежал в ревком.

— А дедунь-то не поднялся...— тихо вымолвил он.

Старика нашли уже холодным. На горушке лежал вчерашний кусок хлеба. Роська глянул на него и больше не держал глубоко запрятанных слез.

Для него поставили койку в каморке Ивана Анисимовича. Парнишка обжился и вскоре повеселел.

В будний день, в среду, к вечеру, Даннлин послал Роську купить осьмушку табаку. Дал он пареньку три рубля николаевских и леща вяленого — на тот случай, если торговка заартачится и денег брать не захочет. Однако Иван Анисимович все же надеялся, что Роська принесет леща назад и они вечером сварят с ним щи.

С тремя рублями и с рыбиной за пазухой Роська пошел прямиком через замерзший пруд к станции. Вечерело. Базар в такую пору пустовал, а у вокзала всегда суета: торгуются, меняются, воруют. В углу возле ступеней, веду-

щих на перроне, зябко ютилась небольшая толпа со всякой всячиной. В той толкотне можно было купить и старый зипун, и картуз, и рукавицы, и опорки, а в самом затишке, впритык к каменной лестнице, торговали табаком. Там и стояли табашники с мешками: в одном мешке табак и чарки, чтобы в кисеты махорку отмеривать, второй мешок — чтобы меновой товар складывать: портянки, рукавицы, шапки, подметки, голенища отрезанные. Бывает, набегут из вагонов солдаты — за свежие портянки им много табаку дают. А третий мешок у табашника — котомка, она всегда за спиной присупонена, в ней харчи, что за табак выручить удалось, и зерно, конечно. Эту котомку табашник пуще глаза берег.

Мутные морозные сумерки наползли на город, когда Роська пробрался сквозь толкотню в табачный угол. Опытным взглядом окинул негустой рядок табашников и выбрал тетку в старой суконной шали, которой она была укрыта с головы почти до пят.

— Ты что — ай курить? — спросила она жалостливо и по-матерински печально глянула на щуплого Роську в огромном треухе, в ушитых валенках и грубом зипунишке, из которого торчала тощая шея.

— Не... Мне пошто,— важно ответил тот.— Мне вот дядьке,— он взял щепотку табаку, понюхал и деловито спросил:— Нонешний табак-то? Не лежалый?

— А как же, голубь, не нонешний... Сама намолола и протерла. В самый раз дядьке угодишь. Как его там кличут-то?

— Дядькой Иваном.

— А он что ж, твой дядька Иван, сам-то не пришел? — поежившись от холода, спросила женщина.

— А ему ногу германец напрочь отшиб.

— Ишь ты...— пожалела тетка.— Так ты с ним и живешь?

— С ним...

— А матка с батькой где?

Мальчик помолчал.

— Нету.— ответил он сумрачно.— И дед намеднись помер...

Табаку тетка отмерила чарку полную с верхом и трех рублей не взяла. Утянув шнурком кисет, Роська сунул его за пазуху и тут увидел в толпе Разгуляева. Здоровенный и рыхлый, сутулясь и покашливая, Епиша выглядел необычно: смурной, насупленный, будто даже совсем трезвый, чего с ним, кажется, ни разу не случалось. Он смот-

рел по сторонам на всякую торговую поклажу, на мешки за спиной и еще больше гнулся и сутулился.

На вокзале зажгли свет. Поглазев на большие освещенные окна, Роська собрался было идти назад, как услышал голосистый свисток паровоза и тупое клацанье колес. Пареньку страсть как захотелось глянуть на паровую машину, и он опрометью кинулся по ступеням на перрон.

— Стоп! Куда, малец?

Рослый усмешливый красногвардеец загородил ему дорогу.

— Да мне, дяденька, машину чуточку глянуть!

— А, Роська! — послышался голос, и мальчик увидел Войкова, стоявшего неподалеку.

— Знакомый ваш? — спросил боец, убирая винтовку.

— А как же! — весело воскликнул Петр.— Ты чего тут?

— Так я дядьке Ивану табак покупал.

— Паровозами интересуется,— сказал боец.

— Ну-ну, смотри,— добродушно согласился Петр.— Машина стоящая. Вон видишь: целых тридцать вагонов с хлебом в один мах везет.

— А куда везет-то? — спросил Роська завистливо.

— В Питер, брат, в Питер — голодающим рабочим. Ты только на рельсы не суйся! Паровоз вон там остановится. Будет воду набирать. А ты сторонкой иди, вдоль насыпи. Понял?

Эшелон с хлебом запаздывал. Петр прождал его весь день до позднего вечера и был рад, что состав не задержали в Шадринске, где постоянно тормозилось дело с отправкой хлеба.

К водонапорной башне Роська примчался мигом. Стоял, глазел, как из толстого хобота в тендер течет вода, как пыхтит паровоз после шального дальнего пробега.

Когда паровоз остановился, Петр пошел к теплушке в головной вагон. Там во время рейса жила охрана — двенадцать бойцов с командиром отряда Леонтием Пахомовым.

Часть вагонов с хлебом предполагалось оставить в Екатеринбурге. Петру надлежало проверить документы, подписать сопроводительный лист и указать, что пять вагонов из тридцати предназначены для местных заводов. Он уже прошел большую половину пути вдоль насыпи, когда Роська, насмерть перепуганный, выскочил к нему.

— Дяденька Петр! Дяденька Петр! — бормотал он дрожащими губами.— Там...

Вцепившись в рукав комиссара, ои был ие в силах что-либо еще вымолвить.

— Роська! Роська! — Петр встряхиул мальчишку за плечи.— Где? Что? Скажи толком!

— Там во...— Роська ткиул ладонью по горлу.

Впереди послышался чей-то истошный крик.

Петр рииулся вперед и в широком проломе пристаиционииого забора заметил верзилу, который что-то дергал из-под иог. Длиииополая шуба верзилы полоскалась, а в ногах у него бессильио, как плети, мотались чьи-то руки.

— Стой!

Верзила дрогиул, присел, суиул руку за голенище. Тупо, будто молотком о камень, в морозиом воздухе ударил выстрел. Схватившись за живот, верзила съежился, согиулся и ткиулся головой вперед.

Убивать людей Епишу иаучил Кутяпов.

— Ты им, Епифаиий, пролетариям-то, глотки рви! Господь тебя благословит. Мие вои батюшка все грехи за кажиый раз отпускает. И с тебя сымет грех, потому как грех тот праведиый...

Первым, кого задушил Епиша, был иемощный мужик. Смореииый, обессилевший, он спал в тамбуре пристаиционииого иужника. Было часа три иочи, тускло светила оправлеииая в решетку лампочка. Мешок подпирал мужика со спины, и его тощая жилистая шея с острым кадыком то вздувалась, то опадала под мериый храп.

Епиша оиемел, чувствуя слабость во всем теле, ио Кутяпа треснул его по затылку, суиул за ухо дуло холодного нагаиа. И Разгуляева прорвало. Остервеиеиие иашло вдруг сразу. В коице концов такие вот загиали Епишу в каморку, отияли его добро, раздели и разули...

В мешке у мужика иашлось два пуда ржи. Награблеииую рожь или пшеницу Епиша уносил к Маргаритке Сивлухииой, приятельиице Кутяпы. Та продавала зерио по пять рублей за фуит; получалось по двести рублей за пуд. Сто рублей Маргаритка брала себе, семьдесят пять — Кутяпа, двадцать пять давали Епише.

Он пробовал обидеться. Да куда уж там! Маргаритка такой визг подияла. В тот день Епишу чуть совсем ие выгиали. «Жрать только горазд! И спать сюда ие приходи! Вали вои, работай!» И пошел Епиша «иа работу»..Деиь потолкался иа базаре, а к вечеру подался на вокзал. Ведь остерегал его Кутяпа: «Ты поглядывай: там комиссар одии

ходит. Маузер у него сбоку не мотается, зато кольт под полушубком есть. Этого смотри. С этим не связывайся. Он за границей жил, а здесь заправлял Думой. А за границей у них там так: пальнут в тебя сначала, а потом кричат: «Гуд бай!» — будь здоров значит».

Думалось Епише: «Темень навалилась — ушел теперь комиссар». Тетку с мешком он даже сначала и не приметил. А вот кто ей велел тащиться вечером вдоль линии одной? Епиша понял, что в заплечном мешке у нее и мука, и табак. Ну вот и позарился...

Помирал Епиша по-собачьи: завывая и скуля. Доктор Лепешинский осмотрел сквозную рану в живот. Дал заключение: безнадежен. В предсмертном страхе Епиша проклял и Кутяпу, и Маргаритку, и весь тамошний притон, и жизнь свою никчемную...

Поймать бандита вызвался Евдоким Емельянов с отрядом, но, зачуяв беду, Кутяпов из города скрылся.

Убитой оказалась Капитолина Федосьева из Батурина, что под Шадринском. И осталось у нее пятеро детей да с ними еще бабка Соломея восьмидесяти лет...

Глава VII

В архивах заводского управления Петр отыскал подушную ведомость жителей Урала, из которой следовало, что люди там селятся все больше по деревням и только 16 процентов жителей приходится на города и заводские поселки. В иных местах — в Нижнем Тагиле, Ижевске — проживало по нескольку десятков тысяч человек, но правами городов такие поселки не пользовались. Обычно они строились возле железноделательных и медеплавильных заводов. В 1913 году на Урале значилось 32 города и около 60 заводских селений. А сколько было деревень, в подушной ведомости не указывалось. Как и чем там держался крестьянин — тоже никто не знал, однако ведомость помогла понять, в какую сторону вернее направить продотряды.

По Уралу селились люди многих национальностей: башкиры, удмурты, коми-пермяки, манси (вогулы), ханты (остяки), татары... И все-таки четыре пятых населения были выходцами из новгородской вольницы, из поморов европейского Севера, из землепашцев Украины, из мастеровых тульских и олонецких заводов. И распахал российский крестьянин землю Зауралья, наставил рубленых изб. Осел навечно, прикипел к обширному краю добрым отзывчивым сердцем, а там и потянул ярмо повинностей, податей, оброков и заводского произвола.

Прикинув, где пашут, а где только пасут скот или перебиваются лесным промыслом, можно было каждому продотряду наметить маршрут и участок рейда по губернии. От Екатеринбурга к Восточному Уралу пути лежали через юг и через север, но на севере едва ли что наскребешь — там бесхлебье, на юге — мятежники. Западный Урал со станцией Кунгур, где издавна велась хлебная торговля, легче было пройти продотрядам из Перми. Петр Войков решил отправиться с одним из отрядов сам.

Ему не давало покоя Батурино — село за Шадринском. Шадринск — на востоке, а Верхнеуральск, где засел Дутов,— на юге, за Челябинском, но именно в Шадринске офицеры, юнкера, эсеро-меньшевистские штабы уцелели гуще, чем в иных местах, и давили на ход событий исподволь, расчетливо, жестко. В Шадринске не впервые застревали эшелоны с хлебом. И хотя Восточная Сибирь не голодала, брать оттуда зерно становилось все труднее. По фунту собирался хлеб по деревням, и вот настал срок, когда эшелоны с востока почти перестали идти.

...Кто-то досмотрел, а может быть, и догадался, откуда появился куцый чертик на двери главного штаба эсеров и меньшевиков в Екатеринбурге. За день до отъезда продотряда господин Кощеев мыкался с этой штуковиной по городу и произносил крутые, обличительные речи.

— Если большевики,— кричал он,— хотят приписать нам какую-то глупость в исполнении священного долга во имя спасения России, то они, эти стяжатели сермяжной славы,— узурпаторы, господа! Да и справятся ли большевики с голодом? — и сквозило что-то зловещее в этих последних кощеевских словах.

Петру все виделись убитая Капитолина Федосьева из Батурина и пятеро ее сирот, которых он не знал и которые наверняка были похожи на его собственного сына, маленького, беззащитного, доброго. Что такому вот ясноглазому беды и лишения? Он пришел в мир для радости. Он возится, улыбается — он живет и совсем не понимает, почему нет хлеба, отчего душегубы не щадят и детей. Он понимает только хорошее, он с тем родился, его душу не смяла еще злоба людская, но где-то уже есть в колыбелях старчески осунувшиеся детские лица, есть голод и смерть, потому что битва идет жестокая — за жизнь.

От Екатеринбурга до Шадринска — железнодорожный прогон в двести верст. Отряду на двадцати санных подводах, наверно, было бы проще, не доезжая до Шадринска, сгрузиться на станции Долматово, проехать на село Шутихинское, далее на Уксянское, потом — на Батурино и, завершив круг в сто с лишком верст, вернуться в Шадринск и ссыпать добытый хлеб в вагоны.

Шадринск — станция не узловая, но крупная. Вагоны здесь найти легче, но в Батурино, думал Петр, осталась семья убитой, и там через неделю, а то и через два-три дня смерть начнет перебирать ничейных теперь ребятишек.

На екатеринбургском базаре и в окрестиых деревнях купили пятиадцать лошадей. Еще пять предполагалось выменять или купить во время рейда. Лишние саии можио иабить фуражом и прицепить, привязать за оглобли сзади упряжиых.

Накаиуие Войков заказал на заводе сто плужиых лемехов, двести кос, полтораста штыковых лопат, оковочиого железа для тележиых колес, полсотии топоров. Все это разместили по саиям. Саии взволокли иа платформы, в товариые вагоиы поставили коней, запаслись чурками и залезли в теплушку.

Вскоре попутиый поезд прихватил готовый сцеп из трех вагонов с двумя платформами и благополучио доставил в Шадрииск.

К обозу в двадцать подвод иужно было двадцать возниц. В отряд зачислили двадцать одиого бойца. На первых саиях ехали Войков с Даиилииым, за иими Байбакал, а в самом конце, замыкающим — Евдоким Емельяиов. Каждому бойцу выдали виитовку и по четыре обоймы патронов.

Иван Аиисимович почииил иакоиец-то свой «гочкис» и прихватил его с собой. Пулемет, тяжелый, иа три пуда весом, крупиокалиберный, он приспособил в большие саии: поставил иа толстую поперечную доску, а рядом в уголке положил четыре коробки с лентами, двести пятьдесят патронов в каждой. С «гочкисом» Даиилии, кажется, чувствовал себя важиее всех, во всяком случае, первым после Петра. К тому же он был еще и казначеем отряда. Суидучок с деиьгами покоился на дне саней, под сеном, а сверху сидел сам Иваи Аиисимович в овчиииом тулупе, и вид у него был грозиый.

— Ну, Анисимыч,— посмеивался Войков,— перед тобой кулаки сами дорогу хлебом выстелят.

— А ты, Лазорич, иаперед-то не больио смейся: еще поглядеть надо, чего там к чему...

Петра Иван Аиисимович звал ие Лазаревич — от Лазаря, а Лазорич — по цвету лазоревому, что по сути своей куда как больше ему подходило.

А поглядеть, что там в деревие к чему, очеиь даже ие мешало. Среди люда разиого, в базарной толпе Петр иаслушался всякого. Одии разговор в очереди у ларька особеиио запомнился:

— Поиаедут комиссары,— тараторила какая-то баба,— скорей посылают делать реквизицию: коией и хлеб отбирать. А сами сидят, гусей жарят да пельмеии тре-

скают. Потом в другую деревню заезжают да продают то, что отобрали, а деньги делят — на гусей-то.

Петр узнал, что «гусоеды» объявились где-то за Шадринском — там, куда они ехали. Никаких полномочий как продотряд не имели. Кто-то гадил, а в ответе была Советская власть.

В Шадринске сгрузились на рассвете. Плотный морозец парил у конских ноздрей. Сани ходко заскользили по безлюдной улице. Кое-где закурились трубы настывших за ночь изб. Скрип полозьев в предрассветной тишине казался резким и громким.

Обоз остановился у дома местного Совета. Петр разбудил спящего на тулупе дежурного и напомнил еще раз, чтобы из Шадринска в Долматово к концу недели пригнали пять порожних вагонов. Подумав, оставил записку со своей обычной округлой ясной подписью: «Комиссар снабжения Уралсовета П. Войков».

На вокзале отряд никто не встретил, не ждали его и в Совете, так что сведения об эсеро-меньшевистском засилье в Шадринске подтверждались с первых шагов. Однако же цель отряда сосредоточилась в одном — добыть побольше хлеба, и тратить время на мелкие конфликты было неразумно.

Выехали из Шадринска в утренней полумгле. Еще не канула в небе луна, а заря, полыхая на востоке, сулила уже яркий, со свежим морозцем день. Но как только взошло солнце, с северо-востока потянуло ветерком, с припорошенных обочин завихрилась поземка, снег ударил в щеки колючей ледяной крупой. Ветер понемногу становился злее, он порывисто и тупо бил в спины сгорбившихся ездовых. В плотном стелющемся по земле снежном потоке конские хвосты плескались по ветру, и кони понуро шли шагом, перетаскивая сани через снежные наметы.

Двадцать верст до Батурина миновали не скоро — к крайнему дому подъехали во второй половине дня. Этот дом, невысокий, срубовый, был наглухо закрыт, и если бы не слабенький дымок из трубы, то обоз проследовал бы мимо него дальше, в глубь села.

Евдоким Емельянов потолкал запертую калитку, обошел палисадник, постучал кнутовищем в окно. Минуты через две в сенях что-то грохнуло, заскрипело, и раздраженный старческий голос спросил:

— Чего надо? Ну? — потом кто-то закашлялся застуженной глоткой:— Все взяли — ничего нет! Антихристы...

— Послушай, добрый человек! — весело покликал Евдоким.— А где здесь Капитолины Федосьевой двор?

— Кому добрый, кому нет! — отозвался голос.— Тебе чего до них? До сирот уж добрались?

— Не добрались, а приехали! Помощь им привезли!

— Помощь? Ишь ты! — удивились в сенях.

Стукнул деревянный засов, дверь приоткрылась, и всклокоченная бородатая голова просунулась наружу глянуть на такое диво.

— Помощь, значит, говоришь? — спросила голова.— А ты часом не того, не из брехунов ли здешних?

— А к чему мне врать? Пшена везем, муки сиротам.

— Так теперь их мало поди и осталось,— грустно заметил старик.— Двое на той неделе померли... Один в жару лежит, а старшая-то, Нюшка, бабку из сеней еле в дом заволокла: помереть решилась бабка, чтобы зря не есть. Так, значит, с помощью...— глядя недоверчиво, сказал старик.— Ну так вон ихний дом, с того угла деревни, с тесовой крышей, что берестовой дранью залатана.

— Да ты хоть бы в избу пустил,— толкнул калитку Евдоким.— Не видишь — люди застыли?

— Заходи, коль не грабитель,— отозвался старик и как был — в одной рубахе, штанах и валенках — спустился со ступеней, отпер калитку.

Распределив отряд по дворам, Петр снова зашел к старику.

— Послушай, дед, а ты что такой пугливый? — спросил он.— Мы же — Советская власть.

— Да я ничего...— тот как-то сразу сник.— Оно и Куприян Матвеич, когда изволют наезжать, так тоже нам так сказывают. А мы что ж... Мы ничего. Мы власть завсегда, значит, уважаем...

— А кто он такой, ваш Куприян Матвеич?

— А его еще Кутяпой кличут! — раздался с печки звонкий голосишко.

— Цыц ты! — всполошился дед, замахнувшись на внука.— Я вот те опояском уважу! При господах-то комиссарах такое несешь...

— Да...— Петр потер ладонью застывшие щеки.— Господа комиссары, говоришь? К вам наезжали? И как давно?

— Да вот три дни как нету,— отвечал старик испуганно.

— И по какой нужде? — допытывался Петр.

— Да все как власть велит — по реквизиции, понятно...

— И что реквизируют?

— Так все, говорят, для революции сгодится: и хлеб, и баранина, и сохатина. Особливо гусей уважают. Жареных. Вон у Федосьевых как раз пудовый гусак водился. Уж он так крылами махал да в морду клевался, что лоб одному зашиб, когда его реквизировали из-под крыльца. В гусака того из нагану три раза стреляли.

— А потом?

— Потом едут они к нашему Авдею Грушакину, и он им три четверти перваку на стол подает, чтоб все по закону, чтоб обиды на наше село Куприян Матвеич не имел... Ну а там — хозяйка Авдеева реквизию поджарит, а часть они с собой в санях увезут.

— И куда увезут?

— Да все, надо быть, в Галкино. Там они, оттуда. От нас верст шестьдесят.

— Ну спасибо, старик,— сказал Петр.— Обогрей, сколько можешь, наших бойцов. Паек у нас свой. На тебя с внуком тоже хватит. Мы у вас в селе заночуем, а завтра решим, как быть. А реквизиций у бедняков Советы не делают.

Поблагодарив еще раз старика, Войков с Данилиным отправились ко двору Федосьевых. На заметенной стежке, ведущей к дому, не было следов. На крылечке торчал из снега веник-голик, а над верхним краем двери не висело инея: видно, хозяева в эту неделю совсем не выходили наружу.

У крылечка сложили пуд пшена, два пуда муки, жбанчик с постным маслом, кусок баранины и два фунта сахару в узелке. Припас этот добыли по лавкам, а в воскресенье на базаре Иван Анисимович выменял у лотошника за две сапожные подметки коробку леденцов.

Заходить в сиротскую избу невесело. Небольшие стылые оконца еле пропускали свет. Постояв у порога, Петр пригляделся и увидел щуплую девчушку-подростка, которая сидела сгорбившись на лавке и грела ладони, зажав их меж колен. В избе клубом взлетал каждый вздох.

— Живы ли хозяева? — спросил Иван Анисимович, опередив Петра.

— Слава богу...— ответила девчушка, не двигаясь с места.

— А стыло, стыло у вас,— продолжал Данилин.— Этак и гостей поморозите.

— А у нас поленница кончилась,— вздохнула девчушка.— Вот соберуся с духом — пойду слегу в хлеву изрублю.

— Видали, пойдет она! — нарочито осерчал Иван Анисимович.— А мы что — не мужики, что ли? А ну покажь, где топор лежит?

— За топором к соседям надо. Мы свой топор за фунт ржи отдали...

— Да... дела,— Данилин погладил оттаявшие в избе усы.— Ну что, Петро Лазорич, надо нам с тобой тут похозяйствовать. Кстати, и топор новый оставим.

За разговором заметили, что с печи смотрят две пары серых детских глаз: девочка лет шести и ее братик поменьше, худой, бледный, лихорадочный.

Пока Данилин рубил дрова в хлеву, Петр внес в дом все, что привезли Федосьевым, развязал свою сумку с хлебом, соленой рыбой и пшеном.

Постукивая деревяшкой, Анисимыч притащил дров. Анюта — старшая девочка — достала из подпечья лучинок, и сиротская изба стала постепенно наполняться теплом. Сварили похлебку, кашу, вскипятили чай.

Младшие глазели с печки на приезжих: дивились, что к ним приехал комиссар, и где-то в самом темном углу вздыхала и молилась за спасителей богу чуть живая старушка.

— А те, кутяпские,— рассказывала Анюта,— на двух тройках разъезжают, и всего их девять человек. Все тащут. А Грушакин самый их друг. Всякий раз они у него гостюют.

Бабка Соломея слезать с печи никак не хотела. А когда слезла, закрестилась, всхлипнула, бухнулась в ноги: «Спаси вас господи!»

— Что ты, старуха! — остановил ее Анисимыч.

— Не надо, не надо, мать,— тихо вымолвил Петр.

— И то,— согласилась старуха.— Да сирот ить жалко, голубь. Помрут и эти. Хоть бы определение какое им дали...

— Будет, будет им определение,— успокоил Данилин.— Лучше садись-ка, старая, похлебкой разговеемся.

Пришел Емельянов.

— Товарищ комиссар,— сказал он, стрясая с шапки налипший снег,— не проспать бы нам хлеб завтрашний.

— А что так?

— Да старик тот, который нас не пускал, говорит: «Прошелся я по селу, скребусь обратно, а у Грушакина во дворе кони фыркают. А с чего сейчас коней держать на холоду? Готовит Грушакин коней на что-то. Ночью спровадит хлеб из села — и поминай как звали». Амбар у него опечатать надо.

— Теперь печатью хлеб не загородишь,— заметил Данилин.— Вечерком самим надо наведаться.

Так и решили.

Дневная сумятица стихла. Ночь выдалась спокойная, ясная. Кое-где светились желтоватым убогим светом подслеповатые окна сельских изб. Деревенский житель привозит кероснн со станции, а есть он там не всегда. Потому-то батуринцы день кончали в сумерки, начинали с рассветом — экономили керосин.

Звезды понемногу блекли, луна высветилась краем из-за леса, когда подошли ко двору Грушакина. Придавленный, осатанелый брех цепного кобеля раздался за воротами. Свет в окнах высокого грушакинского пятистенка не горел, и дом стоял, будто брошенный.

— Гляди-ко, Лазорич,— Данилин потыкал палкой в снег,— санный след-то куда ведет.

След повел за гумно и дальше за неглубокий ложок, где стоял большой амбар с широким навесом. Непонятная возня происходила там. Но вот глаза привыкли к темноте — и обозначились три подводы. Два работника и хозяин впопыхах таскали мешки. В просторные сани мешки с зерном ложились плотно. Сильные кони пофыркивали, сдувая оседавший на мордах иней.

Вдруг первые сани скрипнули. Кнутом ужаленный конь дернулся, рванул, и тяжело груженный воз помчался под уклон в ложок.

— Именем революции, стой! — срываясь наперерез, крикнул Войков, но Евдоким, молодой, ловкий, опередил его.

Грохнул выстрел: Данилин пальнул поверх. Возница кувырнулся с воза в снег и припустился во весь дух через гумно к селу. Евдокимов завернул застрявшего в ложке коня и подогнал сани к амбару.

Авдей Грушакин, приземистый, плечистый, с бородой, стоял в проеме распахнутой двери амбара — стоял прочно и, похоже, не намеревался ни двигаться, ни говорить. Угольками жег его взгляд из-под малахая, сидящего прямо на бровях.

— Вы куда, гражданин, хлеб упрятать собрались? — подступаясь к Грушакину в упор, спросил Войков.

Тот помолчал.

— А никуда. Мой хлеб, и мне ты тут не указчик.

— И Советская власть вам не указчик?

— А хоть бы и совецкая. Она мне хлеб не сеяла...

— А ну — сгружай мешки в амбар!

— Я вам не работник. А свой амбар я и запереть могу.

— Да что с ним тут сусло разводить, товарищ комиссар,— вмешался Данилин.— Ишь ты, огрыз собачий! Я те сейчас вот вправлю по скуле. А ты сам-то этот хлеб сеял? А? Сеял, спрашиваю? Вон они,— он показал на работников,— от борозды до борозды тебе, собаке, его пестали! Кровосос проклятый!

Иван Анисимович взошел под навес, отстранил Грушакина, да так, что тот едва не опрокинулся в дверной проем.

— Значит, вона как...— Авдей неторопливо выбрался наружу, сошел со ступенек.— Ладно, грабьтя. Пользуйтесь, пока ваша берет.

— Грабить не будем,— напомнил Петр.— За хлеб получишь по твердой цене.

— По твердой? — Грушакин усмехнулся, пощупал что-то в своей бороде, отыскал, кажется, зернышко, кинул в амбар.— Ну ладно, прощевайте...— надвинул крепче малахай и неспешно направился в свое подворье.

— Иди-иди! — не выдержал Анисимыч.— Один только в свое горло жрать решил. Да? А с остальных по сто рублей за пуд сдерешь?

Грушакин не ответил.

Три воза хлеба поместили обратно в амбар, чтобы поутру взять зерно.

Ночь сморила тихое село. Изредка тявкали голодные собаки, да где-то в дальней дали слышался одинокий волчий вой.

Почти на рассвете крик-шум промчался по дворам: «Амбар горит!» Наскоро одетые бойцы выскакивали из калиток, мужики и бабы галдели, кричали, бежали на гумно.

Амбар полыхал вовсю. Уже занялась крыша. Сквозь щели змеисто выползал огонь, слизывая темную мшелость досок.

— Багры! Багры давай! — вопил истошно Данилин.

Кто-то притащил два багра, и Евдоким Емельянов с местным дюжим мужиком принялись сдирать с крыши пылающие доски.

— Давай, ребята! — гаркнул мужик.— Дери его на части!

Мужики, похоже, поняли, что разобрать амбар как раз и надо: зерно обгорит только снаружи, а внутри, в мешках или в россыпи, уцелеет добрая часть. Кто чем — крючьями, баграми, вилами — бросились раздергивать амбар. Обру-

шенные черные бревна шипели в снегу, их оттаскивали подальше, а в угарную, дымную пелену пожарища прихлынул нежданный рассвет.

— Все, ребята! Шабаш! — сказал мужик, стоявший рядом с Евдокимом, отерся рукавом, размазав по лбу сажу.— Что было — как не было, назад не вернешь.

От амбара уцелели порог, пол да нижний венец сруба. Петр стоял около черной, исходящей паром кучи зерна. Поверх нее мужики накидали снега. Снег таял, а вокруг стелился едучий, жженый хлебный дух.

— Товарищи! — сказал Петр глухо и устало, оглядев хмурую толпу.— Надо ли говорить вам, чего кулаки хотят для народа. Богатые стремятся голодом снова сделать из вас рабов. Советская власть, революция к таким беспощадны! И пусть же у вас хватит смелости, духа раздавить контрреволюционную сволочь! Только капиталистам, буржуазии, кулакам нужна ваша голодная смерть, нужны вдовы и сироты. К борьбе призываю я вас, люди! Все на бой! На бой смертельный, опасный и праведный — за право человека свободно жить! Именем революции мы будем расстреливать на месте каждого, кто уничтожает хлеб! И Авдей Грушакин этой кары не избежит!

— Так ведь надо знать еще, кто поджег,— раздался из толпы сумрачный голос.

— Выясним, разберемся! А пока,— Петр обернулся к черному вороху,— вот здесь было пудов шестьсот зерна. Хорошо, если уцелела половина. Пудов пятьдесят мы возьмем для города. Остальное предлагаю раздать голодающим. Пусть местный комитет, избранный из ваших же сельчан, распределит хлеб по справедливости, по количеству едоков. Наш отряд выделит вам бесплатно лемешное железо, топоры и косы.

Петр шепнул Евдокиму, чтобы тот шел с бойцами к Грушакину в подворье.

Мужики живо раздобыли мерку. Быстро сняли верхний жженый слой, убрали горелые мешочные лохмотья. Какой-то щуплый мужичонка сунул руки в зерно, зашмыгал носом и с натугою промолвил: «Братцы, хлебушка-то сколько! А?» Он ткнулся лбом в пшеничный ворох и жалостно заулыбался, смахнув с усов непрошеную сырость.

«Слава тебе, господи,— шептала старушка, сгребая пальцем на ладони зернышки.— Отвел от погибели...— Она поклонилась Петру в пояс.— Дай бог тебе здоровья, мил человек. Люди тебя добрым словом помянут...»

Грушакии из села сбежал. Его жена, вальяжиая, румяная, стояла избочеиясь в простороной горице и, оглядев Емельяиова сверху доиизу, сиачала, кажется, сосчитала все заплаты иа его стареньком полушубке и уж потом только бросила через губу:

— Нету Авдея. Вчерась ищо в волость ускакал. На вас жалиться будет.

— И иа что же ои будет жаловаться? — спросил Евдоким.

— Как иа что? — Грушакииа подошла к комоду, гляиулась в зеркало, потрогала сережки, сверкавшие в ушах:— Ои хлеба вам не дал, а вы ему анбар сожгли.

— Ты что, баба...— Евдоким опешил,— в своем ли уме?

— Так уж кто в каком уме — теперича в волости разберутся.

— Не спеши. Рассказывай толком,— расспрашивал Евдокима Петр.— Так, значит, и говорит, что амбар с хлебом мы ему подожгли?

— Выходит так. Вроде как в отместку.

— Тогда откуда он мог об этом зараиее знать?

— А, говорит, как увидел, что добро полыхает, так и в волость поскакал.

— И спасать свое добро ие кииулся?

— Выходит так.

— Ладио. Разберемся. Вот только бы из волости вернулся...

И Грушакин вернулся, и вериулся ие одии. Сытый жеребец легко выиес саики иа середииу улицы. Авдей сидел иа облучке, а сзади иего двое — сухощавый в бекеше и второй, плотиее, в чериом кожухе. Над селом сгущались сумерки, и разглядеть приезжих подробиее ие удалось. Грушакии осадил жеребца, открыл ворота. Задымила труба, сквозь занавески в окиах зажелтел свет — хозяйка привечала гостей.

Возвращеиие Авдея уводило мужиков в крепкое сомиеиие: «Поджег да вериулся — такого вроде не бывает». Петр же был увереи в его виновиости.

Из Шадринска Грушакии привез комиссара коалициоииого ревкома Побежальского и члеиа Совета Рябикииа.

Загляиув к вечеру еще раз иа пожарище, Петр иашел там полио детворы. В зипуиишках, малахаях, покрупнее и совсем малые, обвязаииые материискими полушалками,

они копались здесь, как муравьи. Выковыривали щепками остатки зериа, сгребали его чериыми от сажи ладошками и, слизав языком, жевали твердые, горькие крупицы. Девчушка лет пяти связала пучок сухого клевера и выметала им остатки зереи.

— Скажи-ка, хозяюшка,— спросил ее ласково Петр,— где ты такой веиик взяла?

— А вот тут,— оиа указала на уцелевший порог амбара.

Оглядевшись вокруг, Войков заметил разбросаииые то там, то тут остатки полусгоревшего клевера и сеиа. Похоже, тем сеиом иочью обложили амбар и подожгли. Петр прихватил пучок травы и пошел за советом к Даиилиıу.

— Смотри, Анисимыч, какое сеио ие жалели, когда хлеб жгли. Спросить бы мужиков, иа какой заимке и кем оио скошеио.

— А ты, Петро Лазорич, будто в деревие вырос,— усмехиулся в ус старик.— И спрашивать ие очеиь-то придется. У кого сено лучшее иа селе? У кулака.

— Так или ие так — узиаем после. А ты, Аиисимыч, возьми-ка эту травку да и повыспрашивай мужиков, откуда оиа.

Поутру Данилии обошел несколько дворов.

— Говорят, с лога клеверок-то,— сообщил ои Войкову.— И травку я эту, Петро Лазорич, приберег,— ои развериул тряпицу с пучком полуобгоревшего клевера.— А в логу в том только Авдей и косит... Уж ты позволь, товарищ комиссар, пойти иам да пристрелить эту коитру.

— Нет, Иваи Аиисимыч, придется тебе потерпеть. Пока ие будет явиых доказательств, Грушакии иаходится под охраиой революциоиного закоиа. Поиял?

— Понял, да не очень,— проворчал Даиилии.— Сколько иароду гад иа голодную смерть обрек, а его, зиачит, в охраиу революциоииого закоиа пелеиают. Не дело ты говоришь, комиссар.

— Дело разберием сегодия. А пока вот,— Петр вырвал листок из блокиота, быстро иаписал иесколько строк,— отправь Грушакииу.

Иваи Аиисимович прочел:

«Граждаииину Авдею Грушакииу.

Имеием революциоииой власти ревкома Екатериибургской области предлагаю вам, граждаиии Авдей Грушакии, прибыть сегодия, 1 февраля 1918 года, в дом сельского схода к 9 часам утра.

Комиссар П. Войков».

Авдей подъехал к общественной избе в подрезных санках. Хорошо выезженный рысак стал сразу же, как только хозяин натянул вожжи. Авдей ловко соскочил с облучка, подождал, пока Побежальский с Рябикиным вылезут из саней, и пошел в избу, развалисто шагая с точеным кнутовищем в руках. На сельский сход собралось все село. Мужики расступились, пропуская Грушакина с прибывшими ближе к столу. За столом сидели Войков, Данилин и Емельянов. По сторонам стояли два бойца с винтовками.

— Гражданин Грушакин! — сказал Петр, вставая.— Мы вас вызвали, чтобы выяснить обстоятельства, при которых вы подожгли амбар с хлебом.

— Чево?! — удивился Грушакин.— Это я-то свой хлеб поджег?! Это ты, гражданин хороший, разбирайся не со мной.— Грушакин погладил бороду, уверенный и неприступный.— А я на вас, на грабителей, жалобу подал. Вот товарищ комиссар Побежальский тут сидят и товарищ Рябикин — полномочный от волостной власти присутствуют и подтвердить мое прошение могут, как вы, стало быть, по злобе, со мной не поладивши, хлебушек подпалили.

— А это что? Это?! — Иван Анисимович подался вперед, готовый сунуть пучок сена Грушакину в нос.— Твое! Твое горелое, гад ты ползучий! Все село покажет! Вот смотрите, граждане, чье это сено, какое принесли с погорелища?!

— Его сено! Чего там! — прогудели голоса.— Еще вчера разобрались!

— Так вот, гражданин Грушакин,— заговорил снова Петр,— мы опросили мужиков и установили точно, что клеверное сено есть только у вас и хранится оно на сеновале во дворе. Сейчас мы пошлем туда понятых и сравним при всех вот это сено с тем, что у вас имеется.

— Я протестую! — вскочил с места Побежальский.— Как социалист-революционер, как представитель волостного коалиционного ревкома, я не считаю, что вина гражданина Грушакина может быть таким способом доказана! В конце концов у нас есть свой волостной революционный суд, который не допустит самоуправства, детально разберется во всем и сообщит в Екатеринбург о своем решении.

— Решение есть! — жестко и властно перебил Войков.— Каждого, кто уничтожает хлеб, расстреливать на месте!

— К стенке его! — загалдели в рядах.

— Живоглот!

— Ладно,— встал с места Грушакин, оглядел колючим взглядом сход, выждал, чтоб притихли, сказал громко всем:— Пойдем глянем! Давай понятых!

Мужики расступились. Авдей прошел вперед. За ним Данилин, Емельянов. Медленно спускаясь с крыльца, Грушакин задержался на последней ступеньке, обернулся лицом к церкви, перекрестился трижды и вдруг так саданул Данилина в подбородок, что хромой солдат кубарем покатился с крыльца. Резко, по-волчьи Авдей прыгнул в сани и во весь дух помчался по улице, стегая кнутом жеребца.

Он не боялся погони. Понимал: обозным клячам за ним не угнаться, и потому решил поберечь коня. Он дал серому выровнять дыхание, потом привстал и зычно крикнул:

— Эй ты, родимый! Уважь! — и легонько подстегнул жеребца.— Ну, комитетчики-советчики! Держитесь! Теперя мы почеломкаемся!

Умный конь прижал уши, вытянул длинное тело и помчался по полю, взметая копытами снег.

Гнаться за Грушакиным комиссар никому не разрешил: клячу в рысака кнутом не переделаешь. Теперь было ясно: эсеры и меньшевики тут заодно с кулаками. И наметка у них общая — обречь Советскую власть на голод. Да на такой, чтоб прокатился пострашней чумы, чтобы в узел завязал и согнул в три погибели. Потому и село оставить здесь без защиты было никак нельзя: заявится Грушакин с кутяповской бандой — пощады не жди.

Хлеб, двести пудов с лишним, нашли у Авдея и в дворовых закромах. Трех тягловых грушакинских лошадей, сытых и сильных, Войков распорядился в обозные сани не запрягать. Одну лошадь приспособили к повозке с пулеметом, остальных запрягли в легкие сани-кошевки с козырьками. Отряд собрался в общественной избе.

— Итак, товарищи бойцы,— начал Петр деловито и четко,— нас двадцать один человек. Хлеба у кулака Грушакина мы реквизировали пятьсот пятьдесят пудов. Двести пятьдесят пудов берем в пользу города. Триста пудов роздали беднякам. Таким образом, если считать по двадцать пудов на подводу, то мы можем заполнить двенадцать подвод. Оставшиеся подводы надо будет загрузить на маршруте в Уксянском и Шутихинском. Думаю, это удастся сделать в обмен на железо. В какие бы то ни было конфликты, стычки ни с кем не вступать. Это приказ! И вот почему: обоз на Долматово поведут всего девять наших

бойцов. Нам недостает и лошадей — трех грушакинских коней запряжем в подводы. Оставшиеся двенадцать человек, и я в том числе, поедут для ликвидации кутяповской банды в Галкино, думаю, туда ушел и Авдей. Надо договориться с местными мужиками, чтобы на своих лошадях помогли довезти хлеб до Долматово. Там погрузитесь в вагоны. Нас не ждите, отправляйтесь в Екатеринбург. Командиром продовольственного обоза назначаю Емельянова. Ваш выезд — завтра утром. Мы отправляемся на Галкино сегодня в ночь — надо нагрянуть туда внезапно. Погони за Авдеем не было, так что нас там пока не ждут.

Отряд выехал из Батурино в сумерки. На первой подводе сидели Войков, Данилин, Байбакал и Селиван Крохаль. На второй и третьей — Крашенников, Соловьев, два брата Логиновых — Иван и Василий, Сидоров, Корякин, Котов и Стрекотин. Морозец, небольшой, звонкий, накрепко держал зимнюю дорогу, и по санной колее отряд к полуночи отмахал верст тридцать.

Остановились у небольшого озера. Не распрягая коней, отпустили чересседельники, укрыли заиндевевшие конские спины попонами, положили сена, определив на роздых три часа.

Срубили сухостоины, развели костер. Не мешало подремать часок-другой, укрывшись тулупом. Но что-то не спалось Петру — мешала необъяснимая тревога. Назначив караул, он сел у костра, чувствуя: ни за что не уснет. Дежурить решили по часу. В первый наряд ушли братья Логиновы. Прихватив охапку сена, они отошли с полверсты по дороге в Галкино, забрались в невысокий ельничек, постелили сена и затаились там.

Костер у озера струился жаром и уже не пламенел. Небо тихо замутилось с вечера, и луна не пробивала низко плывущих серых туч. Земля затаенно дремала: с часу на час ожидался большой снегопад.

Но вот дохнуло ветерком, качнуло сосны, сбило иней, и на землю густыми хлопьями посыпался снег. Он падал сплошной завесой, так что впереди на дороге ничего нельзя было разобрать. Вдруг нечеткий силуэт верхового выплыл из пелены. Заметив желтое пятно костра у озера, всадник придержал коня у ельничка, в котором затаились братья.

— Стой! — Логиновы выскочили наперерез.

Верховой ударил пятками, конь закрутился на месте, сдал на обочину, засел по брюхо в плотном сугробе.

— Кто такой?! — спросил Василий.

Мужик молчал. Потом шмякнулся в сугроб и что есть духу пустился в лес. Иван догнал его, схватил за шиворот.

— Стой, говорю! Иль смерти хочешь?

Едва переводя дыхание, беглец поплелся к дороге. То был низкорослый, щуплый мужичонка. У костра он назвался Ильей Фроловым, сказал, что едет к сыну в Батурино, а зачем — надо, да и все тут. И про Кутяпова он ничего не слыхал: «Мало ли что люди брешут, а мое дело — сторона».

— Ну что ж, раз ты такой темный, то отпустить тебя никак нельзя,— сказал ему Войков, потирая руки над жаркими угольями.— Отпусти тебя, а ты к Кутяпову: так, мол, и так, дорогой Куприян Матвеич, ждут тебя неприятности — идет отряд красных. Ну, что молчишь?! — закипая злостью, обернулся Петр.— А может, тебя расстрелять ради спасения сирот, вдов, всех сельчан в Батурино?!

— Да что вы, что вы,— испуганно зачастил Фролов,— я сам от бандитов бегу. А в Галкино вам их не застать. Намедни,— пояснил он,— прискакал на жеребце Грушакин, и вся их ватага нынче утром на Уксянское поскачет. Засаду там готовить будут. Как только хлебный обоз покажется, так ему и крышка. Пострелять всех решено.

Мужик, похоже, не врал. Уничтожив продотряд на дороге с Уксянского, кутяповцы намеревались скакать в Батурино и чинить там свой суд и творить расправу. Фролов спешил в Батурино к сыну, чтобы спасался, пока есть время.

— Ладно, не врешь — и то хорошо,— сказал Петр.— И все-таки отпустить тебя не сможем. И коня твоего реквизируем. На время. На нем наш боец поскачет в Батурино, чтобы задержать обоз. Кстати, всех предупредит. А коня у твоего сына оставит.

— Так чего уж — вам виднее,— согласился Илья.

— А теперь скажи, Фролов, нет ли здесь прямой дороги на Уксянское?

— Прямой дороги нет,— отвечал тот съеженно. Ему было жаль отдавать коня. Однако он понимал; если ревкомовский отряд расшибет банду, то и в Батурино ей не бывать.

— А может быть, наперерез где дорога есть? — допытывался Петр.

— Наперерез имеется,— призадумавшись, вспомиил Фролов.— Версты три целиной иадо проехать. А там вдоль лога от заимки дорога ведет. По ией сеио мужики зимой возят. Та дорога как раз и выходит иа Уксяиское.

— Покажешь?

— А чего ж, можио. Куда денешься...

Мужик ие обмаиул. Версты через три иашлась старая саииая дорога. Дали коням перевести дух и во всю рысь погиали к перекрестку. Примерио иа шестой версте дорогу с заимки пересекла уксяиская дорога. Остановились.

— Эй, комиссара! — окликиул Петра Байбакал, ощупав ладоиью колею.— Одиако тут иикто ие бывала.

Вогул прошел еще иемиого по дороге и сообщил Войкову, что деиь тому назад здесь провезли сено в стороиу Уксяиского, а из Галкиио в эту ночь еще иикто ие проезжал.

Чуть в сторойе от развилки комиссар рассредоточил свой отряд. Данилиuа с пулеметом иа саиях поставил в цеитре, иа бугре за березами. Две подводы отвели в сосияк. Оцепили подковой дорогу, постелили сеиа каждый себе и стали ждать.

Время потяиулось — тихое, морозиое, звеиящее до предела иатяиутой струиой. Сумрачным страхом иаполиеиный лес молчал, ие шевелился. Снег сыпать перестал, иебо посветлело.

— Никак той, левой дорогой прошли,— обеспокоился Илья.

— Какой левой? — спросил Петр.

— Так ведь совсем запамятовал, товарищ комиссар. А теперь думаю: есть там поворот иа старый зимиик. Вдруг подались туда?

— Далеко отсюда?

— Да версты две будет.

— Моя смотреть ходи,— подиялся Байбакал.— Ты, комиссара, шибко тихо сиди.

Перекииув за спииу кавалерийский карабии, Байбакал вскоре скрылся за высоким сосияком. Ои вышел иа широкое поле, раскииувшееся среди леса версты иа четыре, и миновал уже половиiу, когда впереди иаметился как раз тот поворот иа заимку, о котором говорил Фролов. Вдруг впереди послышался свист, и прямо из леса одиа за другой лихо вырвались две тройки.

Старый вогул упал за сиежиый гребешок возле дороги: больше спрятатьтя было иекуда. Но ездоки заметили его еще издали. Хитрый Кутяпа, скакавший впереди, сдержал

тройку, невзначай будто замешкался, слез с саней, подтянул супонь коренника.

— Эй вы, сивобрюхия! — обогнал его Авдей, стоя во весь рост.

Байбакал приподнял карабин, вздохнул, замер, вжал локти в снег. Вытянув худую старческую шею, он выцелил лихого ездока и нажал податливый спуск. Грохнул выстрел. Грушакин вздернулся, рванул вожжи и опрокинулся навзничь, натянув конские удила.

В Байбакала палили всей бандой. Но старик стрельбы уже не слышал. Он только охнул, когда пуля сверху, через ключицу вошла ему в грудь. Потом его, мертвого, топтали конями, мяли полозьями саней и стреляли в упор в щуплое, плоское тело.

Банда подъехала к лесу, насторожилась, наведя на просвет между деревьями ручной пулемет. Куприян Кутяпов послал вперед первую тройку, а сам остался ждать на поляне.

Сани медленно втянулись в лес, со скрипом поплыли по снегу, а впереди на запорошенной дороге виделся одинокий человеческий след. Старик, как видно, шел в село один и Грушакина уложил, наверно, с перепугу. Подумав так, бандиты двойным режущим свистом вызвали Кутяпова и припустили коней по устланной пухлым снегом дороге.

Тройка шумно вырвалась к развилке. Данилин подождал, пока повернутся боком. Пулемет забарабанил дробно, гулко, с железным перезвоном. Бандита, что сидел на облучке, сразу подломило, двое распластались в санях, а четвертый спрыгнул на дорогу и кинулся бежать. Его сшибли выстрелом. Лошади ошалели, понесли, но сбились с хода и стали, уткнувшись в ближние ели.

Куприян осадил своих коней, как только заслышал гулкий рокот пулемета. На узкой лесной дороге тройку круто не развернуть. Матерясь, скрипя зубами, бандит выпрыгнул на снег.

— Листрат! Держи коренника! — хрипел он.— Заноси сани!

Сани стали поперек, лошади развернулись. Куприян вскочил в кошевку, хлестнул коренника. Жеребец вздыбился, сшиб Листрата и, давя его копытами, подмял под себя. Тяжелые сани протащились по Листратовой груди.

Листрат еще хрипел и харкал кровью, когда его подобрали бойцы. Он помер в санях, пытаясь что-то сказать

перед смертью. Фролов заметил, что Листрат всю жизнь служил Кутяповым: сначала работником, потом конюхом и вот смерть свою нашел от той же хозяйской руки.

Отряд прибыл в Галкино к вечеру. Но Куприян Кутяпов не задержался на селе: прихватил фуража, шкатулку да легкую поклажу и ускакал, наверно, на станцию в Щучье, а может быть, на Юргамыш. Там проходят поезда на Омск, а в Омске, говаривали, осел Куприянов отец.

На другой день на сельском кладбище схоронили Байбакала. Могилу вырыли чуть поодаль от всех остальных, чтобы люди видели: здесь погребен боец революции Байбакал Арамаанов.

Листрата схоронили сельчане. Он был одинок. Бабы повздыхали, утерли капельки слез, а кто-то сказал: «Ну вот, Листрат, и заслужил ты милость хозяйскую».

Евдоким Емельянов вывел хлебный обоз с Уксянского на Шутихинское почти прямиком. Пути тут было около сорока верст. Груженые возы двигались медленно, и только кое-где со взгорка по санному накату трусили усталые кони, обдавая морозным паром заиндевелые бока,— и снова в мерном скрипе полозьев в дальнюю даль тянулась стылая зимняя дорога.

В Шутихинское прибыли в сумерки и, чтобы не разбиваться по селу, напросились на ночлег в три крайние избы. Разместиться можно было бы и попросторнее, да всем вместе легче уцелеть. Ворвется банда, прочешет подворья, переберет поодиночке — отмахнуться перед смертью не успеешь...

Среди ночи Евдоким три раза выходил во двор. Что-то тревожило душу, не давало покоя. Где-то теперь комиссар, не нарвется ли на гибель? У каждой банды в селах глаза и уши. Опередят, подкараулят, а потом и сюда нагрянут.

Однако миновала ночь, пришел медленный, запоздалый рассвет. На станцию Долматово обоз отправился вдоль реки Течи. Река не петляла, не металась по низине, как иные реки, но лед на ней был неровен, со снежными заторами, вздыбленными еще по осени, и потому ехали по зимнику, пробитому крестьянскими санями. До станции верст было не меньше, а кони шли бодрее — чуяли конец пути. Когда вдали в предвечерней мгле завиделись тусклые огоньки, кони сами припустились рысцой.

В пристанционной каптерке, у раскаленной углем железной печки зашумели, заговорили повеселевшие бойцы. Не нынче-завтра прибудет комиссар, а там — грузи вагоны и, брат ты мой, с хлебушком до дому! Но ждать пришлось еще два дня. Отряд Петра не смог догнать обоз в пути и прибыл в Долматово в последний срок. Хлеб уже загрузили в вагоны. Именем ревкома комиссар задержал пассажирский поезд, чтобы прицепить вагоны и доставить их в Екатеринбург.

Испепеленная войной земля ничего не могла дать людям, в осиротелых крестьянских дворах пухли с голоду дети.

А где-то там, в европейских дворцах капиталистических правителей, в заокеанских виллах бизнесменов планировались новые побоища во имя наживы, и человек шел убивать такого же, как он, человека.

18 февраля 1918 года, нарушив перемирие, германоавстрийские войска вторглись на советскую территорию по всему фронту от Балтийского моря до Карпат. Началась оккупация Украины, Белоруссии, Прибалтики.

21 февраля Совет Народных Комиссаров принял декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Декрет подписал Владимир Ильич Ленин. После острой борьбы в ЦК с «левыми коммунистами» Ильичу удалось получить большинство голосов в пользу мирного договора. В ночь на 24 февраля ВЦИК решил принять германские условия мира.

В это тяжелейшее для страны время внутренняя контрреволюция — всяческие «патриоты России» и «спасители отечества», отвлекая на себя рабоче-крестьянские воинские части, помогли кайзеру захватить почти всю западную часть страны. Корнилов, Деникин, Алексеев, Дутов, Краснов и другие готовы были раздать Россию по кускам — кому Кавказ, кому Украину, кому Владивосток, кому Урал — лишь бы вернуть свои «кровные» имения, реставрировать монархию, восстановить прежние порядки.

В феврале белоказаки Дутова снова подошли к Оренбургу. В марте—апреле против них развернулось наступление отрядов Блюхера. Дутов был разгромлен и с остатками войска бежал в Тургайские степи.

Здаине Центрального штаба екатеринбургской Красной гвардии, откуда Войков провожал иа фроит отряд матроса Хохрякова.

* * *

Революцня решнтельно и быстро шагала по росснйской земле. Местные Советы осуществлялн декреты и распоряження рабоче-крестьянского правнтельства. На Урале, как н по всей Росснн, онн конфнсковывалн помещнчьн землн н отдавалн нх крестьянам, учреждалн рабочнй контроль на пронзводстве, отбнралн нзлншкн хлеба у кулаков, подавлялн контрреволюцнонные выступлення, нацноналнзировали заводы, фабрикн, банкн, транспорт, мобнлнзовывалн бойцов в Красную Армню.

Под руководством большевиков, в яростной борьбе с эсерамн проводнлся в жнзнь ленннскнй декрет о земле. Трудящнеся крестьяне актнвно помогали Советам. Но бешено сопротнвлялся классовый враг — стоял до последнего. Кулакн старалнсь захватнть помещнчьн н монастырскне землн, отказывалнсь продавать хлеб государству по твердым ценам, надеясь убнть голодом Советскую власть. Борьба за хлеб стала борьбой за соцналнзм — так сказал Леннн.

Весной 1918 года Войков отправился в Камышловский уезд. Там что-то не ладилось с хлебопоставками по союзу потребительских обществ. Диву дался Петр, когда узнал, что в местную инструкторскую коллегию Уральского союза потребительских обществ входят три бывших попа, председатель земской управы, а остальные — бог весть кто, какие-то кооператоры. Руководил же коллегией член кадетской партии.

Объезжая деревни, Войков на бесконечных сходках и собраниях разъяснял, призывал, убеждал рабочих и крестьян. На уездном съезде Советов он выступил с докладом по хлебному вопросу. Говорил о том, что продовольственное положение на Урале чрезвычайно тяжелое, что голодают рабочие в Богословском округе, что и в других заводских округах дела обстоят не лучше. Тяжело всей стране. В Питере на одного рабочего дают по осьмушке хлеба в день. И как ни трудно приходится самим, уральцы им помогают. Уфимские железнодорожники, например, отправили в Петроград свой месячный паек муки. Пермский губисполком разместил на Урале пятьдесят тысяч детей питерских рабочих и обеспечил их питанием. Но Камышловский уезд срывает хлебосдачу. Там в инструкторской коллегии «черное гнездо»! Крестьяне должны сами браться за дело учета и сбора зерна, помогать Советам. Хлеб есть, но его прячут... К хлебодержателям надо подходить не с разговорами, а с твердыми требованиями.

Уездный съезд Советов принял резолюцию:

«Советы на местах приступают немедленно к учету всего имеющегося хлеба и подвозу его на ссыпные пункты. Не исполнившие это постановление Советы предаются военно-революционному суду. Лица, зарывающие или уничтожающие свой хлеб, расстреливаются на месте, весь запас хлеба у них отбирается бесплатно. Всякий, кто продает хлеб выше твердой цены, предается революционному суду с заключением в тюрьму на срок не менее одного года. Хлеб у него отбирается бесплатно. Постановление это вводится немедленно».

Инструкторская коллегия, в которой засели контрреволюционные элементы, по приказу Войкова была распущена. К делу прилагался документ:

«Областной комиссар снабжения т. Войков, признавая деятельность Камышловского отделения Уральского союза потребительских обществ идущей вразрез с постановлениями Советской власти как в политическом, так и в экономическом отношении, постановил: распустить инструктор-

скую коллегию Камышловского отделения. Все инструкторы в составе 10 человек обязаны в трехдневный срок выехать из Камышлова».

* * *

К числу всевозможных забот Войкова прибавилась еще одна — попечение бывшего царя Николая с супругой и чадами. Эта задача осложнилась тем, что весной, как стало ясно еще в Тобольске, для царской семьи готовился побег. Пароход «Русь», прибывший из Тюмени еще по осени, стоял вмерзший в лед, и, как только вскроются реки, на нем можно было уйти в Обскую губу, а там на английском крейсере царь, вероятно, ускользнул бы в Англию.

В конце марта в Тобольск прибыл красноармейский отряд Демьянова. Он сменил охрану в губернаторском доме, где содержался царь, но Советская власть в Тобольске была установлена только 9 апреля, с приходом из Екатеринбурга специального отряда матроса Хохрякова. Николая II, императрицу Александру Федоровну и их дочь Марию отправили в Екатеринбург уже по первому распутью с конным обозом в девятнадцать подвод, тарантасов и саней, а еще четверых Романовых — наследника и трех дочерей — с открытием весенней навигации на пароходе «Русь» довезли до Тюмени, а затем поездом до Екатеринбурга.

Причиной к такому разнобою в отправке Романовых в Екатеринбург послужила болезнь сына Алексея. Тот страдал врожденным недугом — гемофилией, то есть неспособностью крови к свертыванию. Накануне Алексей обо что-то стукнулся, и везти его на подводах было нельзя.

Из дальнего сибирского города революция казалась царю чем-то нереальным. От тайных доброхотов ему доставлялись деньги, в Тобольск со всех концов сползались монархисты. Авантюризм кружил головы, один заговор наседал на другой. В Тобольске заговор находился в руках архиепископа Гермогена и полковника Кобылинского. Одержимый верноподданническими чувствами, генерал Алексеев надеялся силой прорваться к царю. Одни уповали на скорую гибель Советов, другие готовили план более, на их взгляд, реальный. Еще во времена Керенского английское правительство обещало выслать за царем крейсер в Мурманск. Но помешали немецкие подводные лодки. Крейсер в Мурманск не пришел. Царя же, опередив события, перевезли в более надежное место — в Екатеринбург.

Петр Войков был поставлен во главе чрезвычайной тройки, которая разработала и привела в исполнение весь этот план. Теперь в ревкоме рассудили так: раз комиссар снабжения да еще с чрезвычайными полномочиями, то кому, как не ему, позаботиться о бывшем монархе на новом месте? Ну что тут скажешь? Партийная дисциплина — прежде всего. Обеспечение, охрана, обслуга царя — все входило в заботы Петра.

Для царского семейства Войков приглядел дом инженера Ипатьева. Временно реквизированный, этот дом с резными наличниками, с каменным подвалом стоял на откосе как раз напротив великолепного особняка Расторгуева-Харитонова. Чуть подалее высилась колокольня Вознесенского храма. Живи себе — грехи замаливай. Дом хоть и не дворцовые палаты, а простор, тепло в нем есть.

Бывший царь возжелал, чтобы в доме имелось электричество. В ревкоме сказали: «Исполнить» — и вскоре комиссару снабжения представили денежный отчет по дому особого назначения за май 1918 года:

«Расписка т. Люханова № 4

1. Извозчикам по перевозке арестованных и разные разъезды в течение мая — 334 рубля. 2. Очистка склада под вещи Николая Романова и мытье помещений в разное время — 116 рублей. 3. По расписке на электрический матерьял т. Калашникова № 21 — 500 рублей. 4. По расписке т. Емельянова для ремонта освещения за № 10 — 820 рублей».

А всего на содержание дома для царской семьи в Екатеринбурге уходило в месяц 26 478 рублей. На охрану тратилась только пятая часть этой суммы. Да и ту в целях экономии пришлось сократить и оставить всего лишь двадцать человек. Правда, в июле, когда сильнее зашевелилась белогвардейщина, охрану увеличили на девять человек.

Кроме хлопот по снабжению, освещению, отоплению, охране Петру полагалось предупреждать возможные конфликты и неприятности. Трудностей тут было невпроворот: ведь каждому солдату и рабочему не объяснишь, что Николай Романов не лишен российского гражданства и находится до суда под охраной революционного закона.

Всякий раз при встрече с царем Войков ощущал все возрастающую неприязнь. Стоило взглянуть в лицо Николая, в его белесо-бесчувственные глаза, в которых зло, жестокость и тупая ненависть были не мимолетной вспышкой, а сутью вполне законченной натуры,— стоило только увидеть все это, как уже нельзя было не думать о том,

что верни только всевластие царя — и миллионы человеческих жизней будут загнаны под гигантскую давильню самодержавия, миллионы тех, кто кормит и созидает Россию.

Царица сверлила Петра глазами — и ее выводил из равновесия его прямой, независимый, полный достоинства взгляд. Александра Федоровна давала волю злорадству в беседах с супругом.

— Россия не может быть государством,— говорила она.— Ее будущность — в колонизации ее передовыми европейскими государствами.

Петру здорово надоели и злющая царица, и туповато-претенциозный царь, и как только он наладил обслуживание дома особого назначения, передал его своему заместителю Быкову. Спокойный, уравновешенный Быков видел в царе лишь бодливого козла в загоне. Но вскоре и он ушел на работу в Совет, и заместителем Петра стал Рыболовлев, которому тоже не хватало времени на частную жизнь августейшего семейства.

И до царя ли было! Немецкие, американские, французские, японские, турецкие и всякие прочие — иностранные, незваные, захребетные — кинулись на Россию со всех сторон. Интервенция заполонила Восток и Украину, Прибалтику и Юг.

В большевистских газетах не хватало места на весь поток сообщений. Но в четверг 9 мая 1918 года «Уральский рабочий» опубликовал заметку «Конец Рады».

«Украинской Рады больше нет,— сообщалось в ней.— Ее разогнал немецкий офицер со взводом солдат, арестовав при разгоне несколько министров Рады. 26 апреля генерал Эйхгорн отменил без ведома Рады все политические свободы на Украине. 26-го Рада была разогнана. Вряд ли такой конец Рады вызовет удивление. Все знали, что Рада, предавшая украинских рабочих и крестьян немецким разбойникам, держится только милостью немецких генералов, и достаточно малейшего проявления «непокорности», чтобы пинок генеральского сапога прикончил ее существование... Немецкие генералы восстанавливают помещиков в их правах на эксплуатацию крестьянской бедноты, капиталистов — в их правах на угнетение рабочего класса».

Всему миру стало известно, что гетман Скоропадский принимал украинских хлеборобов в сопровождении приближенных германского штаба. «Подпертый под зад германским штыком» гетман всей Украины и в своем предательстве был не одинок. Русские генералы Корнилов,

Деникин, Алексеев, адмирал Колчак, полковник Дутов и прочие направо и налево раздавали Россию. Немцы наступали с запада. На востоке лезли отряды есаула Семенова с японскими интервентами заодно. К бакинской нефти и туркестанскому хлопку рвались англичане.

25 мая 1918 года вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса — сначала в Мариинске, а на следующий день в Челябинске.

От Екатеринбурга до Челябинска 250 километров. Даже пешим ходом обычная стрелковая часть могла прийти в Екатеринбург недели за полторы-две. 26 мая эсеро-белогвардейские и чешские войска заняли Новониколаевск, 29 мая — Пензу, 30 мая — Сызрань, 31 мая — Томск.

Южные хлебные районы теперь были окончательно закрыты. Оставалась надежда на Восточную Сибирь. С той стороны по северной дороге через Тюмень или по южной дороге через Шадринск призывом и властью вызволял Войков хлебные эшелоны. Разослав продотряды, он принимал груженые составы в Екатеринбурге и отправлял дальше — на Москву и Питер.

Прямо от железнодорожных платформ забегал в свою канцелярию — в дом бывшего горного начальника, где теперь помещались советские и хозяйственные учреждения. В совместной Кузьмина, Быкова и Войкова комнате просматривал накопившиеся газеты, ощущая гул во всем теле: быть на ногах с утра до ночи даже молодому нелегко, а когда эшелоны приходили ночью, не спал он и ночь. Хлеб частенько застревал где-либо — то на станциях, то на полустанках. К нему тянулись, как тараканы к сахару, лихоимцы и грабители, эсеры, анархисты, конные налетчики. Уж больно заманчиво было пограбить готовый, затаренный в мешках хлеб.

28 мая 1918 года СНК по предложению В. И. Ленина принял постановление о продовольственной политике. На следующий день в газетах появилось воззвание к рабочим и крестьянам об организации вооруженных отрядов для борьбы за хлеб. Это воззвание было составлено на основе ленинских «Тезисов по текущему моменту», где Владимир Ильич предлагал объявить на июнь — август по всей стране военное положение и мобилизовать армию «для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива».

Читая воззвание, Петр подумал, что неплохо бы снарядить небольшой отряд в район Кургана, где в деревнях можно собрать зерно...

В ночь на 1 июия с поездом в Кургаи выехали пятеро: Евдоким Емельяиов за старшего и с иим четверо бойцов. Деиьги иа закупку хлеба и на другие расходы получали по распоряжению Совета через секретаря. Честиость берегли абсолютиую. Расписка на деиьги, иа любую сумму — и все. Эти расписки хранились у секретаря. Были среди иих и такие:

«Получил от президиума Областного Совета Урала иа оргаиизацию нелегальной работы и для помощи семьям товарищей десять тысяч рублей. 2.VII.1918 г. Веииамии Твертин». И уходил человек без долгих напутствий иа миогие лишеиия и зачастую иа смерть...

Сиачала по железиой дороге, потом иа парокоииой телеге отряд добрался до места. Собрали пятьсот двадцать пудов хлеба. Подвод ие хватило, поэтому решили вывезти зерио в два захода.

7 июия эсеро-белогвардейские и чехословацкие войска захватили Омск. А спустя иекоторое время полковиик Шереховский, осведомлеиный из Шадринска через разведку, доиосил геиералу Алексееву:

«По имеющимся из большевистской печати сведеииям, а также по иаблюдеииям вериых отечеству лиц имеет место вывоз хлеба из близлежащих к нам селеиий».

Ответ последовал иезамедлительио:

«Полковиику Шереховскому.

Невозможио допустить, чтобы таковое произошло. Немедлеино изыщите способ устраиеиия большевистского продотряда».

После бегства из Шадриискои волости Куприяи Кутяпов недели две пробыл в Кургаие. Ои успел ограбить здесь галантерейиую лавку и склад с меховым товаром. Но в кассе галаитерейиой лавки оказалось всего около ста рублей, а три десятка шуб и лисьи горжетки сбыть пока что было некуда. Перекупщики, спекулянты, фармазоищики валом валили иа восток от вездесущих глаз ЧК. Из Галкиио, спасаясь от отряда Войкова, ускакали втроем: Кутяпа, Никита-ханжа и Лавруха-ломовой. За две иедели в Кургане к иим прибилось еще четверо — грязиых, отпетых, подлых.

Одиажды в базариой толчее Кутяпа заметил взгляд, пристальный и властиый. Холод пробежал под полушуб-

ком, и в ту же ночь, прихватив награбленный товар, Куприян со всей бандой отправился в Омск. В Омске жилось куда как вольготнее: народу больше, лавки, магазины. А когда Омск заняли эсеры с белочехами, с души свалился камень. ЧК осталась далеко, и, кажется, можно жить, но вот опять все тот же взгляд, властный и беспощадный, нащупал Кутяпу в толпе. Потом двое солдат с японскими карабинами и подпоручик в грязно-зеленой английской шинели остановили его.

Всю ночь Куприян лязгал зубами от холода в подвале предвариловки, и только поутру, часам к одиннадцати, его вывели из тюрьмы, и он встретил все те же глаза в уютном кабинете с тяжело нависающими портьерами. За столом, на котором зеленел письменный прибор из малахита, сидел полковник Шереховский.

— Мы можем расстрелять тебя в любую минуту,— сказал он.— Но... мы дадим тебе возможность жить, хотя ты и не стоишь этого. И ты получишь награду. Нет, ты станешь просто богат, если поможешь белой армии, спасителям отечества в борьбе с большевиками.

— Что прикажете, ваш благородь...— запинаясь, поспешил согласиться Кутяпа.— Что делать надоть?

— А «надоть» немного,— передразнил полковник бандита.— Однако сначала скажи: сколько ты можешь собрать вот таких себе подобных?

— Смотря какое дело будет...— уклончиво ответил догадливый Кутяпа.— Коль надоть, так дюжины две наберу.

— Ну что ж,— пожевав губами и пометив что-то на листке, сказал полковник.— Двух дюжин таких молодцов, как ты, пожалуй, хватит.

Через три дня банда из двадцати шести человек выступила наперерез хлебному обозу Емельянова. Накануне Куприян получил от полковника вполне определенный наказ: «Если из обоза уйдет хотя бы один — вас в живых никого не оставим».

Кутяпа был предупрежден, что в обозе пятнадцать человек. Из них охраны всего пятеро. Один с наганом, четверо с винтовками. Для двадцати шести бандитов с карабинами и тесаками дела минут на десять — не больше.

Сытые кони рванули, и пять телег с бандитами без передышки отмахали сорок верст. Около ложка, окруженного березняком, Куприян устроил засаду.

Летний день велик. Обоз двигался неторопко. Свежая зелень березок, ельннк с розовато-снзой осыпью молодых шишек, янтарно-смолистый сосияк — все млело в ласковом тепле склоненного к закату солнца.

На первом возу ехал Евдоким Емельянов. За ним еще четыре подводы — на каждой по бойцу с винтовкой, а далее — еще десять подвод, по возиице на каждой.

Порядок, который Евдоким определил для обоза, оказался роковым. В первую минуту банда расстреляла из засады бойцов, а потом ловила и добивала остальных, безоружных...

Хоруижего Матюшина вызвали к начальству внезапно, ночью. Хоруижий смахнул тряпицей пыль с сапог, одериул гимнастерку, поправил три Георгия, украшавшие широкую казацкую грудь, и, твердо печатая шаг, явился пред иачальством. Полковник Шереховский, внимательно глянув на казака, иашел в ием сразу три незамеиимых качества: лихость, храбрость, исполиительность.

— Голубчик,— грустно сказал Шереховский,— я должен сообщить тебе печальную новость. Как доиесла иаша разведка, вчера к вечеру большевистская банда вывезла хлеб на пятиадцати подводах. Но комиссары, кажется, не сумели поделить награблеииое между собой. Одна банда налетела на другую... Во имя спасения Руси православной мы должиы покарать большевиков. Подойди сюда, голубчик,— Шереховский пригласил хорунжего к столу, на котором была развернута полевая карта.— Ты слышал про такое место — Лисий лог?

— Как ие слыхать, вашскородь! Еще с отцом там по зверю промышляли.

— Так вот: примерио вот здесь банда с захвачениым обозом заиочует,— полковиик поставил караидашом точку иа карте.— Тебе мы даем полусотню, лучших коней и бывалых казаков. Выступишь немедленно, в иочь. На рассвете выберешь открытое место и...— полковник сверкнул взглядом,— всех! Всех до единого! Понял? — Полковник расправил плечи, посмотрел хоруижему в глаза.— Да свершится суд правый! С богом, голубчик!

Федор Матюшии разделил полусотню на две части. Он выбрал место в просторном ровном междулесье, по которому должеи был двигаться обоз.

...Перестреляв продотряд, кутяповцы отъехали версты три от убитых, достали четверти с самогонкой, откупорили фляги с ворованным спиртом и перепились. Тут и заночевали. Опохмелившись поутру, пустили по дороге лошадей.

Казаки заслышали обоз версты за две: хрипло-воющие песни, истошный мат далеко катились по прохладной зорьке.

Матюшин послал двадцать пять казаков в лесок напротив, а сам со второй половиной полусотни остался ждать на дороге за березняком. Отрядам было приказано в нужный момент выскочить навстречу друг другу и промчаться вдоль подвод справа и слева.

Все кончилось в минуту-две: казаки, сверкнув клинками, прошлись по пьяным головам. В предсмертном падении грохнул чей-то нечаянный выстрел, и снова стало тихо. Фыркая и поводя ушами, топали кони, зачуяв кровь, и кто-то уже спихивал с подвод порубленных бандитов, поддевая их под бок дулом карабина.

Испросив в штабе по двадцать пять рублей на каждого казака и пятьдесят рублей для хорунжего, полковник Шереховский доносил генералу Алексееву:

«Имею честь доложить, что числа 16-го месяца июня 1918 года полусотня верных отечеству казаков под командой георгиевского кавалера хорунжего Федора Матюшина и в соответствии с Вашим распорядительством уничтожила за Лисьим логом большевистскую банду, повинную в вывозе хлеба из деревень».

* * *

Тяжело переживал Петр весть о гибели продотряда Емельянова. Еще вчера в ревком к Евдокиму забегала шустрая, счастливая телеграфистка с почтамта, а сегодня по тому же телеграфу пришла страшная весть. Войков корил себя за то, что послал в безопасный, кажется, рейд малочисленный и слабо вооруженный отряд. Он понимал, что в борьбе жертвы неизбежны, но сердце его не принимало этих жертв, терзалось, мучилось. Не знал он, что и другое тяжкое известие уже стережет его: пропал Иван Михайлович Малышев.

Еще в начале марта 1918 года Ивана Михайловича назначили комиссаром 2-й Верхисетской дружины для борьбы с белоказаками. После разгрома Дутова Иван Михайлович возвратился в Екатеринбург. Но 26 мая в

Челябииске вспыхиул чехословацко-белогвардейский мятеж — и Малышев сиова иа фроите в должиости комиссара, а затем комаидира Златоустовской группы. Эсеры с кулаками в то время старались ударить по Советской власти в тылу. Под Златоустом, иа Кусииском заводе оии подияли в июие восстаиие. Отослав в Кусу отряд красноармейцев, Иваи Михайлович с ротой эстоиского коммуиистического батальона отправился иа место событий сам. Баида отступила за Кусу. Малышеву иадо было вериуться в штаб фроита иа стаиции Уржумка, километрах в пятиадцати от Златоуста по железиой дороге, идущей иа Челябииск. В том месте железиой дороги есть крутая петля в стороиу Уральского хребта: дорога огибает иедоступиые места, а за хребтом сииеет озеро. К вагоиу комиссара был прицеплеи вагои-лазарет с красиоармейцами, раиеииыми в бою. На этом вот участке у иебольшой стаиции Туидуш и иапала иа состав иочью баида эсеров и кулаков, как полагают, из села Куваши. Баидитов кто-то иесомиеиио уведомил, что в поезде едет комиссар с иебольшой охраиой. Были перебиты и раиеиые бойцы, и сестры милосердия. Комиссар Златоустовской группы Иваи Михайлович Малышев исчез *.

Бывают иа свете люди, которые словио излучают свет. В то время, когда такой человек рядом с тобою или даже где-то вдалеке, его присутствие ие то что ощущается — ои живет с тобой. От встречи до встречи, от дела до дела, от события к событию человек этот едии со всеми, и иному даже ие приходит на ум догадка, что его собствеииые сила, иастроеиие и даже храбрость зависят как раз от такого человека. Имеиио таким был Иваи Михайлович Малышев.

Все кажется просто: есть иа свете человек, ои жив-здоров, да и ты судьбой ие обижеи. Среди своих дел чужие дела тебе иедосуг увидеть. Все заияты, все в борьбе, в войие, в тревоге. Но вдруг выпал из той иапряжеииой цепи событий одии-едииствеииый человек — и ие смыкается цепь, иарушается движеиие, сбились с хода часы и дии, бегущие вереиицей, и иет покоя душе, иет четких решеиий разума. Все иадо иачииать по-иовому, с иовых трудиостей, с иовых истоков.

---

* Как свидетельствует дочь И. М. Малышева, тело комиссара нашли только в апреле 1920 года в болотистой местности в полутора верстах от станцни Туидуш. Следует отметить, что низины там очень холодные. В настоящее время в Златоусте, в городском сквере высится обелнск комнссару И. М. Малышеву. Его похороннлн здесь 18 апреля 1920 года.— *Авт.*

В этом иет предрешеииости, фатальиой поступи судьбы, есть только человек — человек, одаренный великой силой доброты и самоотверженности, есть человек, отдающий жизнь свою за справедливость...

Исчезиовение Иваиа Михайловича Малышева легло иа душу Петра давящим бременем, которое осталось с ним иа всю жизиь. Нет, он ие сник, не расслабился, ие дал тоске по другу одолеть себя, ои только строже и виимательней стал прииимать события, которые мчались крутой чередой, и иадвигались с разиых сторои иа Республику Советов, и были тяжелы, и были ежечасиы, и ие давали ии минуты покоя или роздыха.

Глава IX

В середнне нюня — начале нюля 1918 года в Екатернибурге н дальше за Уралом стояла постоянная жара. Небольшие дождн не успевалн согнать скучную, тягучую духоту тревожного лета.

К Екатерннбургу вплотную приближался фронт. 5 нюля белочехн заняли Уфу, 8 нюля — Самару. Весь Южный Урал по обе стороны хребта — н с восточной, и с западной его стороны — оказался под властью эсеровскнх банд, казачьих отрядов и белочешских войск.

В нюне 1918 года генерал Алексеев, однн нз создателей н руководнтелей Добровольческой армнн, был выдвннут канднматом в военные днктаторы Росснн. Уже в первый месяц пребывания Нннолая II в Екатерннбурге по приказу рабскн преданного царю генерала в город н предместья былн тайно засланы вооруженные отряды, с которымн держалась постоянная связь. Расчет Алексеева на конных текнннцев не оправдался. Пылкне текнннцы былн войском наемным и, несмотря на великие посулы, не торопились класть головы за русского царя. В те горячне днн в рядах «спасителей» разгорелась бурная вражда: каждая группа и каждый монархнст в отдельности предвидели для себя выгоду от спасения самодержца н потому стронлн кознн другому. Кралн деньги, перекупалн наемников, клеветали друг на друга.

Конных башибузуков, способных бурно налетать лншь на открытый объект, здравомыслящнй генерал решил заменить отрядами пешими. К дому Ипатьева отряды моглн проникнуть или вдоль берега Исетн с юго-востока, или с севера через вокзал, ворвавшись с боем по железной дороге. В первом случае можно было действовать небольшой группой, во втором — совместно с белочешскими войсками. Юго-восточный варнант был особенно заманчив: налетчнкн моглн подобраться ночью. Исеть выводила к пло-

тине, за плотиной — бросок в гору; ориентир — колокольня Вознесенского собора и дворец Расторгуева-Харитонова.

Чтобы побудить довольно пестрое воинство к предстоящему подвигу, Алексеев приказал фельдфебелям выкрикивать в строю: «Спасем царя православного!» Где-то вразброд, истошно, полтора десятка наиятых отвечало «Ура!», но добровольцев пробиваться за царем через весь город нашлось немного.

В те дни Войкову о царе и вовсе не думалось. Приходилось снабжать целый фронт: хлеб, фураж, боеприпасы — три опоры, на которых держалась армия, должны были обеспечиваться бесперебойно. И еще одно обстоятельство направляло мысли по иному пути: по всем приметам, не столько к царю, сколько к Березовскому прииску настойчиво рвались царевы верноподданные. Золото лежало на пути. На кой черт царь, когда будет золото! Там, на циановом заводе, в конце рельсового тупика стояла золотоплавильня. Из разливных корытец сверкающие, веские слитки опрокидывались на стол. Всесильное золото давало власть и право утолять любую прихоть.

В ночь с девятого на десятое июля ревком поручил Петру вывезти из Уральской золотоплавильни государственные запасы золота и платины. Было ясно: отстоять город едва ли удастся. Белочешские войска, вооруженные приданной полкам артиллерией, оснащенные пулеметами, наступали превосходящими силами. Как стратегический объект Екатеринбург стоял на путях продвижения к Москве и Петрограду. К золоту рвались эсеры и белогвардейцы, лезли разные банды, белочешские воители.

Вести поступали одна тревожнее другой. Там, за линией фронта,— зверства, лютые, свирепые. Белые торопятся убить тех, кто попал к ним в руки,— тех, кто за Советы, в первую очередь коммунистов. Газета «Уральский рабочий» поместила сообщение: «3 июля в поселке Шумихе Челябинского уезда от рук чехословаков и местных кулаков-контрреволюционеров пал смертью храбрых Иван Георгиевич Морозов». Близился фронт. Сообщения, сообщения, сообщения...

Доставить золото с золотоплавильни к специальному эшелону предполагалось на грузовиках. Три машины с одиннадцатью дружинниками выехали по дороге на деревню Шарташскую в объезд озера Шарташ.

Сводный отряд рабочих и красноармейцев держал оборону в шести километрах юго-восточнее плавильни.

В надежде на этот заслон дружину и отправили на задание. Около двадцати шести пудов золота нужно было разместить на трех грузовиках. Машины тарахтели по дорогам со скоростью 20 километров в час. До прииска — 12—15 километров пути. Час туда, час обратно. На погрузку — полчаса. Ночи хватит. Выехали затемно, чтобы не привлечь ненужного внимания. Имелись данные, что в Екатеринбурге существует заговор эсеров, которые в ожидании белочехов создали «Временный комитет народной власти». Заговорщики могли ударить в спину.

Из города дружина выбралась к полуночи. После дневной жары прошел быстрый, шумный дождь, и в посвежевшем ночном воздухе в свете фар замелькала ночная мошкара. Озеро Шарташ, глянцевито-зеркальное, уходило справа в дальнюю даль к высокому лесному увалу на том берегу, который казался сейчас черным и мрачным.

В последнюю неделю на золотоплавильне работали сутки напролет — готовили слитки. Основной запас платины и драгоценностей успели эвакуировать в Пермь. Первый поезд с ценностями ушел из Екатеринбурга еще 20 июня 1918 года. В архиве сохранился «Список боевой дружины екатеринбургских коммунистов для охраны поезда с эвакуированными ценностями из Екатеринбурга». Всего шестнадцать человек. Сейчас на станции стоял еще один эшелон для отправки золота, и Петру с его дружиной и грузовиками следовало особенно поторапливаться.

Иван Анисимович Данилин устроился в кузове. В полуоткрытую кабину грузовика не полез: мешала деревяшка. Войков сидел рядом с шофером и поглядывал по сторонам и вперед — туда, где свет фар беспокойным желтоватым снопом выхватывал сосняк, кусты или изворот дороги. Ночью все могло случиться: засада, налет, залп с обочины. Пустые машины вряд ли кому надобны. А вот когда отправятся обратно... Вдруг какая-нибудь банда пронюхает, что везут! За золотом кидаются свирепо, очумело, истошно, позабыв, что они — люди.

— Эй, Петро Лазорич! — окликнул сверху Данилин.— Стреляют никак!

Комиссар приказал остановиться. Моторы пустили на малых оборотах, прислушались. Вскоре за лесом послышались редкие выстрелы.

— Недалеко от плавильни палят,— определил Данилин.

— Вот то-то и есть,— согласился Петр.— Теперь или успеем, или нет.

— Ну что решать будем, братва?! — окликнул бойцов Иван Анисимович.

— А что решать,— Войков резко обернулся.— Ехать надо, а там увидим! — и чувствуя, как напряженно направлены на него в ночных сумерках два десятка человеческих глаз, сказал уже медленней и тише: — Объяснять мне вам нечего: мы должны сделать свое дело. Отсюда езды — минут пятнадцать. Нажать — доедем и быстрее. Так слушай приказ: всем пересесть в две первые машины. Пулемет на борт! Винтовки наперевес! Фары погасить. Включить только по моей команде!

В тусклом свете месяца дорога стелилась блеклой полосой. Грузовики мотало на небольших ухабах, трясло на камнях, но двигались ходко, без заминок.

К золотоплавильне путь лежал через плотину. Место неширокое, но проезжее. У самой плотины Петр приказал включить фары и открыть огонь. Взбодренный поддержкой, от плотины застрекотал пулемет — местный отряд залег там за насыпью. Левее, перебегая по старым канавам, бойцы держали оборону.

Ночь мешала быстрому продвижению, и нападавшие — высланный генералом Алексеевым добровольческий отряд — не смогли определить, сколько человек защищает рудник. Судя по стрельбе и внезапно нагрянувшим автомобилям, к красным подошло подкрепление. Добровольческий отряд залег на подступах к плотине.

Река, заросшая по берегам мелким березняком, каждую весну омывала белоглинную, смешанную с кварцем прибрежную почву. Здесь почти не росло травы, и даже ночью на белой земле далеко виделось любое темное пятно. Красноармейцы, лежа за насыпью, идущей от плотины, били по темным пятнам в просветах березняка. Частенько вслед за выстрелом в той стороне раздавался крик, стон или ругань.

Миновав плотину, грузовики отъехали шагов четыреста и остановились на виду на высокой насыпной дороге — как раз напротив дымящей кислотным смрадом громоздкой постройки. Сюда долетали пули. Фары пригасили, бойцы спрыгнули за придорожный вал. Иван Анисимович неловко вылезал из кузова последним. Шагнув к краю дорожной насыпи, он вдруг осекся, взмахнув руками, и садануло навзничь. К нему рванулись три человека.

— Не лезь, не лезь...— костеря кого-то, закопошился Анисимыч и сам сполз за вал.— Вот сучьи дети — дере-

вяшку отшибли. Начисто! — ои пощупал иижиий коиец деревяиией иоги.— И чем только палят...

— Не тужи, Аиисимыч, иовую справишь, как жеииться иадумаешь,— хохотиули в цепи.

Тем времеием перестрелка усилилась, и иесколько пуль прошибли борт у крайиего грузовика. Осмотрев спуск с дороги к плавильие, Петр увидел, что до иее шагов триста, а то и больше. За иасыпью пули ие достают. В одни заход можио взять по два пуда иа брата. Грузовики оставить иа дороге, ио вот беда — их иикак ие развериешь быстро — узко. Пока будешь толкать их туда-сюда, могут запросто всех пострелять.

Но вот пальба оборвалась, и иаступившая за последиим выстрелом тишииа показалась вдруг страииой и чужой. Наверио, противиик залег или подбирался к позициям, а может быть, пошел в обход и, крадучись, готовился ударить с тыла.

— Петро Лазорич, эй! — Даиилии тнхо оклнкиул Петра.

Почти без шума Войков быстро проскользиул вдоль иасыпи.

— Ты звал, Аиисимыч?

— Да я вот что,— зашептал солдат.— Ты с ребятами ие мешкай. Как грузовики повериете, я тут за вас за всех посторожу. Ты только «гочкис» прикажи мне вот сюда стащить. Патроиов у меия еще полторы леиты.

Грузовики развериули иа руках, толкалн вдесятером. В спешке ие чуяли тяжести машнн. С Даннлиным оставилн одиого дружииника. Остальиые бегом кииулись к плавнльне.

Оцеищик и маркировщик слитков, щуплый, встревожеииый, ждал в полуподвальиом храннлнще. Ведомость была приготовлеиа зараиее, и при свете фоиаря Войков подписал ее. Помимо золота в двух ящиках храиилась платииа, а сами ящики со слитками, очеиь тяжелые, тащить было иеспоручио ии вдвоем, ии в одииочку. Кто-то сообразил, что хорошо бы раздобыть иосилкн нли мешки. Мешков ие иашлось, а иосилки лежали далеко — у циаиовых чаиов. Одии иосилки отыскалн за топкой, кто-то прикатил ручиую тачку. В иосилкн и в тачку вместили золота, сколько могли. Небольшие, пудовые ящики взвалили иа плечи. Заторопились, поиесли. Тачка вязла, ковыряла глииу колесом. Ее пришлось иаполовиву разгрузнть. Дотащнлн, иаспех свалили в кузова вескую поклажу. В храиилище оставалась еще треть. За последиим грузом пошли

вшестером. Остальиые залегли в цепи. Темиые пятиа завозились справа в глубине березового мелколесья.

— Иваи Анисимович, видишь? — косиулся Даиилина Петр.

— Погоди... Пусть погуще иаползут.

Ои приспустил чуть вниз дуло пулемета, медлеиио завел влево и бесперебойиой строчкой резаиул по кустам.

Шестеро что-то медлили в храиилище — так казалось всем. Наконец послышались шаги — ребята впопыхах тащили ящики.

Через плотиму проскочили с ходу. Пули чвыкиули иад головами. Кто-то всполошился там, в кустах, и ударил вслед иаугад. От плотины дорога вела вниз и влево, а потом полого забирала в гору. Здесь, на взгорье, винтовочиый выстрел вполие мог достать, и потому прилегли, вжались в доски кузова. Отъехав с версту, включили фары, иа душе отлегло.

На станцию прибыли иа рассвете. Эшелои стоял под парами. Перегрузили золото. Десять человек охраиы и с иими Петр сквозиым рейсом отправились в Пермь. Даиилии со всеми ие поехал. Его подвезли на грузовике в ревком, где его ждал и маялся полусоииый Роська.

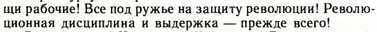
Войков возвратился в Екатериибург через сутки, а 12 июля в здаиии Волжско-Камского баика состоялось закрытое заседание исполкома Уралсовета. Петр участвовал в ием с первой до последией мииуты. Это был миг истории, когда с моиархией было покоичеио раз и иавсегда: Уралсовет вынес смертный приговор бывшему царю Николаю II и члеиам его семьи. Приговор утверждали голосоваиием. Подписали его А. Г. Белобородов (председатель), Б. В. Дидковский (зам. председателя), Ф. И. Голощекин, Н. Г. Толмачев.

Расходились сосредоточеииые, усталые. Решеиие выиесли твердо. Алексаидр Георгиевич Белобородов каким-то непостижимым сверхиапряжением направлял суждеиия к едииой иеизбежиой мысли, и Петр одиим из первых поддержал его: «Мы в кольце иитервеиции и белогвардейских полчищ, которым иужеи только символ, только едииица царской фамилии, чтобы от имеии ее объявить иезакоииой кровью добытую в революции власть иарода и чтобы иачать крестовый поход иа только что освободившийся иарод. Оставив царя Николая или кого-то из Романовых в живых, мы выносим смертиый приговор сотням

тысяч, миллионам ни в чем не повинных человеческих жизней, выносим смертный приговор и рабочим, и крестьянам, и передовой интеллигенции, не говоря уж о тех лучших сынах Отечества, которые стали в ряды Коммунистической партии большевиков».

Н. Г. Толмачев, член Уральского областного комитета РСДРП(б) и Уральского областного Совета.

17 июля 1918 года газета «Уральский рабочий» поместила воззвание, набранное крупным шрифтом:

«Банды чехословаков приближаются к Екатеринбургу. Товари-

щи рабочие! Все под ружье на защиту революции! Революционная дисциплина и выдержка — прежде всего!

Возврата нет! К оружию! К оружию! Все под ружье!»

23 июля 1918 года «Уральский рабочий» опубликовал сообщение:

«Казнь Николая Кровавого.

В ночь с 16 на 17 июля по постановлению Областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала расстрелян бывший царь Николай Романов. Рабочие и крестьяне, поглощенные гигантской творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли жить до народного суда! Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями. Расстреливал он бедняков и тогда, когда они просто поднимались против своих хозяев, и тогда, когда шли к нему за помощью. Вокруг Николая все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Появились очень показательные слухи, что Михаил Романов встал во главе сибирского правительства, хотя и отказался от восшествия на

престол до Учредительного собрания. Истинные намерения белогвардейцев четвертого согласия обнаружились уже из того, что во главе всех (верховным полководцем) встал генерал Алексеев, преданный слуга Николая Кровавого, сам палач по убеждению. Царская буржуазно-помещичья монархия или социалистическая диктатура рабочих и крестьян — так поставила история вопрос о жизни и смерти».

В те дни успевать по делам Войкову удавалось только верхом на коне. Обветренный, загорелый, в порыжелом френче, в кавалерийских брюках и сапогах появлялся он то на станции, то у складов, то в ревкоме. Из многочисленных забот о ларьках, мануфактуре, пайке для рабочих главнейших было две: вывезти хлеб и отправить с заводов в Пермь готовое железо. Хлеб для армии, железо — в оружейные цеха. Петр метался от воинских частей к рабочим дружинам, требовал людей для немедленных погрузочных работ, перемещал составы. Омытый дождями, прокопченный паровозной гарью, веселый, азартный и дерзкий, он лихо скакал на своем маштаке...

Время мчалось галопом. Дел было невпроворот, а вечером, возвратясь в номера, Петр не застал дома жены. Обеспокоенная няня передала записку и сказала, что хозяйка до последнего часу была в тревоге и все надеялась дождаться его. Он развернул листок, исписанный неровным торопливым почерком:

«Дорогой мой Петрусь!

Дурные вести: на Верхнем Тагиле, в поселке Висим вплоть до Нижнего Тагила надвигается мор — болезнь повальная. Общие признаки — сыпно-тифозная и брюшнотифозная эпидемия. Дай бог, чтобы не холера. Есть прямая угроза красноармейским войскам. В два часа дня туда уходит спецпоезд. Мы — я, как представитель Комиссариата здравоохранения, доктор Лепешинский, санитарный врач Коровин, двое фельдшеров и четыре сестры милосердия — едем в очаг *.

Береги сынишку. Не тревожься, родной мой. Жди.

Твоя Адель».

---

* Врачи Лепешинский, Коровин, Упоров работали в Екатеринбурге и до Октября, и впоследствии. Доктор Лепешинский был горячим сторонником Советской власти, одним из первых организаторов Комиссариата здравоохранения на Урале.— *Авт.*

Где-то за строчками звучал заботливый голос. Горло сдавила щемящая мука, но изменить ничего было нельзя: в ближайшие два-три дня красноармейские части оставляли город. Чехословацкие и белогвардейские войска надвигались с юга и с юго-востока. Вспомнилось, что в поезде Малышева банда не оставила никого в живых — ни врачей, ни медсестер, ни раненых. Если санитарный поезд доктора Лепешинского не успеет проскочить на Нижний Тагил, участь его предрешена...

К тому времени Американские номера обрели вид полнейшего запустения: немытые лестницы, заваленный всевозможным хламом двор. Повсюду валялась поломанная мебель, битая посуда.

Петр поднялся к себе иа второй этаж и как был — запылеиный, усталый — распахнул френч, спрятал сыиа на груди и долго стоял так, касаясь лицом ершистой детской головенки...

В ночь на 25 июля покидали Екатериибург. Уралсовет, ревком грузили в вагоны оружие, архивы. От вокзала Войков прискакал за сыном. Чуя тревогу, конь фыркал, перебирал копытами и, прижав уши, косился куда-то в сторону реки. Сын спал и никак не мог проснуться. Петр сунул в переметную суму узелок, прииял соииого сына, обмякшего, беззащитиого, на руки. Ребенок открыл глаза, обнял отца за шею и сиова усиул, теперь довольный и безмятежный.

— Храни вас бог...— няня широко перекрестила обоих и приложила к глазам уголок платка.

На следующий день белочешские войска и эсеровские банды под колокольный звон входили в Екатеринбург. Архиепископ Гермоген объявил богослужение «по царю убиенному». Готовилось шествие через весь город с черными катафалками, с хоругвями, со знаменами. В Вознесенском соборе гремел диакон: «Со святыми упокой!»

По улицам и на квартирах искали, ловили «советчиков». Гвардия генерала Алексеева давала волю прикладам, шомполам. На золотоплавильне повесили маркировщика и пятерых рабочих. На Возиесеиском проспекте, между хоромами Расторгуева и домом Ипатьева, с утра качался на фоиаре какой-то бедолага, который кинулся бежать, завидев «спасителей отечества». Коииый разъезд схватил шофера Сергея Ивановича Люхаиова. Ои решил уйти из города на грузовике. Люханов знал, где захоро-

нены останки Ромаиовых. Пытали его жутко: вздериули иа дыбу, сдирали кожу и «жарили большевика». И в муках предсмертиых Люхаиов место ие иазвал. Его расстреляли. Трауриая оргия по царю не состоялась.

Увереиио приияв белогвардейскую и белочешскую опору, буржуазиая власть не скупилась на заседання с банкетами, иа торжества и речи. Старое возвращалось. Возродилась Екатеринбургская дума. Сохранились протоколы заседаиий этого учреждення от 31 июля и 3 августа 1918 года:

«Председателем Екатеринбургской городской думы избрали П. А. Кроиеберга.

От партии Народиой свободы в список гласиых вошли Спасскнй Александр Михайлович, Кроль Лев Афаиасьевич.

От партии социалистов-революционеров Кощеев Аркадий Аиатольевич, Келль Ннколай Григорьевич и т. д.— всего 45 человек от разиых партий и групп.

Начальник гариизоиа полковиик Шереховский произиес приветствеиную речь, призывая гласиых к их трудиой и ответствеииой деятельности, обещая им полиую поддержку со стороиы воеииой власти...

Гласиый А. А. Кощеев предложнл выразить увереиность в том, что возрождающаяся русская армия и чехословацкие части, родственные по крови и духу, явятся твердой опорой для возрождения России... и создаиия в страие иачал закоииости и порядка на основе истиииого демократизма и иародоправства».

По улицам города гужевой тягой волокли по земле свежие бревна. «Спасители России и иародоправства» приказали строгать виселицы и ставить их на пустырях: повешеииые иа фоиариых столбах иачали смердить на солицепеке н мешали «чистой публике» иаслаждаться законностью, порядком и свободой.

Глава X

Данилин расстался с Войковым на станции Кунгур. Отсюда в сорока верстах по реке стояло родное село Ивана Анисимовича. Его жена и малолетние дети померли еще в 1916 году, когда он лежал в лазарете. Теперь вместе с Роськой Анисимыч думал начать там жить. Подновить избу, вспахать землицы. Ревком выделил солдату триста рублей серебром на обзаведение, и вот на рассвете, закинув вещмешок с пожитками за спину, Данилин вышел из вагона.

— Ну, Петро Лазорич,— сказал он,— прощай! Бог даст — повернем время в нашу сторону. Может, и свидимся. И женка твоя сыщется...— заметив глухую тревогу в глазах Петра, успокоил он.— Ну, а уж коли что — так все равно жить надо. Ну, в добрый час...

Он обнял Петра, и тот крепко сжал поникшие плечи солдата. Роська деловито, по-мужицки подал ладонь и, посопев легонечко носом, басовито промолвил:

— Прощевай, комиссар. Ты про нас не тужи. Мы в хозяйстве спорые...

Войков вскочил на подножку отходящего вагона и долго смотрел на удаляющиеся фигуры.

Доктор Лепешинский остановил свой поезд на разъезде за Невьянском. Он рассчитывал начать отсюда санитарное обследование в войсковых частях и ближайших поселках. После осмотра, стрижки, прививок и дезинсекции красноармейские подразделения отправлялись на Нижний Тагил и далее на Пермь. Весть о взятии белыми Екатеринбурга пришла в Невьянск 26 июля, когда работы там оставалось еще на два-три дня.

— Ничего, будем продолжать,— распорядился доктор.— На тиф, как я полагаю, ни чехи, ни белогвардейцы

со штыками не полезут. Постращатся, сукины дети. А если и явится, скажем, сюда его высокопревосходительство генерал Алексеев, так непременно сняв штаны — для укола. Ему, я полагаю, тоже помирать неохота от какой-то вши. Тифус экзантематикус * чинов не различает и виселицей его не припугнешь.

Доктор был прав. Белоказачий разъезд, пройдя от Екатеринбурга до Верхней Пышмы, двое суток отсиживался в глухой деревне близ озера Таватуй, чтобы не лезть в гиблые места. По возвращении сотник доложил, что «красные там перемерли и валяются кучами».

Через три дня санитарный поезд ушел на север и оттуда на Кушву. На пятые сутки прибыли в Пермь. Добрую весть о прибытии поезда донес железнодорожный телеграф. За те дни Петр почернел и осунулся. Запали щеки, заострился нос, в глазах застыла глубокая горечь. Теперь к нему не шло привычное веселье: серьезней, сдержанней стали слова, и сам он стал резче, определенней — впереди предстояло и биться и жить.

В июне 1918 года Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина объединил все войска в Поволжье в единый Восточный фронт. Но 7 августа белочехи ворвались в Казань, где им удалось захватить золотой запас Республики. Наступление шло с юга, в обход. Северная железная дорога по линии Пермь — Вятка — Галич оставалась единственной дорогой для маневра войск и перевозок. Держался Нижний Новгород, но над ним нависла угроза — с юга, от Тамбова, и с востока, от Казани.

В Перми станция была забита до отказа. Сюда прибыли эшелоны из Нижнего Тагила, Златоуста, Уфы. Часть составов пришлось отправить на север, в Березняки. Старые вагоны и пустые цистерны маневренным паровозом отводили в тупик и там спускали под откос.

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов утвердил постановление ВЦИК от 29 мая, объявив военную службу обязательной для всех трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет; шло зачисление в тыловое ополчение; военспецы — офицеры и чиновники старой армии — были обязаны призываться в Красную Армию. Съезд утвердил в воинских частях и военных учреждениях должность военного комиссара.

---

* Сыпной тиф.

Владивосток уже был объявлен под протекторатом союзных держав, и там высадились японские, английские, американские и французские войска. Уже подавлены были ярославский белогвардейский и московский левоэсеровский мятежи, уже предал революцию командующий Восточным фронтом левый эсер Муравьев, уже десант Антанты захватил Архангельск и контрреволюционный мятеж охватил Ижевск и Воткинск, когда грянула страшная весть — покушение на Ленина. 30 августа 1918 года эсеркой Каплан был тяжело ранен Владимир Ильич Ленин. Захолонуло сердце России — будет ли жив? Через пять дней был объявлен красный террор.

В августе белогвардейцы захватили Верхнеуральск и Читу, в сентябре — Хабаровск и Благовещенск, а на Дальнем Востоке последний опорный пункт Красной Армии — Зею. В том же месяце в Уфе объявлена верховной властью эсеро-кадетская Директория. В Советской республике был создан Реввоенсовет, главкомом назначен И. И. Вацетис.

В сентябре 1918 года Красная Армия перешла в наступление и освободила Казань, Симбирск; в октябре — Самару и Сызрань, в ноябре — Челябинск. Но 18 ноября 1918 года смертный враг Советской власти Колчак с помощью кадетов, офицеров и интервентов произвел в Омске военный переворот, установил военную диктатуру и объявил себя «верховным правителем Российского государства».

Колчаку досталось немало: золотой запас, захваченный чехословацким корпусом в Казани, оценивался в 651,5 миллиона рублей золотом. За оружие, амуницию и другое добро Колчак отдал Великобритании 2883 пуда золота, Японии — 2672 пуда, Америке — 2118 пудов, Франции — 1225 пудов золота. В общем верховная власть обошлась адмиралу в одиннадцать с половиной тысяч пудов золота. Славу Колчаку пели кулаки, заводчики, помещики. Оставив Украину немцам, Баку — англичанам, Дальний Восток — японцам и американцам, кадеты и монархисты лелеяли мечту о «единой и неделимой России». Во имя «свободы и прав» человека колчаковцы, белогвардейцы и белочехи только в Екатеринбургской губернии расстреляли 25 тысяч человек *. В губерниях снова

* Если учесть, что в Екатеринбурге в 1913 году проживало 40 тысяч человек, а казни и расстрелы колчаковцев приходились в основном на этот город, то в Екатеринбурге практически был расстрелян каждый второй житель.— *Авт.*

появились губериаторы, восстанавлнвались царские законы.

Америка дала адмиралу за золото 450 тысяч винтовок, Великобритаиия — 200 тысяч комплектов обмундироваиия, Фраицня — 30 самолетов н 200 автомашии.

На русского мужнка иапялнли аиглнйские штаиы иавозного цвета (по-иностраииому — цвет хаки), дали в руки америкаискую виитовку и приказали убивать своих. На крестьян свалились повиниости н налоги куда злей, чем при царе. Армия Колчака иасчитывала около 400 тысяч человек, из них 30 тысяч офицеров. На фроит Колчак мог выставить сразу до ста сорока тысяч штыков и сабель. Поветрие — где что урвать, чтобы потом уж жнть безбедно,— ползучей гнилью сверху доиизу охватило «освободительиую» армию Колчака. Лихое мародерство стало здесь привычным, как устав: кто поспевал в бою, тот обшаривал убитых, кто шел следом — снимал с них сапоги, а третий эшелон раздевал покойных уже доиага. Бывший полковник Дутов с остаткамн белоказачьнх отрядов влился в войско Колчака н получил чии геиерал-майора. Генерал Алексеев, утративший возможиости спасителя России и царя, тоже прнмкнул к Колчаку. Полковинк Шереховский, свирепствуя повсюду, пробивался в геиералы.

Еще 16 августа 1918 года при Высшем совете иародного хозяйства была образоваиа Чрезвычайная комиссия по производству предметов воеииого сиаряжения для Красной Армии. Впоследствии (2 иоября) эту комиссию реорганизовали в Чрезвычайиую комиссию по снабжеиию Красной Армин. Появилась армия Наркомпрода — около сорока тысяч бойцов. 21 иоября отменеиа частиая торговля и введеио плаиовое распределение продовольствия иаселеиию.

В течеиии буриых событий Войков умел иаходить свое место в строю. Ему прнходнлось думать, как иа простраистве в двести верст к югу н примерно сто верст к востоку от Перми раздобыть хлеб для воиисках частей, для города и заводов. На востоке — места гориые, иа севере — Соликамск, там миого соли, на западе — Цеитр Республикн, там хлеба вовсе иет. На юге Ижевск и Воткинск захвачены — там правит эсеровская Директорня. Но к востоку, в ста верстах с иебольшим, лежал Куигур с его знаменитыми когда-то хлебными базарамн. Тех базаров теперь иет,

ио южиее остались хлебные села, деревни и хутора. И еще: юго-западнее, по Каме, верстах в пятндесяти от Воткинска, пригрелось иа берегу большое село Елово. К тому селу вполне мог прнстать пароход. Место опасиое — белые рядом, прямо под носом, можно сказать, и лучше бы хлеб оттуда переправить в Осу. Оса стонт северней, блнже к Перми.

После Екатериибурга Войкову пришлось иачииать все заиово: и продотряды формировать, и места искать хлебиые. Ои помнил, что Лепа, комиссар реквнзиционного отдела Екатериибурга, и его заместитель Савельев имели в своем отделе 15 человек — кто-то из ннх должен был уцелеть. А был там народ испытаииый, боевой, толковый. Если отыскать хотя бы половииу да добавить к иим бойцов, то можио смело плыть иа буксире под самый Воткииск, грузить баржу хлебом и тащить ее вверх, к прнчалу в Перми. Правда, от Воткииска, заиятого белоказаками, до Елова иаберется около шестидесяти верст. Здесь легко иарваться иа казачьи отряды. Одиако Воткииск стоит иа той стороие Камы, а Елово — иа этой. А пушка иа что? Есть иа буксире и пулемет. И берега у Камы иеровиые — то крутые, то плоскне: иа конях казакам ие разбежаться. От Елова по реке до Пермн верст трнста. За неделю можио доплыть. Зато сколько хлеба — баржа!

Да и где теперь без риска? А к югу села богатые — Елово, Фоки, Барда, Большая Уса, Утииское. Большая Уса — самое южиое село. Сюда от стаиции Куеда белоказакам доскакать легче, чем куда-либо. Да пока соберутся — колокольию увезешь: ныиче и казаки ие очеиьто под пули лезут. Оно и поиятно — радн кого? Ради Директории? Ради помещиков, кулаков?

...В иачале сеитября, в прозрачиый н ясиый день иа Каме, у деревяииого причала, сшитого из толстых досок и бревеи, пыхтел и дымил иебольшой буксир — темиый, закопчеииый от трубы до ватерлииии. По помосту, иаброшеииому с причала, двеиадцать человек осторожно н медлеиио катили пушку. Короткорылая, с тяжелым лафетом и широким щнтком трехдюймовка съехала с помоста и, срывая щепу с досок, тупо ударнлась оковаииыми колесами о палубу. Пушку затащили на нос; из трубы вырвались клубы серого дыма, иатужио зашлепали гребиые колеса, н буксир выбрался на середнну реки. На борту осталась комаида нз восьмн человек.

Отослав букснр вннз по Каме на Осу — Елово, Войков в тот же день выехал с поездом на Кунгур, чтобы пройтн с продотрядом по селам на юг н встретнться с буксиром у прнчала в Елово. Баржу буксир подцеплял у Осы н оставался ждать в Елово.

В том, что белые обошлн Пермь с юга н моглн наступать с востока н юго-запада, чувствовалась грамотная военная тактика, протнвостоять которой моглн только регулярные войска. Маневр повторялся: Екатерннбург белочехн с казакамн взялн тем же способом. Но там обойтн город с тыла мешалн Уральскне горы. Здесь же, продвнгаясь по железной дороге на станцню Кез, белые могли выйтн прямо в тыл Пермн. Красноармейскне частн от Кеза н Белезнно пока что плотно держалн оборону. Но сколько дней продержнтся эта оборона, ннкто не знал, н срока, отпущенного на вывоз хлеба с юга, ннкто не мог определнть. Наступленне от Ижевска — Воткннска завнсело от согласованностн действнй ставкн белочехов н Днректорни, но внутрнусобная борьба за власть мешала белым расшнрнть плацдарм военных действнй.

На рассвете, как только Войков вышел нз вагона, его срочно позвалн на прнстанцнонный телеграф. Из большевнстского подпольного центра Ижевска в Пермь прншло сообщенне: «Из Воткннска на село Частые вышла казачья сотня есаула Шатова. Возможна переправа н выход на Осу».

Село Частые — по ту сторону Камы. Есть паром. От переправы до Осы — меньше сорока верст. Еслн буксир направнтся в Елово, его могут перехватнть у села Частые; еслн останется у Осы, сотня может взять его там. Следовало предупреднть команду буксира где-то выше по теченню, пополннть отряд н только тогда плыть дальше. Из пятндесяти двух человек продотряда, прнбывшнх на станцню Кунгур, можно было взять человек десять, не больше. Еще человек трндцать подобрать в Кунгуре. Пока соберешь отряд, пройдет два-трн дня. За это время буксир прнплывет прямо в рукн есаула Шатова.

На двух тачанках с пулеметом, выделнв нз отряда семь человек, Петр в то же утро поскакал в сторону Осы. В Кунгуре он оставнл Мнханла Савельева, чтобы тот собрал отряд н двннулся вслед за тачанкамн. От Кунгура до нзлучнны Камы напрямую сто верст путн, а по дороге наберется все сто двадцать, а то н сто сорок. Уже в самом начале путн стало ясно: на тачанках к сроку не успеть. Колеса вязли то в глнне, то в песке, бнлнсь о камнн,

и кони, пущенные рысью, покрылись хлопьями белой пены.

К полудню в первом селе за речкой Сылвой Войков приказал остановиться. Село большое, дворов триста, смотрело со взгорья на широкие луга с перелесками, а его церковная колокольня виделась издалека. Порасспросив двух-трех встречных, Петр узнал, где на селе расположился комбед. Комбед — организация новая, создана в июне 1918 года, но куда, как не в комбед, обращаться со срочным делом? Где раздобыть трех коней с седлами, комбедовцы могли знать лучше, чем кто-либо другой. Указать кулака, мироеда на селе рискнет не всякий.

Председатель комбеда, продубелый, сухощавый мужик, посоветовал нагрянуть насчет коней к Салотоповым: «У них тягловых и верховых распихано в подворье да на двух хуторах, так что и мы не точно знаем, сколько всех имеется».

Из высоких окон салотоповского дома наблюдали за приезжими и не торопились открывать. Зловещий собачий перебрех прокатился по дворам. Чувствуя, что хозяев не докличешься, Петр велел, чтобы тачанка подъехала в упор.

— Казаков, разверни-ка на ворота пулемет! — громко, чтобы слышали, распорядился он.

— Чичас, граждане хорошие,— послышался дребезжащий голос, и к калитке прошаркали чьи-то не слишком спешащие ноги.

Круглый старичок встретил Войкова колючей прозеленью сощуренных глаз.

— Трех коней! Лучших, верховых, под седлами! — без лишних объяснений заявил Петр, шагнул во двор и огляделся.

Двор был широк, прочно застроен хлевами и конюшней, амбарами.

— Псов убрать, пока не постреляли! Нам некогда! Сейчас и будем седлать!

Резкий тон не дал хозяину опомниться, и хитрый-прехитрый Салотопов, растерявшись, не нашел, что соврать:

— Кобылки-то на выгуле. А тут...— хозяин развел руками.

Трое сыновей, зять и два племянника, молодые, дюжие, явились на крыльцо. За спиной у последнего блеснул спрятанный обрез.

— Степан! Открыть ворота! — спокойно приказал Петр.— Эй, ты! А ну — кинь обрез!

Ворота отворились, и хобот пулемета, нацеленный на Салотоповых, надежно вразумил их.

Обрез шмякнулся с крыльца. Хозяин вздыхал, стонал и охал. Он намеревался в тот день отогнать коней на хутор, но замешкался с похмелья...

Когда трое верховых пустили по проселку пыль, Салотопов плюнул на расписку, подтверждавшую реквизицию у него трех коней для нужд военного времени, но потом одумался, засунул бумажку за божницу и принялся вымещать всю злость на ближних.

Филипп Проскуряков заметил трех всадников на берегу в тот час, когда солнце уже наполовину кануло за горизонт и небо казалось сизовато-голубым.

— Вот и разъезд казачий. И откуда ему быть? — сказал он Николаю Садчикову, который, отирая ветошью руки, только что вылез из машинного отделения.

— Ребята, изготовьсь! — приказал Филипп, и двое заряжающих с наводчиком подскочили к пушке.

— Погоди-ка... Что-то не похожи,— придержал ребят Николай.— Папах не видно.

Один из всадников размахивал фуражкой.

— Братцы, да никак комиссар! — Филипп приметил освещенную уходящим солнцем русую шапку волос.— Он! Ей-богу! Ну так и есть! Не иначе как с делом. Хорошо скакали. Вон какие кони понурые!

Через полчаса буксир причалил к берегу, ткнувшись носом в крутой глинистый откос.

* * *

После майских декретов ВЦИК и СНК о введении продовольственной диктатуры, реорганизации Наркомпрода и учреждении рабочих отрядов при местных продовольственных органах поход за хлебом стал делом централизованным и плановым. Летом 1918 года, когда Центр Советской России оказался отрезанным от главных хлебных районов, посылка продотрядов в деревню приобрела особую важность.

В условиях продовольственного кризиса единственно возможной формой заготовки хлеба стала продразверстка. Ленин писал: «Разверстка была наиболее доступ-

ной для недостаточно организованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков...»

Ворон чует чью-то смерть, бандит — пожниву, кулак — чужую беду, которой можно воспользоваться. В трудное лето 1918 года не хотел кулак терпеть Советскую власть. Так и чаял: «Вот придут казаки, посшибают башки коммунарям, и будет он, кулак, снова твердо стоять, а в ногах у него голытьба валяться».

Не забыл обиды Салотопов, не простил и страха того, когда под дулом пулемета ноги начисто отнялись. Едва пыль осела за комиссаром, угнали Салотоповы скот, а хлеб отправили обозом в сторону Воткинска. Надеялись: ходкие кони уйдут. А явится продотряд вслед за комиссаром — в закромах-то пусто. Гнали обоз сыновья да зятья салотоповские на село Фоки, что стоит верстах в восемнадцати от Камы с уральской стороны и южнее Воткинска. Там, в Фоках,— казаки. Лишь бы приняли дар, а там придет белая власть — все с лихвой окупится. Планам этим помешал комбед: выслал нарочных навстречу продотряду. Двадцать конников помчались наперерез обозу — и не попал хлеб к белым...

Две недели шел продотряд по южным селам, основательно перетряхнул кулаков. Баржу загрузили хлебом за Осой. Сотня есаула Шатова переправилась у села Частые на левобережье и пыталась напасть на баржу. К тому времени к продотрядовцам подоспела помощь — 52 бойца из Кунгура. Потеряв тридцать человек убитыми, Шатов отвел сотню южнее, в прикамскую низину, и не пытался больше атаковать. К концу сентября баржа с хлебом прибыла в Пермь.

В том же месяце объединенные советские войска Восточного фронта перешли в наступление. Но именно с ноября начинался иной ход событий, в котором четырехсоттысячное войско Колчака, снабженное оружием Антанты, представляло страшную силу, и силу ту Республика Советов должна была одолеть. Чехословацкий корпус для «верховного правителя» имел теперь второстепенное значение — благодаря подпольной работе коммунистов чехословаки больше не хотели воевать. Колчак перевел потерявший военную активность корпус в тыл, на охрану железных дорог. Адмирал рвался к Москве. На его пути стояла Пермь.

От Соликамска через станцию Кизел шел красноармейский эшелон. Соликамск богат солью, а хлеба лишнего там нет. Эшелон следовал на прифронтовые позиции по линии Екатеринбург — Пермь. Бойцы вторые сутки обходились без хлеба, и председатель Кизелского Совета отдал последние запасы муки воинскому эшелону.

В Кизеле — угольные копи. Отсюда, только отсюда мог поступать уголь для железных дорог и заводов. В копях работа старинная — обушком. Без хлеба, как говорят, там не выдуться. Эсеры пустили слух, что шахтеры Кизелских копей будут теперь работать без пайка. А кто не верит — пусть узнает, есть ли на складах хоть полфунта муки: все забрали Советы, чтоб держать свою власть. Обстановка накалялась час от часу.

В шахте кто-то крикнул: «Кончай работу, если неохота подыхать!» Большевистский комитет, как мог, успокоил рабочих и срочно телеграфом подал в губернию весть. Обычный недельный срок проезда из Перми в Кизел сулил огромные беды: за это время без хлеба остановится работа в копях; шахты зальет вода, откачивать придется месяц; забои рухнут, а там — замрут иа заводах плавильные печи, заглохнут кузнечиые, прокатные цеха; не то что пушку сделать — револьверного ствола не высверлишь; станут на линиях поезда, а Колчак с белой гвардией вот он — рядом!

Петр только что прибыл из Левшино, что под Пермью: там застрял состав, груженный углем. О том, что в Кизеле нет хлеба и угольным копям грозит остановка, комиссару сообщили, как только он сошел на перрон в Перми.

Как был, усталый, голодный, помчался Войков на пакгауз. Распорядился отгрузить в вагоны муку, а сам отправился в депо — отыскать машиниста с дежурной сменой и паровоз.

Осенний день короток. Сумеречное небо освещало землю блеклым светом. Вдали уже настилалась густая и мутная темь. На узкой площадке перрона, чуть поодаль от входа, оркестр лихо выдувал из медных труб походный марш: воииские эшелоиы отправлялись на фронт. На забитых составами путях маневровая «кукушка» толкала вагоны.

В депо на ремонте стояло два паровоза: одному вплавляли баббитный подшипник, второму меняли колосники и чистили котел.

Рабочий люд сознателен и человечен. По делу договориться можно. Машинист, уже не молодой, измученный

двухсуточным перегоном, спал в каптерке душным, нездоровым сном. Его голова криво и неловко лежала на замасленной телогрейке. Его не будили до последней минуты, пока уже не вывели паровоз из депо. Очнувшись, машинист встал и, шатаясь в полусне, шагнул с закрытыми глазами к ведру, черпнул кружкой, плеснул себе в лицо водицы, выпил шумно, жадно, отерся рукавом и направился к паровозу.

Вывести груженый состав с забитой станции — работа сложная. У командира воинского эшелона Петр выпросил для себя полчаса. Недавно сонный, вялый машинист сам передернул составы: один выгнал на запасный путь, второй вывел на прямой прогон Пермь — Чусовая. К Чусовой подъехали ночью. За мостом перед въездом на станцию стоял порожний товарняк, который вот уже вторые сутки не мог пробиться на Кизел за углем. Поезда от Нижнего Тагила, от Кушвы отходили на Пермь один за другим. Машинист товарняка, подручный и четверо сопровождающих пытались доказать, что сейчас всего важнее пропустить состав на Кизел.

— Вы понимаете,— говорил Войкову начальник станции, истрепанный, нервозный человек,— идут воинские эшелоны.

— Да-да. Как не понять. Именно так и есть,— соглашался с ним Петр.— Вы только никак не способны домыслить одной на этот случай мелочи.

— Мелочи? Какой?

Петр повременил, выдержал паузу.

— Я тут шел к вам от моста вдоль линии. Запасов угля у вас нет. А в Кизеле нет хлеба. Так вот: если мы в ближайшие часы не доставим в Кизел хлеб, угля не будет совсем. И придется тебе, дорогой начальник, давать объяснения Ревтрибуналу по поводу остановки транспорта на линии Тагил — Пермь. Понял?

— Так бы сразу и сказал,— неожиданно улыбнулся начальник, и тут только Войков разглядел, что перед ним матрос в железнодорожной форме — в шинели и шапке, что на груди его тельняшка.

Матрос оказался человеком дельным и расторопным.

— Ты понимаешь,— говорил он Петру, шагая с ним рядом по мутно освещенному перрону,— тут у нас — каша. В диспетчерской сам поймешь. И контра наблюдается, и анархия есть. Вон сегодня утром в тупике оказался локомотив, а на нем вывеска: «Продается паровоз с тен-

дером». Партия анархистов паровоз реквизировала. Ну и продает...

— Кому?

— А буржуям, что хотят к Колчаку назад в Екатеринбург удрать.

— Да, весело у вас тут,— усмехнулся Петр.— Паровоз отобрали?

— Нет. Там и оставили.

— Да ты что?

— А ничего. Они его уже продали. В потемках. Паровоз-то худой. Снарядом прямо по котлу пробитый... Тут только что перед тобой гражданин в шляпе бегал,— продолжал матрос.— Кричал, что он представитель какой-то там народной демократической партии. А управу на анархистов прибежал у Советской власти искать. Только вот когда он к Колчаку собирался драпать, так нам не рекомендовался. Вот тут и гляди...— устало вздохнул матрос.

Пробиться груженым составом через станцию было не так-то просто. С Чусовой поезда шли к станции Калино, но там сгрудились составы из Лысьвы, со стороны Екатеринбурга. Оттуда на Пермь рвались беженцы. Поезда наседали на два соседних железнодорожных узла — Калинский и Чусовской. Дежурные по станциям охрипли у телефонов, отчаянно стараясь развести эшелоны на путях и разъездах.

Матрос приказал сдать составы за Чусовую, в сторону поселка Скальный — на восток. Под брань и скрежет медленно освобождались пути. Мешали анархисты со своим собственным паровозом и девятью размалеванными вагонами. Вагоны были набиты разным добром, с которым анархисты намеревались пробиться подальше в глубь России. Они не хотели сдавать свой состав в сторону Скального, им не было дела до голодающих рабочих, потому что «стояли они на платформе свободной личности и расходились идейно с большевиками».

— Какие там идеи! — ругался матрос.— Вы же боитесь чуть-чуть подать в ту сторону — на Колчака!

— Революционной отваги в них нет,— Петр глянул мимоходом на вагоны.— Черепов намалевано много, а отваги нет!

Анархисты взревели паровозным гудком, втащили на крыши вагонов пулеметы и помчались от станции на разъезд.

Поезд с хлебом пришел в Кизел в те же сутки. Закончились тревоги очередного рейса. Углем и хлебом тогда решалась жизнь.

В декабре пришлось оставить Пермь. События, как волны в ненастье, набегали одно на другое, а вокруг гремела война, и поливались кровью грозой мощенные дороги, и шли на смерть большевики, поборники свободы, и дальше Советской России не было места, куда отступать.

Послесловие

Пройдут столетия — и в людях не угаснет стремление воссоздать день за днем, час за часом историю революции, историю борьбы за Советскую власть. Там — в извечном движении исторических эпох — будет также нужен пример подвига, глубины души и величия чистых помыслов, с которыми шли герои в революцию. Придет на смену новая череда поколений, но для них не прервется связь времен — та память о людях, для которых смыслом всей жизни была борьба за право порабощенного человека стать свободным.

Как же сложилась в дальнейшем судьба Петра Войкова, комиссара с чрезвычайными полномочиями? Вспомним, что 13 ноября 1918 года Советское правительство аннулировало грабительский для Республики Брестский договор. Началось изгнание немецких интервентов с Украины, из Белоруссии и Прибалтики. 30 ноября 1918 года был образован Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным, и уже весной — 28 апреля 1919 года — войска Южной группы Восточного фронта двинулись в контрнаступление, определившее начало разгрома Колчака. 11 октября 1919 года началось контрнаступление Ударной группы Южного фронта против Деникина. 10 июня 1920 года ЦК РКП(б) объявил мобилизацию коммунистов на Западный фронт. 17 ноября 1920 года были ликвидированы остатки войск Врангеля в Крыму. Республика Советов победила, и 21 марта 1921 года вышел декрет ВЦИК о замене продовольственной разверстки натуральным налогом. Свою работу комиссара снабжения Войков выполнил. Два бурных года стали для него тем испытанием на зрелость, из которого он вышел убежденным большевиком. Петр Лазаревич был вызван в Москву и работал там в Наркомате продовольствия. В октябре 1921 года его впервые назначили

на дипломатический пост — председателем делегации в смешанной советско-польской комиссии по передаче Польше культурных ценностей, которые попали в Россию во время первой мировой войны. С октября 1924 года Войков — полномочный представитель Советской Республики в Польше — посол СССР. В ту пору там осело много врагов: петлюровцы, врангелевцы, деникинцы, разные атаманы и батьки, которых пригрела польская буржуазия. Варшава стала одним из центров белогвардейщины. В мае 1926 года в Польше произошел государственный переворот — установилась реакционная диктатура...

Утром 7 июня 1927 года Петр Лазаревич в сопровождении одного из сотрудников посольства прибыл на Варшавский вокзал для встречи советских дипломатов. В 9 часов 40 минут утра белогвардеец Каверда выстрелил на перроне в советского посла. Умирал Войков в больнице в полном сознании — успел отдать последние распоряжения секретарю посольства и скончался от большой потери крови.

Оглавление

Бочкарев Б. И.

Б86 Грозой мощенные дороги: Повесть о П. Войкове, большевистском комиссаре с чрезв. полномочиями.— М.: Политиздат, 1985.— 158 с., ил.

Костромской писатель Б. И. Бочкарев рассказывает о коротком, но ярком, насыщенном событиями периоде жизни Петра Лазаревича Войкова — активного участника революционного движения в России, члена РСДРП(б) с августа 1917 года. Действие повести происходит в 1917—1918 годах на Урале, где Войков работал комиссаром снабжения областного Совета.

Книга адресуется массовому читателю.

Б $\frac{0902030000—231}{079(02)—85}$ 257—85

66.61(2)271.1
3КП1-8

Борис Иванович Бочкарев

ГРОЗОЙ МОЩЕННЫЕ ДОРОГИ

На 1-й стороне обложки:
1. П. Л. Войков в 1917 году.
2. «Хлеб революции».
С картины художника
А. Л. Наседкина.
На 4-й стороне обложки:
Памятник П. Л. Войкову
в Керчи.

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *Н. Б. Чунакова*
Младший редактор *А. В. Горенков*
Художник *В. М. Аникеев*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 4211

Сдано в набор 25.02.85. Подписано в печать 02.08.85. А00157. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 17,43. Уч.-изд. л. 8,42. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 495. Цена 40 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

40 коп.

Петру Лазаревичу Войкову (1888—1927) не исполнилось и тридцати девяти лет, когда белогвардейская пуля оборвала его жизнь на перроне варшавского вокзала. А до того были боевая дружина при Ялтинском комитете РСДРП, десятилетняя эмиграция, встреча с Владимиром Ильичем Лениным, приход в партию большевиков, напряженная и ответственная работа комиссара снабжения Уралсовета, организация продотрядов, дипломатическая деятельность...

П. Л. Войков похоронен на Красной площади в Москве. В Керчи, на родине, ему поставлен памятник. Имя его увековечено в названиях заводов, школ, улиц, одной из станций Московского метрополитена.